B 35
T 2 84

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
СПБ. VI Гимназіи.

№ инвентаря 2076
Отдѣлъ А
№ отдѣла 117 в

12/18

I.

II.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ

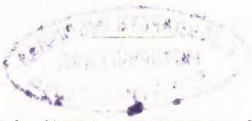
ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ

снимки съ древнихъ камеевъ

Тип и Лит Траншеля Влад пр 1

1335/84

ВСЕОБЩАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отъ смерти Александра Великаго до 2-й пунической войны

(323 г. — 218 г. до Р. Х.)

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. Траншеля, на углу Невск. и Владим. пр. д. № 45—1.

1873.

XIV A
10

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
702402

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire: c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe, Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modelez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung;— denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren?—und wer hatte je Uebung in der schweren Kunst des Feldherrn, ehe er zu dieser erhabenen Stelle gelangte?—sondern Bereicherung des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch Kenntniss und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящею II частью всеобщей военной исторіи древнихъ временъ начинается третій періодъ ея—наибольшаго развитія военныхъ учрежденій и цвѣтущаго состоянія военнаго искуства у римлянъ, отъ смерти Александра Великаго до Августа или образованія римской Имперіи, обнимающій почти три вѣка (323—30 г. до Р. Х.). Это—періодъ самый замѣчательный и поучительный изъ всей всеобщей военной исторіи древнихъ временъ, такъ какъ въ него входятъ: изложеніе военныхъ устройства, учрежденій и искуства у римлянъ — народа, покорившаго ими половину извѣстнаго древнимъ міра, и войны его, начиная съ самнитскихъ и затѣмъ пуническихъ, равно походы великихъ полководцевъ временъ римскихъ междуусобій и особенно двухъ изъ величайшихъ полководцевъ исторіи—Аннибала и Юлія Цезаря. А потому періодъ этотъ, хотя только 300-лѣтній, въ изложеніи едва-ли не обширнѣе двухъ первыхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Изданіе его въ одной книгѣ значительно увеличило бы и объемъ ея, и продажную цѣну. Но, имѣя въ виду сдѣлать настоящее изданіе болѣе доступнымъ по цѣнѣ отдѣльныхъ частей его, равно какъ и болѣе удобнымъ для его изданія, я рѣшился раздѣлить

его на три части: II-ю—отъ смерти Александра Великаго до 2-й пунической войны (323 — 218 г.), III ю — отъ начала 2-й пунической войны до походовъ Юлія Цезаря (218—58) и IV-ю—отъ начала походовъ Юлія Цезаря до Августа (58 — 30). Затѣмъ весь четвертый и послѣдній, 500-лѣтній періодъ всеобщей военной исторіи древнихъ временъ, отъ Августа до паденія западной римской имперіи (30 г. до Р. Х. — 476 г. по Р. Х.), по той же, означенной выше причинѣ, необходимымъ оказывается раздѣлить на двѣ части: V-ю—отъ Августа до Діоклетіана и Константина Великаго (30 г. до Р. Х.—286 г. по Р. Х.) и VI-ю—отъ Діоклетіана и Константина Великаго до паденія западной римской имперіи. Такимъ образомъ вся всеобщая военная исторія древнихъ временъ будетъ состоять изъ шести частей, которыя будутъ выходить одна вслѣдъ за другою въ продолженіе текущаго года.

Настоящая II-я часть и слѣдующая III-я до конца 2-й пунической войны составлены мною теперь совершенно вновь, потому что рукописи ихъ, составленныя мною въ 1838—1847 годахъ, по независѣвшимъ отъ меня и неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, оказались, къ крайнему моему сожалѣнію, утраченными, почему и появленіе этихъ двухъ частей въ свѣтъ по необходимости замедлилось.

Въ настоящей II-й части съ бо̀льшими полнотою и подробностью изложены: состояніе военныхъ: устройства, учрежденій и искуства у римлянъ въ эти, лучшія времена римской республики (глава XX) и войны римлянъ съ самнитянами и другими народами Италіи, Тарентомъ, Пирромъ, Карѳагеномъ (въ 1-й пунической войнѣ) и наконецъ съ лигурійцами, галлами и иллирійцами (главы XXI, XXII и XXIII), какъ представляющія высокую степень занимательности и поучительности. Въ слѣдующей же III-й части занимательность ея будетъ сосредоточиваться преимущественно на походахъ и дѣйствіяхъ Аннибала во 2-й пунической войнѣ.

Къ настоящей II-й части приложены: 1) 1 карта древней Европы, 5 чертежей и 4 небольшіе плана сраженій, означенные ниже послѣ оглавленія (карты же древнихъ Азіи, Греціи и Италіи приложены къ I-й части), и 2) сверхъ того въ заглавіи книги—снимки съ двухъ древнихъ камеевъ, изображающихъ Александра Великаго, и въ концѣ книгѣ, въ приложеніяхъ—дополненіе къ характеристикѣ Александра Великаго, изложенной въ I-й части, и объясненіе снимковъ съ двухъ камеевъ Александра Великаго, приложенныхъ въ началѣ книги.

Желая сдѣлать все зависящее отъ меня для большей доступности изданія по частямъ и въ совокупности, я нашелъ нужнымъ и возможнымъ измѣнить первоначально назначенныя цѣны и предложить подписку на цѣлое изданіе съ уступкой, что и означено, вмѣстѣ съ мѣстами продажи и подписки, на задней сторонѣ обертки.

Князь Н. Голицынъ.

Мартъ 1873 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Періодъ третій.

стран.

ГЛАВА XVIII. Македонія, Греція и Востокъ 1

I. **Военныя: устройство, учрежденія и искуство** 1

§ 115. Военныя: устройство и учрежденія 1

§ 116. Военное искуство 11

II. **Войны** 17

§ 117. Войны между преемниками Александра В. до сраженія при Ипсѣ включительно (323—301) . . . 17

§ 118. Войны послѣ сраженія при Ипсѣ до 1-й македонской войны римлянъ (301—200) 35

1) Войны въ Македоніи и Греціи. 35

2) Войны на Востокѣ 55

Глава XIX. Карѳагеняне 66

I. **Военное устройство и военное искуство** 66

§ 119. До конца 1-й пунической войны (241 г.) . . . 66

§ 120. Послѣ 1-й пунической войны 71

II. **Войны до 264-го года** 76

§ 121. Война съ Агаѳокломъ въ Сициліи и Африкѣ (311—306) 76

§ 122. Война съ Пирромъ въ Сициліи (278—276). . . 83

ГЛАВА XX. Римляне 86

§ 123. Военное устройство и военныя учрежденія . . . 86

§ 124. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ . 97

СТРАН.

§ 125. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ . . 102
§ 126. Римскій легіонъ и римская тактика, преимущества и недостатки ихъ и сравненіе ихъ съ греческою фалангой и греческою тактикой 108
§ 127. Внутреннее устройство и духъ войскъ и армій. . 114
§ 128. Кастраметація, фортификація и поліорцетика . . 132
§ 129. Образъ и искуство веденія войны. Состояніе военнаго устройства и военнаго искуства вообще . . 142
§ 130. Морскія военныя силы и искуство 151

ГЛАВА XXI. Войны римлянъ съ 343-го по 264-й годъ . . . 157

I. **Войны съ самнитянами, другими народами Италіи и галлами (343—290)** 157

§ 131. Географическій обзоръ древней Италіи и народовъ, обитавшихъ въ ней 157
§ 132. 1-я самнитская война (343—340) 165
§ 133. Война съ латинянами и кампанцами (339—327) . 168
§ 134. 2-я самнитская война (326—305) 170
§ 135. Война съ этрусками и умбрами (311—299) . . 178
§ 136. 3-я самнитская война и война съ этрусками, умбрами и галлами (299—290) 181
§ 137. Заключеніе 187

II. **Война съ Тарентомъ и Пирромъ** (281—272) 190

§ 138. Война съ Тарентомъ и Пирромъ (281—272) . . —
§ 139. Заключеніе. 199

ГЛАВА XXII. Первая пуническая война (264—241) 203

§ 140. Причины и начало войны. — Война въ Сициліи (264—261) 204
§ 141. Война въ Сициліи и на морѣ (260—258) . . . 206
§ 142. Война въ Сициліи, на морѣ и въ Африкѣ (257—255) 207
§ 143. Война въ Сициліи (254—248) 208
§ 144. Война въ Сициліи и на морѣ (247—241) . . . 218
§ 145. Заключеніе 221

ГЛАВА XXIII. Войны римлянъ между 1-ю и 2-ю пуническими (240—218) 224

СТРАН.

§ 146. Войны съ галлами и лигурійцами, въ Сардиніи и Корсикѣ (237—229) 224
§ 147. 1-я иллирійская война (229—228) 226
§ 148. Война съ галлами (224—221) 227
§ 149. Война съ истрійцами (220) 233
§ 150. 2-я иллирійская война съ Димитріемъ Фаросскимъ (218) 233
§ 151. Заключеніе 234

Приложенія къ I-й части всеобщей военной исторіи древнихъ временъ. . . . . . .

I. Александръ Великій, царь македонскій (къ характеристикѣ его) 3
II. Объясненіе двухъ древнихъ камеевъ, изображающихъ Александра Великаго 11

СПИСОКЪ

КАРТЪ, ЧЕРТЕЖЕЙ И ПЛАНОВЪ СРАЖЕНІЙ, ПРИЛОЖЕННЫХЪ КЪ НАСТОЯЩЕЙ ЧАСТИ.

стран.

1. Снимки съ двухъ древнихъ камеевъ, изображающихъ Александра Великаго . . . . . въ заглавіи книги.
2. Планъ 3-го сраженія при Мантинеѣ . . . . . 50 — 51
3. Чертежъ оружія и военныхъ машинъ, бывшихъ въ употребленіи у римлянъ 97
4. Чертежъ строя легіона въ разныя времена и римской арміи въ боевомъ порядкѣ. . 102—103
5. » » » » въ походномъ порядкѣ . 104—105
6. » лагеря римской консульской арміи . . . . 136—137
7. Планъ сраженія при Адисѣ . . . . . 210—211
8. » » » Тунисѣ . . . . . 212—213
19. » » » Теламонѣ . . . . . 230—231
10. Карта древней Европы . . . . . въ концѣ книги.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ,

которыя необходимо предварительно имѣть въ виду.

—oo—

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:		ДОЛЖНО БЫТЬ:
13	9	сверху	они	полководцы
17	7	снизу	§ 116	§ 117.
42	13	»	Филиппа,	Филиппа I. малолѣтняго сына Димитрія II,
101	18	сверху	11,800 чел. конницы	1,800 чел. конницы.
—	19	»	а всего 18,500 чел. войскъ.	а всего 18,600 чел. войскъ,
170	11	»	всѣ ихъ города	всѣ его города
171	7	»	самнитская война	2-я самнитская война
173	2	»	близкую	близкій
180	14	»	одни за другими	одинъ за другимъ
198	2	»	для нихъ	для себя

VI
1862.

ВСЕОБЩАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРІЯ

ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ

ОТЪ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА В. ДО АВГУСТА ИЛИ ОБРАЗОВАНІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ (323—30 ДО Р. Х.)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

МАКЕДОНІЯ, ГРЕЦІЯ и ВОСТОКЪ.

I. Военныя: устройство, учрежденія и искуство. — § 115. Военныя: устройство и учрежденія. — § 116. Военное искуство. — II. Войны. — § 117. Войны между преемниками Александра В. до сраженія при Ипсѣ включительно (323 — 301). — § 118. Войны послѣ сраженія при Ипсѣ (301 — 200).

Источники: Діодоръ, Плутархъ, Іустинъ, Аппіанъ, Полибій, Страбонъ, Титъ Ливій; — Hecren, Handbibliothek für Offiziere etc., Kaussler, Bibliothèque historique et militaire, Баронъ Зедделеръ, Военный энциклопедическій лексиконъ и друг.

I.

Военныя: устройство, учрежденія и искуство.

§ 115.

Военныя: устройство и учрежденія.

Военныя: устройство и учрежденія грековъ, въ VI и V вѣкахъ до Р. Х. достигшія высшей степени своего развитія, совершенства и цвѣтущаго состоянія, составили военную славу Греціи въ войнахъ ея, внутреннихъ и внѣшнихъ, особенно съ персами. Но недолго продолжалось такое состояніе ихъ: съ IV вѣка, послѣ пелопоннесской войны, они начали уже склоняться къ упадку (См. ч. I, гл. IV, стран. 62 — 81 и гл. VI стран. 107 — 140).

Въ это время Филиппъ македонскій, ученикъ Эпаминонда, примѣнивъ ихъ къ Македоніи, значительно развилъ и усовершенствовалъ ихъ. А сынъ его Александръ В. далъ имъ еще большее развитіе

*

и хотѣлъ распространить ихъ, вмѣстѣ съ греческою цивилизаціей, на Востокѣ (см. ч. I, гл. XII, стр. 309—320).

Но смерть его и послѣдовавшія за нею, въ обширной монархіи, основанной имъ, страшныя политическія потрясенія и перевороты и междуусобныя войны имѣли рѣшительное и пагубное вліяніе на греко-македонскія военныя учрежденія: съ этого времени они стали быстро клониться къ упадку. Главная, основная ихъ сила нравственная, бывшая причиной ихъ цвѣтущаго состоянія, была послѣдовательно поколеблена, сначала — войнами грековъ въ Азіи, а потомъ—войною самаго Александра В. въ той же части свѣта. Соприкосновеніе, въ продолженіи ихъ, съ богатствами, роскошью, изнѣженностью и испорченностью нравовъ на Востокѣ имѣли тлетворное вліяніе и на военныя учрежденія, какъ и на войска, греко-македонскія. При жизни Александра В., могущественное вліяніе его высокой личности, какъ человѣка, государя и полководца, еще сдерживало упадокъ ихъ, хотя грозные признаки его уже явно стали обнаруживаться во второй половинѣ походовъ Александра въ Азіи—и въ заговорахъ противъ него, и въ неудовольствіи и ропотѣ его войска, и наконецъ—въ рѣшительномъ отказѣ его идти далѣе черезъ р. Гифазъ на востокъ. Но смерть Александра, мгновенно расторгнувъ всѣ узы, еще связывавшія при немъ его созданіе, положило начало и рѣшительному упадку греко-македонскихъ военныхъ учрежденій, не во внѣшней формѣ ихъ, но во внутреннемъ духѣ и нравственномъ значеніи. Полководцы-преемники Александра, движимые неограниченнымъ честолюбіемъ, стремленіемъ къ верховной власти и взаимною завистью, первые подавали примѣръ презрѣнія къ законамъ, помышляя не о повиновеніи, но о преобладаніи. Для исполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, посредствомъ войнъ въ большихъ размѣрахъ, на обширныхъ пространствахъ земли, они имѣли потребность въ значительныхъ военныхъ силахъ и способахъ, и для пріобрѣтенія ихъ были неразборчивы въ средствахъ. Главнымъ орудіемъ для нихъ должны были служить арміи, на нихъ и возлагали они свои надежды, и для привлеченія ихъ на свою сторону и наибольшаго усиленія ихъ не щадили денегъ, попускали всякаго рода послабленія, не гну-

шаясь ни измѣной, ни предательствомъ, ни тому подобными, недостойными дѣйствіями. Но арміи, съ своей стороны, постигая всю свою цѣну, значеніе и важность, также, подобно полководцамъ, помышляли не о повиновеніи, а о преобладаніи и власти, продавали честолюбцамъ свое содѣйствіе цѣною золота и всякаго рода уступокъ и послабленій, вмѣшивались во всѣ политическія козни, раздоры и смуты, и, вмѣстѣ съ честолюбцами-полководцами, сдѣлались главными дѣятелями въ политическихъ и военныхъ событіяхъ этого смутнаго, мрачнаго времени. Дисциплина въ арміяхъ пала совершенно и, вмѣсто нея, въ нихъ распространился духъ своеволія, буйства, мятежа, корыстолюбія и всякаго нравственнаго разврата. Весьма естественно и понятно, что при такомъ глубокомъ нравственномъ упадкѣ армій и ихъ полководцевъ, греко-македонскія военныя учрежденія, сохранивъ лишь внѣшнія формы свои, совершенно утратили внутренній духъ, оживлявшій ихъ во времена славы Греціи и при Филиппѣ и Александрѣ, и стали — тѣломъ безъ души.

Въ Македоніи, не поддерживаемыя и не управляемыя болѣе такими великими государями-полководцами, какими были Филиппъ и Александръ, они, въ рукахъ такихъ честолюбцевъ, хотя и способныхъ, какъ первый правитель Пердикка и послѣдовавшіе за нимъ, ему подобные, а послѣ нихъ—неспособныхъ и недостойныхъ царей македонскихъ, сдѣлались уже не силою и опорою, но слабостью и опасностью для македонскаго престола и одною изъ главныхъ причинъ легкаго покоренія Македоніи римлянами. Ядро, главная сила и лучшая часть македонской арміи дотолѣ—отборныя дружины царскихъ сподвижниковъ и тѣлохранителей, составляемыя изъ знатнѣйшихъ лицъ высшаго сословія народнаго, особенно сдѣлались главными орудіями и дѣятелями всѣхъ дворскихъ и внутреннихъ переворотовъ въ Македоніи, низводили съ престола и возводили на него царей по своему произволу, переходили отъ одного честолюбца къ другому и нерѣдко позорили себя измѣной и предательствомъ (какъ, напримѣръ, аргираспиды въ 317 г., въ верхней Азіи, въ бою возмутившіеся противъ Евмена и измѣнически предавшіе его Антигону). Примѣръ ихъ имѣлъ заразительное вліяніе

и на другія войска македонской арміи: постоянныя (фалангу), областныя, вспомогательныя и особенно — наемныя, число которыхъ умножалось все болѣе и болѣе. Обычай служить наемниками и вербовать наемниковъ распространился въ это время и въ Македоніи, какъ и въ Греціи и на Востокѣ, до крайней степени, и цѣною золота всегда можно было имѣть сколько угодно наемныхъ войскъ. Но покупные и продажные наемники были, какъ уже не разъ говорено выше, не только ненадежны, но крайне вредны и опасны для государства. А между тѣмъ, при томъ страшномъ разореніи, въ которое почти безпрерывныя и жестокія войны повергли цѣлыя обширныя страны, военное ремесло едва-ли не сдѣлалось единственнымъ сноснымъ, и никто не упражнялся въ немъ болѣе и усерднѣе грековъ, разныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ, и съ 280-го года гроза и ужасъ Македоніи, Греціи и малой Азіи— Галлы. Такимъ образомъ, македонскія арміи этого времени, числительно сильнѣе прежняго, имѣли составъ разноплеменный и разнородный, ввели и у себя обычай имѣть въ своемъ составѣ метательныя орудія, военныя колесницы и слоновъ—обычай, справедливо пренебрегаемый Александромъ В., но чрезвычайно распространившійся послѣ его смерти, а въ отношеніи внутренняго устройства и управленія, и особенно военнаго духа и порядка въ нихъ, стали несравненно ниже, нежели при Филиппѣ и Александрѣ В.

Но въ Греціи, говоря вообще, было и того хуже. Превосходныя нѣкогда военныя учрежденія ея пришли въ совершенный упадокъ и сдѣлались мертвою буквой. И могло-ли быть иначе, при томъ крайнемъ развращеніи нравовъ, которое распространилось между греками, и при тѣхъ: истощеніи, слабости, политическомъ разстройствѣ и упадкѣ, въ которые впала Греція. Греческія республики, и въ главѣ ихъ аѳинская и спартанская, жестоко раздираемыя политическими партіями и войнами внутренними, междуусобными и внѣшними съ македонскими и восточными царями и съ иноплеменными врагами—галлами и друг., все болѣе и болѣе истощали въ нихъ свои силы и приходили въ изнеможеніе и безсиліе. Въ эти истинно бѣдственныя для Греціи времена, арміи греческія не имѣли уже и тѣни сходства съ прежними, во времена

величія и славы Греціи. Составленныя уже преимущественно, не изъ лучшихъ—высшихъ классовъ народныхъ, а изъ низшихъ—бѣднѣйшихъ, изъ вольноотпущенниковъ, рабовъ и особенно — наемниковъ, грековъ и иноплеменниковъ, онѣ, притомъ, уже не были болѣе подчинены прежнимъ строгимъ военнымъ законамъ, пришедшимъ въ безсиліе и даже забвеніе, и въ отношеніи къ внутреннимъ: устройству и управленію своимъ, и особенно къ военнымъ: духу и порядку въ нихъ, стояли крайне низко. Военное наемничество особенно, обязанное своимъ происхожденіемъ въ Греціи самимъ грекамъ послѣ пелопоннесской войны, въ это время до того распространилось и вошло въ обычай между ними, что имъ же обратилось въ пагубу и позоръ. Всѣмъ и каждому, своимъ и чужимъ, въ Греціи и внѣ ея предѣловъ, греки за деньги всегда были готовы служить наемниками, и ихъ собственныя арміи были переполнены греческими же наемными войсками.

Изъ этой общей и мрачной картины упадка военныхъ учрежденій и армій въ Греціи, временно выдѣляются однако, въ видѣ болѣе отраднаго исключенія, Эпиръ, при царѣ его Пиррѣ II, ахейскій и этолійскій союзы, и Спарта при царѣ ея Клеоменѣ съ 227 по 222 г.

Пирръ II, царь Эпира (312—272), одаренный высокими личными качествами, какъ человѣкъ, государь и полководецъ, возвысивъ въ Греціи политическое значеніе дотолѣ незначительнаго въ ней Эпира, развилъ и усовершенствовалъ военныя учрежденія и войско его такъ, что они значительно превзошли современныя греческія и даже македонскія, и, при личномъ военномъ искуствѣ Пирра, доставили ему перевѣсъ и превосходство не только въ Греціи и Македоніи, но даже и въ Италіи противъ самихъ римлянъ, и въ Сициліи противъ карѳагенянъ (какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ ниже).

Ахейскій союзъ 12 городовъ Ахаіи, сѣверной области Пелопоннеса,—существовавшій уже вдревлѣ, но разрушенный македонянами по смерти Александра В.,—съ 281 г. снова образовался и мало по малу, особенно съ 251 г., развился, усилился и сдѣлался весьма могущественнымъ. — Такъ какъ главными условіями его

были: совершенное равенство политическое всѣхъ республикъ и городовъ, входившихъ въ составъ его, и сохраненіе ими внутреннихъ учрежденій своихъ, только съ общимъ управленіемъ дѣлами союза въ собраніяхъ выборныхъ отъ каждой республики лицъ, два раза въ годъ, въ городѣ Эгіѣ и позже въ Коринѳѣ,—то каждая республика сохраняла и свои особенныя военныя учрежденія и войска, а все соединенное войско союза состояло подъ предводительствомъ стратега его, избираемаго общимъ собраніемъ и бывшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, главою союза. — Могуществу послѣдняго особенно способствовало то, что въ двухъ первыхъ стратегахъ своихъ, Аратѣ (251—213) и Филопеменѣ (213—183), онъ имѣлъ такихъ высоко-даровитыхъ мужей, которые умѣли одушевить и поддержать его достойнымъ образомъ.—Изъ нихъ первый былъ преимущественно отличный политикъ, а второй—отличный полководецъ и—послѣдній изъ великихъ мужей и полководцевъ Греціи.

Этолійскій союзъ, также существовавшій издревле, особенно развился и укрѣпился послѣ смерти Александра В., около 284 г., съ цѣлію сопротивленія насиліямъ и притѣсненіямъ македонскихъ царей.—Изъ всѣхъ греческихъ племенъ, этолійское было, хотя самое грубое, но сохранившее чистоту и строгость нравовъ, мужественный и воинственный духъ, когда они уже исчезли въ другихъ греческихъ племенахъ и республикахъ.—Чрезвычайно гористая и неплодородная Этолія вынудила ея жителей производить изъ нея набѣги въ сосѣдственныя области, для добычи средствъ къ существованію.—Это вовлекло ее въ войны и сдѣлалось поводомъ и причиной къ большему еще скрѣпленію союза этолійцевъ. — Подобно тому, какъ въ ахейскомъ союзѣ, главою этолійскаго и предводителемъ его войска былъ стратегъ, а второе послѣ него мѣсто занималъ иппархъ или начальникъ конницы, оба избираемые въ общихъ собраніяхъ, происходившихъ въ главномъ городѣ Ѳермѣ.—Военныя учрежденія и устройство войскъ союза, въ который допускались только этолійцы, сохраняли свой древній, первобытный, воинственный характеръ и тѣмъ особенно отличались отъ принадлежавшихъ другимъ современнымъ племенамъ и республикамъ Греціи.—Ахейскій и этолійскій союзы, въ военномъ

отношеніи, какъ и въ политическомъ, были послѣдними свѣтлыми формами, въ которыхъ проявилась греческая жизнь передъ концомъ своимъ.

Что касается Спарты, то переворотъ, произведенный въ ней, въ 226 г., Клеоменомъ и состоявшій въ возстановленіи древнихъ ликурговыхъ законовъ уничтоженія власти эфоровъ, усиленіи власти царей, болѣе равномѣрномъ распредѣленіи имуществъ и пр.,— при личныхъ политическихъ и военныхъ дарованіяхъ Клеомена, снова возвысилъ Спарту и ея военныя учежденія, силу и вліяніе, но лишь на самое короткое время (5 лѣтъ), послѣ чего Спарта снова впала въ состояніе безсилія и униженія.

Наконецъ на Востокѣ произошло вовсе не то, чего желалъ Александръ В.—Онъ хотѣлъ слить побѣжденныхъ съ побѣдителями, азіятцевъ и египтянъ съ македонянами и греками, Востокъ съ Европой, распространеніемъ на немъ греческой цивилизаціи, но сохранивъ его народамъ гражданскія и военныя учрежденія ихъ, только подъ властію мѣстныхъ македонскихъ и греческихъ правителей, поддерживаемою македонскими войсками, и подъ личною своею верховною властію.—Греческая цивилизація дѣйствительно распространилась во всѣхъ завоеванныхъ Александромъ у персовъ областяхъ, въ нихъ повсюду стали господствовать греческія науки и искуства, множество городовъ, основанныхъ Александромъ и его преемниками, носили греческія названія и были населены македонянами и греками, греческій языкъ сдѣлался языкомъ правительствъ и высшихъ сословій, а туземныя нарѣчія — языкомъ низшихъ классовъ. — Но все это не могло скрѣпить завоеванныя страны и народы политически въ одно общее государственное тѣло: не основанныя на народности, они по смерти Александра стали уже стремиться къ независимости и самостоятельности, однако до сраженія при Ипсѣ, положившаго конецъ 22-хъ-лѣтней войнѣ между полководцами-преемниками Александра и рѣшившаго судьбу Азіи и Египта, держались еще слабыми связями въ соединеніи. Но послѣ этого сраженія вся обширная монархія, завоеванная Александромъ у персовъ, распалась уже рѣшительно на два большія государства: Сирію—Селевкидовъ и Египетъ—Птолемэевъ, и нѣ-

сколько меньшихъ: Каппадокію, Понтъ, Виѳинію, Пергамъ, Галатію—въ малой или западной Азіи, Бактріяну съ Согдіяной и Парѳію—въ верхней или восточной Азіи.—Съ этого времени въ военныхъ учрежденіяхъ на востокѣ произошли рѣшительныя перемѣны, которыя въ 22 года до сраженія при Ипсѣ только зарождались.—Еще первые основатели сирійскаго и египетскаго царствъ и царствовавшихъ въ нихъ династій, Селевкъ I Никаторъ и Птолемэй I Сотеръ, сынъ Лаговъ, своими государственными дарованіями умѣли поддержать военное устройство и военныя учрежденія въ Сиріи и въ Египтѣ въ должномъ порядкѣ и почти въ томъ видѣ, какъ при Александрѣ.—Но при преемникахъ ихъ все стало болѣе и болѣе принимать другой видъ и характеръ—обычный древнему Востоку.—И въ Азіи, и въ Египтѣ греки выродились, а туземныя народности повсюду взяли верхъ, а съ ними и нравы, и обычаи, и учрежденія народныя.—Къ этому должно еще прибавить, что изъ числа селевкидовъ, птолемэевъ и правителей отложившихся отъ Сиріи и вновь образовавшихся государствъ, весьма немногіе, своими дарованіями и нравственными качествами, выходили изъ ряду, большею же частію были люди неспособные и въ нравственномъ отношеніи недостойные. — Предавшись роскоши, изнѣженности и разврату, раздираемые семейными и дворскими козпями и распрями, неспособные управлять ни гражданскими, ни военными дѣлами, они все болѣе и болѣе низпадали на степень древнихъ восточныхъ деспотовъ и послѣднихъ персидскихъ царей. А подъ вреднымъ вліяніемъ ихъ, и военныя учрежденія, и арміи на Востокѣ стали также принимать древніе, обычные ему, видъ и характеръ, во всѣхъ отношеніяхъ, и состава, и устройства, и управленія, и духа, и порядка въ нихъ. — Послѣдніе селевкиды и птолемэи являли совершенное подобіе персидскихъ царей, подобно имъ искали силы армій не въ наилучшихъ составѣ, устройствѣ, образованіи, духѣ и порядкѣ ихъ, но въ ихъ числительномъ превосходствѣ и разныхъ вспомогательныхъ средствахъ, всегда означавшихъ на Востокѣ низкую степень искуства, а именно въ тяжеломъ оборонительномъ вооруженіи тяжелой пѣхоты и конницы, въ полевыхъ метательныхъ орудіяхъ, военныхъ колесницахъ и вооруженныхъ

слонахъ.—А между тѣмъ, снаряженныя такимъ образомъ, многочисленныя, разнородныя и разноплеменныя полчища ихъ, переполненныя наемными войсками и неустроенными земскими ополченіями, состояли большею частію изъ изнѣженныхъ и разслабленныхъ тѣлесно и душевно, невоинственныхъ, малодушныхъ воиновъ, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ предававшихся постыдному общему бѣгству, а вдали отъ непріятеля—своевольныхъ, буйныхъ, мятежныхъ, предававшихся насилію, грабежу и всякимъ неистовствамъ.—Словомъ, въ 100 лѣтъ времени, Востокъ, который Александръ хотѣлъ посредствомъ греческой цивилизаціи слить съ Европой, обратился снова въ прежній Востокъ и едва-ли не худшій, а военныя учрежденія и арміи его пришли совершенно въ тоже состояніе, въ какомъ находились въ персидской монархіи передъ завоеваніемъ ея Александромъ В.

Впрочемъ и здѣсь, какъ выше въ отношеніи къ Греціи, слѣдуетъ сдѣлать исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ государствъ и народовъ Востока, подъ управленіемъ даровитыхъ правителей или по инымъ причинамъ временно ознаменовавшихъ себя замѣчательными военными подвигами.—Такъ, напримѣръ, Египетъ при Птолемэѣ III Эвергетѣ (246—221) и Сирія при Антіохѣ III Великомъ (224—187) вели замѣчательныя искуствомъ и успѣхомъ войны, полезныя для обоихъ этихъ государствъ и не безъ славы для Птолемэя и Антіоха.—А позже Антіохъ, Митридатъ VI Великій, царь понтійскій, и парѳяне, подъ правленіемъ династіи арзакидовъ, были такими врагами римлянъ, которые, особенно Митридатъ и парѳяне, были достойными ихъ противниками, вели упорныя съ ними войны и причинили имъ немало заботъ.

§ 116.

Военное искуство.

Если военныя устройство и учрежденія, духъ и порядокъ въ войскахъ, въ Македоніи, Греціи и на Востокѣ, въ періодѣ времени отъ смерти Александра В. до покоренія этихъ странъ римлянами, пришли въ упадокъ,—то, съ другой стороны, греко-маке-

донское военное искуство сохранилось въ томъ же состояніи, въ которомъ находилось при Филиппѣ и Александрѣ В., а одна изъ отраслей его—поліорцетика даже получила такое развитіе и сдѣлала такіе успѣхи, какихъ не достигала дотолѣ. Единственное исключеніе изъ этого составляютъ упадокъ и жалкое состояніе греко-македонскаго военнаго искуства на Востокѣ, въ Азіи—по смерти Селевка I Никатора (281 г.), а въ Египтѣ—Птолемэя III Эвергета (221). Временемъ же наилучшаго состоянія его, въ Македоніи, Греціи и на Востокѣ безразлично, былъ безспорно 22-хъ лѣтній періодъ междуусобныхъ войнъ преемниковъ Александра В., отъ смерти послѣдняго до сраженія при Ипсѣ включительно (323—301). Образовавшись въ войнахъ великаго учителя и образца своего и сами большею частію даровитые, искусные и опытные полководцы, они сохраняли неизмѣнно и соблюдали въ точности правила военнаго искуства Филиппа и Александра (см. ч. I, гл. XII, §§ 80, 81 и 82, стран. 312—322) и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже дали имъ большее развитіе. Такъ, сохраняя прежнюю соразмѣрность числа тяжелой и средней пѣхоты и конницы въ составѣ македонской фаланги или арміи, они увеличили число легкихъ, пѣшихъ и конныхъ, войскъ при ней, а тяжелой пѣхотѣ и особенно тяжелой конницѣ дали болѣе полное, предохранительное вооруженіе: въ послѣдней, подъ названіемъ *катафрактовъ* (конные латники, по нынѣшнему кирасиры), и всадники, и лошади ихъ были совершенно покрыты металлическими, чешуйчатыми латами. Притомъ, ведя большія войны, въ обширныхъ размѣрахъ и, въ Азіи, на обширныхъ пространствахъ края, съ важными политическими цѣлями, они, для вѣрнѣйшаго достиженія ихъ, увеличивали числительныя силы своихъ армій и дѣйствовали уже преимущественно не простыми или малыми фалангами, но двойными (дифалангархіями въ 8.000 оплитовъ) и даже тройными (тетрафалангархіями въ 16.000 оплитовъ), съ соразмѣрнымъ числомъ средней пѣхоты (пелтастовъ) и конницы тяжелой и средней, что составляло всего отъ 14—15.000 до 28—30.000 чел. тяжелой и средней пѣхоты и конницы, съ большимъ числомъ легкихъ, пѣшихъ и конныхъ, иррегулярныхъ войскъ, такъ что общее,

среднее число всѣхъ войскъ въ ихъ арміяхъ простиралось отъ 20—25.000 до 40—50.000 чел., а иногда и болѣе. Различные роды строя, походныхъ движеній и тактическихъ построеній и образа дѣйствій войскъ въ бою—сохранялись прежніе, нападенія же (атаки) въ бою производились преимущественно въ особенно любимомъ Филиппомъ и Александромъ, косвенномъ боевомъ порядкѣ, съ одного или обоихъ фланговъ, съ обходами и охватываніемъ непріятеля съ фланговъ и тыла. — Подобно Филиппу и Александру, они старались и умѣли искусными: употребленіемъ фаланги въ сраженіяхъ и примѣненіемъ ея къ разнообразнымъ видамъ мѣстности и къ различнымъ обстоятельствамъ и случайностямъ боя, ослаблять недостатки и невыгоды и увеличивать преимущества и выгоды ея. Въ этомъ отношеніи, сраженія ихъ, до сраженія при Ипсѣ включительно, отличаются, въ большей или меньшей степени, тактическимъ искуствомъ и заслуживаютъ вниманія. Къ этому слѣдуетъ присовокупить еще, что они дали передовой, развѣдочной и охранной полевой службѣ легкихъ, пѣшихъ и особенно конныхъ, войскъ еще большее развитіе, нежели впервые данное имъ Александромъ.—Но, съ другой стороны, они, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стали отступать отъ тактическихъ правилъ Филиппа и Александра, употребляя иногда метательныя орудія—полевыя баллисты и катапульты—въ полѣ, не для одного только очищенія тѣснинъ и береговъ рѣкъ отъ непріятеля, какъ дѣлалъ Александръ, но и въ сраженіяхъ, а также и слоновъ, вооруженныхъ стрѣлками или башнями съ стрѣлками—средства, которыми справедливо пренебрегалъ Александръ.

Въ образѣ и искуствѣ веденія войны они также слѣдовали правиламъ Александра, обезпечивая себя съ тыла и фланговъ, и прямо, быстро и рѣшительно устремляя сосредоточенныя силы свои къ важнѣйшимъ для нихъ, въ политическомъ или военномъ отношеніи, предметамъ дѣйствій — преимущественно противъ армій ихъ противниковъ, съ цѣлію боя, или же противъ непріятельскихъ крѣпостей, большихъ городовъ или цѣлыхъ областей. При встрѣчѣ съ арміей противника, они вступали съ нею въ бой, который былъ рѣшаемъ или превосходствомъ числительныхъ силъ,

искуства полководцевъ, мужества и храбрости войскъ, или особенными какими-либо обстоятельствами и случайностями, но иногда и внезапнымъ малодушіемъ войскъ, обращавшихся въ бѣгство, либо переходомъ ихъ въ бою на другую сторону, либо, наконецъ, явными: неповиновеніемъ, бунтомъ, измѣною и предательствомъ. Впрочемъ вообще слѣдуетъ сказать, что, до сраженія при Ипсѣ включительно, греческія и особенно македонскія войска въ бою сражались храбро и тѣмъ болѣе, если полководцы своими личными дарованіями, искуствомъ или щедростью внушали имъ уваженіе, довѣріе и преданность къ себѣ. Но темною стороною войнъ этого времени въ особенности было то, что онѣ были сопряжены съ большими безпорядками войскъ, разореніемъ и опустошеніемъ края, грабежомъ мирныхъ жителей его и жестокимъ обращеніемъ съ побѣжденными и плѣнными. Впрочемъ, это нерѣдко служило даже однимъ изъ средствъ вынужденія непріятеля къ бою, или покорности, или миру. Но главнымъ, первенствующимъ средствомъ къ рѣшенію войны и судьбы цѣлыхъ странъ и народовъ былъ всегда—бой. А если на войнѣ и бывали пріобрѣтаемы какіе-либо рѣшительные успѣхи помимо боя, то это приписывалось или исключительно личному искуству полководца, или употребленнымъ имъ военнымъ хитростямъ, которыя также ставлялись ему въ особенное достоинство. Вообще же, какъ тактическія, такъ и стратегическія дѣйствія преемниковъ Александра В., въ междуусобныхъ войнахъ ихъ, отличаются, въ большей или меньшей степени, искуствомъ и заслуживаютъ вниманія, особенно искусная, вполнѣ сообразная съ мѣстностью, оборона Египта Птолемэемъ I противъ Пердикки въ 320 г., война между Антигономъ и Евменомъ въ малой и верхней Азіи въ 320—317 г. и походы Антигона, сына его, Димитрія Поліорцета, двухъ Кассандровъ, Лисимаха и Селевка I въ 317—301 г. Они будутъ вкратцѣ изложены и разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ ниже.

Но изъ всѣхъ отраслей греко-македонскаго военнаго искуства, наибольшаго развитія достигли и наиболѣе успѣховъ сдѣлали фортификація и особенно поліорцетика. Причинами этого были: во 1-хъ то, что междуусобныя войны преемниковъ Александра В.

чрезвычайно благопріятствовали развитію и успѣхамъ математическихъ наукъ въ Греціи: механика, строеніе крѣпостей, оборонительныхъ и особенно осадныхъ: метательныхъ орудій и военныхъ машинъ, морскихъ судовъ и т. п. расширили свою область до предѣловъ, дотолѣ неизвѣстныхъ.—и во 2-хъ личныя военныя дарованія и поліорцетическое искуство полководцевъ и греческихъ механиковъ и строителей, особенно изъ первыхъ - Димитрія Поліорцета, а изъ послѣднихъ — Эпимаха. Димитрій прославился своими осадами Аѳинъ и особенно Родоса (въ 305 г.); во время послѣдней онъ истощился въ новыхъ, замѣчательныхъ изобрѣтеніяхъ и произвелъ такія громадныя работы и сооруженія, которыя возбуждаютъ невольное удивленіе. Въ главѣ ихъ должна быть поставлена построенная имъ, по чертежамъ и подъ руководствомъ Эпимаха, громадная, 9-ти ярусная, подвижная на колесахъ, деревянная осадная башня, подъ названіемъ Геленполь. Она имѣла по 50-ти аршинъ ширины въ основаніи каждой изъ 4-хъ сторонъ, съуживаясь къ верху, и 100 аршинъ вышины; три стороны ея были обиты желѣзными листами, для предохраненія отъ огня; въ каждомъ ярусѣ были окна съ подъемными, толстыми завѣсами, для дѣйствія метательныхъ орудій, а на верхней платформѣ, прикрытой зубцами, находились также метательныя орудія и отборнѣйшіе стрѣлки, которые должны были прогнать съ городской стѣны защитниковъ ея и тѣмъ облегчить подвозъ геленоля и самый приступъ. Внутри башни были устроены двѣ лѣстницы, для всхода и схода воиновъ, водохранилища для тушенія огня и мѣста для храненія оружія. Въ движеніе же геленольприводился воинами въ числѣ 3.400 чел., внутри—посредствомъ весьма остроумнаго механизма, а извнѣ—сзади. Но и родосцы, съ своей стороны, оказали не менѣе искуства въ производствѣ и изобрѣтеніи новыхъ оборонительныхъ работъ и построекъ, и, при необыкновенно мужественномъ и упорномъ притомъ сопротивленіи, сдѣлали тщетными всѣ усилія Димитрія, который вскорѣ заключилъ съ ними миръ и снялъ осаду (см. ниже). Кромѣ того, особеннаго вниманія заслуживаютъ также: тѣсное обложеніе Антигономъ Евмена въ 320—319 г., въ горной крѣпости Норѣ, въ западной Азіи, 14-ти

мѣсячная осада Тира Антигономъ въ 314—313 г. и обложеніе Димитріемъ въ 287 г. Аѳинъ, которыя онъ принудилъ къ сдачѣ голодомъ. И другія осады и обложенія городовъ, произведенныя въ это время полководцами Александра, замѣчательны, болѣе или менѣе, въ поліорцетическомъ отношеніи и свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи и совершенствѣ поліорцетики.

Послѣ сраженія при Ипсѣ, греко-македонское военное искуство оставалось, какъ сказано, въ томъ же состояніи, въ Македоніи и Греціи—до самаго покоренія ихъ римлянами, а на востокѣ — до смерти Селевка I въ Сиріи и Птолемэя III въ Египтѣ. Свидѣтельствомъ тому могутъ служить военныя дѣйствія и подвиги: 1) Димитрія Поліорцета, до смерти его въ 281 г., сына его, Антигона I Гоната (281—243 г.), внука—Антигона II Досона (233—221) и даже послѣднихъ македонскихъ царей Филиппа II и Персея, которые, если и были побѣждены римлянами, то вслѣдствіе политическихъ и военныхъ ошибокъ своихъ, а не упадка греко-македонскаго военнаго искуства, — 2) Пирра, царя эпирскаго — 3) Клеомена, царя спартанскаго, — 4) Филопемена, стратега ахейскаго союза,—5) Селевка I сирскаго и 6) Птолемэевъ II и особенно III египетскихъ (см. ниже). Всѣ они были даровитыми и искусными полководцами, а военныя дѣйствія и подвиги ихъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ какъ о личномъ ихъ искуствѣ, такъ и о томъ, что греко-македонское военное искуство вообще было еще въ хорошемъ состояніи и, въ послѣдній разъ, въ прежнемъ своемъ блескѣ.

Но на востокѣ, по смерти Селевка I и Птолемэя III, оно постепенно склонилось къ упадку и измѣнило европейскій характеръ на искони свойственный Востоку. Послѣдніе, неспособные и недостойные Селевкиды и Птолемэи, въ угоду своимъ выродившимся войскамъ, позволяя имъ вести изнѣженную и праздную жизнь, допуская разныя уступки имъ и послабленія военной дисциплины, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушали и измѣняли правила тактики и прочихъ отраслей греко-македонскаго военнаго искуства. Такъ они нарушали нормальные, правильные размѣры состава фалангъ и армій, чрезмѣрно увеличивая ихъ и притомъ умножая число военныхъ колесницъ, слоновъ и разныхъ азіятскихъ и африкан-

скихъ, неустроенныхъ ополченій при нихъ. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Рафіи въ 217 г. (см. ниже), тетрафалангархіи Антіоха III и Птолемэя IV Филопатора состояли уже не изъ 16.000 оплитовъ, но у перваго изъ 20.000, а у втораго изъ 25.000, а позже въ сраженіи съ римлянами при Магнесіи въ 190 г., рѣшившемъ судьбу сирійскаго царства, тетрафалангархія Антіоха III, хотя и состояла изъ 16.000 оплитовъ, но была раздѣлена на 10 частей, въ промежуткахъ между которыми были помѣщены слоны, вооруженные башнями съ стрѣлками, а фланги прикрывали 3.000 тяжеловооруженныхъ катафрактовъ. Если къ этому прибавить разноплеменный и разнородный составъ армій, большею частію изъ наемниковъ и неустроенныхъ ополченій, и упадокъ военныхъ: устройства и духа въ нихъ, то окажется, что хотя онѣ и сохраняли еще нѣкоторыя внѣшнія формы греко-македонскаго тактическаго устройства, но во всемъ остальномъ, особенно въ нравственномъ отношеніи, являли совершенное подобіе арміямъ послѣднихъ персидскихъ царей. Еще Антіохъ III, своими удачными походами и военными подвигами въ Азіи и Египтѣ (224—203), представляетъ нѣкотораго рода исключеніе изъ этого; но, по смерти его, греко-македонское военное искуство на Востокѣ пришло уже въ совершенный упадокъ, и нѣкоторые позднѣйшіе, временные проблески его вполнѣ относятся уже къ личнымъ военнымъ дарованіямъ такихъ государей и полководцевъ, какъ Митридатъ VI Великій, царь понтійскій, знаменитый соперникъ римлянъ, и весьма немногіе, подобные ему (см. ниже).

II.

Войны.

§ 116.

Войны между преемниками Александра В. до сраженія при Ипсѣ включительно (323—301).

Войны эти представляютъ три главныхъ отдѣла: 1-й—войну до смерти Пердикки въ 321 г., 2-й—войну до смерти Евмена въ 315 г., и 3-й—войну до пораженія и смерти Антигона въ сра-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

женіи при Ипсѣ, въ 301 г. Но еще прежде начала ихъ, какъ бы вступленіемъ къ нимъ было, тотчасъ по смерти Александра В., одновременное въ Азіи и въ Греціи возстаніе грековъ противъ македонянъ, повлекшее за собою войну между ними въ этихъ частяхъ свѣта.

Въ верхней Азіи возстали греки, оставленные въ ней Александромъ В. въ основанныхъ имъ поселеніяхъ и состоявшіе частію изъ наемниковъ Дарія и частію изъ политическихъ изгнанниковъ (проскриптовъ) Греціи. Въ числѣ до 20.000 чел. пѣхоты и 3.000 чел. конницы собрались они близъ Вавилона и хотѣли силою оружія пробиться въ Грецію, присоединяя къ себѣ на пути туда всѣхъ другихъ грековъ. Пердикка, правитель государства, приказалъ намѣстнику Мидіи, Пиѳону, съ македонскими войсками, двинуться противъ возставшихъ грековъ, но въ то же время, опасаясь, чтобъ послѣдніе не перешли на сторону Пиѳона и не сдѣлались опаснымъ орудіемъ въ его рукахъ, тайно приказалъ македонскимъ войскамъ его—умертвить поголовно всѣхъ возставшихъ грековъ! Начало, достаточно свидѣтельствовавшее уже, каковъ будетъ характеръ этихъ войнъ въ нравственно-политическомъ отношеніи. Опасенія Пердикки были не напрасны: честолюбивый Пиѳонъ, послѣ нерѣшительнаго боя съ возставшими греками, дѣйствительно, переговорами съ ними, склонилъ ихъ положить оружіе и вступить въ его службу. Но едва только они положили оружіе, какъ македонскія войска Пиѳона въ точности исполнили тайное приказаніе Пердикки — и произвели поголовное избіеніе грековъ! Пиѳонъ же, оставшись одинъ, удалился, раздраженный, въ Мидію. Этимъ и былъ разомъ положенъ конецъ возстанію грековъ въ Азіи (323).

Въ Греціи же всѣ греческія республики и въ главѣ ихъ аѳинская (за исключеніемъ только Віотіи, Спарты, Аргоса, Коринѳа и ахейскаго союза), крайне недовольныя послѣднею мѣрою Александра о возвращеніи всѣхъ греческихъ изгнанниковъ, въ числѣ до 20.000 чел., въ ихъ родные города, а аѳиняне сверхъ того приказаніемъ сдать островъ Самосъ, возстали немедленно по полученіи извѣстія о смерти Александра. Такого, почти всеобщаго воз-

станія ихъ не было даже противъ персовъ. Они выставили до 30.000 чел. войскъ, большею частію наемныхъ, въ главные предводители которыхъ назначили искуснаго аѳинскаго полководца Леосѳена. Антипатръ, еще Александромъ оставленный въ Греціи, въ качествѣ намѣстника, могъ на первыхъ порахъ противупоставить войску возставшихъ грековъ только 13.000 челов. пѣхоты и 6.000 чел. конницы македонскихъ, съ которыми двинулся немедленно въ Віотію, но былъ разбитъ при Ѳермопилахъ и укрылся въ крѣпости Ламіи (по имени которой и вся эта война получила названіе л а м і й с к о й), призвавъ на помощь македонскаго полководца Леонната изъ Киликіи въ малой Азіи. Греки обложили и осадили Антипатра въ Ламіи; но во время этихъ обложенія и осады, Леосѳенъ былъ убитъ, а назначенный на его мѣсто аѳинянинъ Антифилъ, не менѣе Леосѳена искусный полководецъ, но слабый и не пользовавшійся такимъ довѣріемъ, какъ Леосѳенъ, двинулся противъ приближавшагося Леонната и разбилъ его, при чемъ послѣдній былъ убитъ. Антипатръ же, воспользовавшись удаленіемъ Антифила, несогласіями и раздорами, возникшими въ греческой арміи и ослабленіемъ ея, вслѣдствіе удаленія этолянъ, вышелъ изъ Ламіи, присоединилъ къ себѣ остатки разбитаго войска Леонната и столь же искусно, сколько и успѣшно, велъ оборонительную войну до тѣхъ поръ, пока въ 322 г. въ Грецію не прибылъ изъ Азіи македонскій полководецъ Кратеръ, которому Александръ В. передъ смертію приказалъ отвесть въ Македонію всѣхъ старослужившихъ воиновъ (ветерановъ) македонской арміи. Соединясь съ Кратеромъ, Антипатръ въ 322 г. имѣлъ уже на своей сторонѣ рѣшительный перевѣсъ силъ, именно 48,000 чел. пѣхоты, 5,000 чел. конницы и 3,000 стрѣлковъ. Тогда онъ немедленно перешелъ къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ грековъ, имѣвшихъ едва половину его силъ. Послѣ многихъ стычекъ, въ сентябрѣ 322 г. произошло наконецъ, при Кранонѣ, въ Ѳессаліи, недалеко отъ Ламіи, сраженіе, въ которомъ Антипатръ, удержалъ за собою мѣсто боя и, слѣдовательно, по понятіямъ того времени, одержалъ побѣду, и то лишь вслѣдствіе не столько превосходства своего въ силахъ или искуствѣ, сколько обычныхъ

*

грекамъ несогласій и раздоровъ между ними. Тѣмъ не менѣе, побѣда Антипатра при Кранонѣ имѣла рѣшительныя, для возстановленія македонской власти въ Греціи, послѣдствія. Греки первые предложили миръ, и когда Антипатръ согласился вести переговоры о немъ не иначе, какъ съ каждою республикою отдѣльно, то всѣ, исключая аѳинской и этолійскаго союза, поспѣшили заключить миръ на выгоднѣйшихъ для каждой изъ нихъ условіяхъ. Такимъ образомъ аѳиняне и этоляне остались одни, совершенно предоставленные собственнымъ своимъ силамъ. Тогда Антипатръ, искусно разрушивъ грозный союзъ грековъ, обратился сначала противъ Аѳинъ. Устрашенные аѳиняне выслали на встрѣчу ему, не войско, а друга его, Фокіона, и главу македонскихъ приверженцевъ, Демада, съ посольствомъ, для испрошенія, какъ милости, умѣренныхъ условій. Но Антипатръ потребовалъ принятія македонскаго гарнизона и измѣненія образа правленія изъ демократическаго въ аристократическій или олигархическій (который македоняне постоянно поддерживали въ Греціи въ это и въ послѣдующія времена). Аѳиняне были вынуждены согласиться на эти, тяжкія для нихъ условія, и въ аѳинскую гавань Мунихію былъ введенъ македонскій гарнизонъ, а изъ числа аѳинскихъ гражданъ, имѣвшіе менѣе 2,000 драхмъ дохода, были исключены изъ участія въ правленіи. Затѣмъ Антипатръ собирался уже обратиться противъ этолянъ, война съ которыми обѣщала быть весьма упорною, потому что эти воинственные горцы рѣшились защищаться въ своихъ горахъ до послѣдней крайности. Но полученные Антипатромъ, въ это самое время, извѣстія о важныхъ событіяхъ, произшедшихъ на Востокѣ, заставили его заключить на время миръ съ этолянами, который онъ твердо намѣренъ былъ нарушить при первомъ благопріятномъ случаѣ. Такимъ образомъ въ Греціи было подавлено возстаніе грековъ, съ одной—стороны вслѣдствіе всегдашнихъ несогласій и раздоровъ ихъ между собою, а съ другой—искусныхъ: политики и военныхъ дѣйствій Антипатра.

Между тѣмъ честолюбивый Пердикка, назначенный правителемъ государства во время малолѣтства Филиппа Арридея, побочнаго сына Филиппова, и Александра, сына Александра В. и

Роксаны, самъ втайнѣ замышлялъ уже присвоить себѣ верховную власть и для того призналъ нужнымъ удалить всѣхъ своихъ соперниковъ. Вслѣдствіе того Птолемэй, сынъ Лага, былъ назначенъ намѣстникомъ Египта, Леоннатъ—Мизіи, Антигонъ—Фригіи, Ликіи и Памфиліи, Лисимахъ—Ѳракіи, подвластной Македоніи, Антипатръ и Кратеръ—Македоніи и Греціи, а Евменъ (иноплеменникъ, уроженецъ Ѳракіи)—Каппадокіи, которую впрочемъ нужно было еще завоевать, такъ какъ она была независимою, только платя дань, какъ персамъ, такъ и Александру В. Пердикка приказалъ Антигону и Леоннату ввести Евмена, силою оружія, во владѣніе и управленіе Каппадокіею; но какъ Леоннатъ пошелъ въ Грецію на помощь Антипатру и былъ тамъ убитъ, а Антигонъ отказался исполнить приказаніе Пердикки, то послѣдній самъ помогъ Евмену завоевать Каппадокію или всю сѣверовосточную часть малой Азіи и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ преданнаго, вѣрнаго и весьма даровитаго пособника. Затѣмъ онъ завоевалъ Писидію и Ликаонію, хотя и съ большимъ трудомъ, потому что встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны полудикихъ и воинственныхъ жителей этихъ двухъ горныхъ областей. Между тѣмъ, обнаруживъ свои тайные, честолюбивые замыслы, отказомъ жениться на дочери Антигона, намѣреніемъ вступить въ бракъ съ сестрою Александра В., Клеопатрой, и стараніемъ оклеветать Антигона и Птолемэя передъ войскомъ, онъ заставилъ тѣмъ оскорбленнаго Антипатра и угрожаемыхъ Антигона и Птолемэя заключить между собою союзъ противъ Пердикки и Евмена (321). Слѣдствіемъ этого была 1-я война между преемниками Александра В.

Оставивъ Евмена въ малой Азіи, для обороны ея противъ Антипатра и Кратера, вторгнувшихся въ нее изъ Греціи чрезъ Геллеспонтъ, самъ Пердикка двинулся противъ Птолемэя въ Египетъ. Птолемэй, весьма искусно пользуясь мѣстностью этой страны, удобною для обороны, долго дѣлалъ тщетными всѣ усилія Пердикки переправиться черезъ нижній Нилъ и рукава его. А когда наконецъ Пердикка и успѣлъ проникнуть въ Египетъ, то былъ умерщвленъ собственнымъ своимъ войскомъ, возмутившимся противъ него (321). Между тѣмъ Евменъ, хотя и пена-

видимый македонскими войсками, какъ иноплеменникъ, однако необыкновенными своими военными дарованіями и искуствомъ успѣлъ склонить побѣду на свою сторону, разбивъ Кратера, который самъ палъ въ бою. Смерть Пердикки имѣла слѣдствіемъ избраніе на его мѣсто войскомъ, умертвившимъ его, намѣстника Мидіи Пиѳона и гоненіе всѣхъ приверженцевъ Пердикки и особенно Евмена. Но Пиѳонъ передалъ власть Антипатру, который въ Триспарадисѣ, въ Сиріи, сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ распредѣленіи намѣстниковъ областей и, между прочимъ, назначилъ въ Вавилонію начальника македонской конной дружины, Селевка, а затѣмъ, оставивъ въ западной Азіи Антигона, съ начальствованіемъ въ ней надъ всѣми царскими (македонскими) войсками и порученіемъ преслѣдовать и уничтожить Евмена, самъ возвратился въ Македонію, куда перевезъ изъ Азіи и все царское семейство (320).

Тогда началась 2-я, весьма замѣчательная въ военномъ отношеніи, война между Антигономъ и Евменомъ, которые оба были одинаково искусные полководцы. Антигонъ, имѣя 60,000 чел. пѣхоты и 10,000 конницы, вскорѣ принудилъ Евмена укрыться и запереться въ горной крѣпости Норѣ, на границѣ Каппадокіи и Ликаоніи, обложилъ его въ ней и такимъ образомъ завладѣлъ почти всею малою Азіею. А между тѣмъ Птолемэй завоевалъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Палестину, Финикію и Келесирію, чрезвычайно важныя и нужныя ему потому, что берега ихъ на средиземномъ морѣ изобиловали корабельными лѣсами для египетскаго флота (320).

Послѣдовавшая вскорѣ смерть Антипатра произвела новыя и важныя перемѣны. Антипатръ передъ смертію назначилъ правителемъ государства друга своего, Полисперхона. Сынъ Антипатра Кассандръ, недовольный этимъ, соединился съ Антигономъ, который оказалъ ему помощь деньгами, войскомъ и флотомъ. А Полисперхонъ, съ своей стороны, для противудѣйствія ему, вызвалъ мать Александра В., Олимпію, изъ Эпира, куда она удалиллсь по ненависти къ ней Антипатра, именемъ царей провозгласилъ автономію греческихъ городовъ и очищеніе ихъ отъ македонскихъ гар-

низоновъ, а Евмена—царскимъ стратегомъ въ Азіи, съ предоставленіемъ въ его распоряженіе всѣхъ войскъ и царской казны въ ней. Но мѣры его въ Македоніи и Греціи не только не имѣли успѣха, котораго онъ желалъ и ожидалъ, но произвели только страшныя замѣшательства и безпорядки. Эпименеты или начальники македонскихъ гарнизоновъ въ греческихъ городахъ такъ утвердились въ большей части изъ нихъ, что удалить ихъ было невозможно. А другъ Кассандра, Никаноръ, высланный имъ напередъ изъ Азіи съ частію войска и флота, и занявшій гавань Аѳинъ Мунихію, не только не вывелъ оттуда войскъ своихъ, но и занялъ сверхъ того другую гавань Аѳинъ, Пирей, зная, что сюда скоро прибудетъ самъ Кассандръ съ флотомъ и войскомъ. Полисперхонъ послалъ сына своего съ войскомъ овладѣть Аѳинами, подъ предлогомъ изгнанія Никанора изъ Мунихіи и Пирея. Въ это самое время въ Аѳинахъ демократы возстали и возстановили демократическій образъ правленія; но вскорѣ Кассандръ прибылъ съ флотомъ и войскомъ въ Пирей, и, отрѣзавъ Аѳинамъ сообщенія съ моремъ, голодомъ принудилъ ихъ къ сдачѣ, уничтожилъ демократическое правленіе и назначилъ правителемъ Димитрія Фалерейскаго, славнаго государственнаго мужа и писателя, который 10 лѣтъ (318—308) мудро правилъ Аѳинами. Кассандръ имѣлъ такой же успѣхъ и получилъ политическій перевѣсъ и въ большей части другихъ греческихъ городовъ, и, утвердясь такимъ образомъ въ Греціи, вскорѣ открылъ себѣ путь въ Македонію. Сюда, между тѣмъ, воротилась изъ Эпира Олимпія, подъ охраною высланнаго ей Полисперхономъ войска, приняла подъ свою защиту малолѣтняго внука своего Александра и мать его Роксану, и всѣ македоняне, войско и народъ, приняли ея сторону. Но убіеніе ею Филиппа Арридея, казни знатныхъ македонянъ, родственниковъ, друзей и приверженцевъ Антипатра и Кассандра, и другія страшныя жестокости и злодѣйства ея возбудили въ македонянахъ такую ненависть къ ней, что она была принуждена бѣжать въ Пидну, въ Ѳессаліи. Кассандръ же изъ Греціи поспѣшилъ идти съ войскомъ въ Македонію. Не успѣвъ пробиться чрезъ Ѳермопилы, онъ сѣлъ въ Локридѣ съ войскомъ на флотъ и, переправясь въ Ѳессалію, осадилъ Олимпію въ Пидиѣ (317). Она упорно

защищалась въ ней, въ надеждѣ, что Полисперхонъ вышлетъ на помощь ей войско; но оно передалось Кассандру, и весною 316 г. Олимпія была голодомъ вынуждена сдаться и, по суду войска, казнена. Роксана съ сыномъ была взята въ Пидиѣ въ плѣнъ, заключена Кассандромъ въ Амфиполѣ въ темницу и затѣмъ Кассандръ прибылъ въ Македонію, вступилъ въ полное обладаніе ею, женился на дочери Филиппа и сестрѣ Арридея, Θессаликѣ, и явно обнаруживъ неуваженіе къ македонскому царскому семейству, сталъ поступать какъ царь Македоніи (санъ котораго и принялъ вскорѣ).

Между тѣмъ какъ это происходило въ Греціи и Македоніи, Антигонъ, питая честолюбивые замыслы завладѣть всею Азіею и даже захватить верховную власть, хотѣлъ склонить Евмена на свою сторону и завязалъ для того переговоры съ нимъ. Евменъ воспользовался тѣмъ и, усыпивъ его бдительность, ловко обманулъ его и вышелъ изъ крѣпости Норы (319). Тщетно старался онъ удержаться въ малой Азіи, такъ какъ побѣда, одержанная Антигономъ на морѣ надъ царскимъ флотомъ подъ предводительствомъ Клита, лишила Евмена господства на морѣ, и тогда онъ положилъ утвердиться въ верхней Азіи, куда и двинулся весною 318 г., надѣясь въ правителяхъ восточныхъ областей найти себѣ помощь и поддержку. На пути туда, узнавъ о назначеніи своемъ въ царскаго стратега съ полною властію, онъ взялъ изъ царской казны въ киликійской горной крѣпости Квиндѣ столько денегъ, сколько ему было нужно для того, чтобы измѣрить свои силы съ Антигономъ, привлекъ на свою сторону аргираспидовъ и дѣйствовалъ повсюду какъ бы отъ имени и въ защиту достоинства и власти царскаго семейства. Между тѣмъ въ верхней Азіи почти всѣ правители областей возстали противъ могущественнаго Селевка вавилонскаго, собрали сильное войско, изгнали изъ Мидіи Пиѳона и, изъ ненависти къ Антигону, за его жестокости, и изъ зависти къ могуществу Селевка, присоединились къ Евмену. Но какъ каждый изъ нихъ имѣлъ притязаніе на главное начальствованіе войскомъ, то надежды на согласіе и единодушіе между ними было очень мало и притомъ въ то самое время, когда Антигонъ съ сильнымъ войскомъ шелъ противъ нихъ изъ малой Азіи. Но Евменъ

прибѣгнулъ къ особеннаго рода хитрости, которая удалась ему: онъ приказалъ сдѣлать изображеніе Александра Великаго и поставить его на престолъ въ шатрѣ военнаго совѣта и, такимъ образомъ, предсѣдателемъ послѣдняго сдѣлалъ какъ бы самаго Александра Великаго, а самъ между тѣмъ, умомъ и опытностью своими, всегда умѣлъ утверждать за собою перевѣсъ въ совѣщаніяхъ, особенно пока у него были деньги и войска оставались вѣрными ему. Благодаря этому и своимъ отличнымъ военнымъ дарованіямъ и искуству, онъ успѣлъ сначала, многими блистательными побѣдами надъ Антигономъ, удерживаться въ верхней Азіи. Но подъ конецъ, ни военныя дарованія, ни храбрость не могли спасти его отъ зависти прочихъ полководцевъ, его сподвижниковъ, и отъ мятежнаго духа войскъ его, въ которыхъ не было дисциплины. Въ такомъ трудномъ для него положеніи, военныя дѣйствія дошли наконецъ до осени 318 г., когда уже пора была съ обѣихъ сторонъ помышлять о зимнихъ квартирахъ. Здѣсь, въ примѣръ того, какъ Антигонъ и Евменъ вели войну одинъ противъ другаго и къ какому результату привели послѣднія военныя дѣйствія ихъ въ верхней Азіи, изложимъ ихъ въ нѣкоторой подробности.

Однажды обѣ арміи были расположены одна противъ другой въ недальнемъ разстояніи, раздѣленныя лишь горнымъ потокомъ и нѣсколькими лощинами. Край вокругъ былъ совершенно разоренъ и войска терпѣли во всемъ большой недостатокъ. Евменъ, узнавъ, что Антигонъ намѣревался въ слѣдующую ночь выступить въ походъ, не усомнился, что онъ имѣлъ цѣлію двинуться въ Габіену (область, лежавшую къ сѣверу отъ Сузіяны и къ югу отъ Экбатаны), нетронутую войною, обильную продовольствіемъ и представлявшую многія удобства для расположенія войскъ на зиму, по причинѣ многихъ рѣкъ и тѣснинъ въ ней. Поэтому Евменъ положилъ предупредить въ ней Антигона и для того употребилъ слѣдующую хитрость: онъ послалъ въ станъ Антигона нѣсколько воиновъ, подъ видомъ переметчиковъ, предупредить Антигона, будто при наступленіи ночи на него будетъ произведено нападеніе, а самъ между тѣмъ тотчасъ отправилъ впередъ всѣ

свои тяжести, приказалъ войскамъ своимъ подкрѣпить себя пищею и по наступленіи вечера двинулся съ ними вслѣдъ за тяжестями, оставивъ впереди своего стана только небольшой отрядъ конницы, дабы ввести Антигона въ заблужденіе. Хитрость его удалась: Антигонъ держалъ войско свое подъ оружіемъ, въ готовности къ бою, до тѣхъ поръ, пока легкія войска его не дали знать, что Евменъ ушелъ. Тогда Антигонъ немедленно двинулся вслѣдъ за нимъ, но узнавъ, что Евменъ обогналъ его уже на 6 часовъ времени, поскакалъ за нимъ со всею своею конницею и на разсвѣтѣ настигъ хвостъ арміи Евмена, спускавшійся съ горы. Антигонъ остановился и построилъ свою конницу на высотахъ. Евменъ, увѣренный, что за конницей Антигона слѣдуетъ его пѣхота, тоже остановился и построился въ боевой порядокъ. Между тѣмъ подошла пѣхота Антигона и онъ также построилъ свою армію въ боевой порядокъ. Оба имѣли одинаковое желаніе сразиться, съ цѣлію занять выгодную для каждаго изъ нихъ габіенскую область. Въ происшедшемъ здѣсь, вслѣдствіе того, сраженіи, лѣвыя крыла обѣихъ армій были опрокинуты, но наступившій вечеръ прекратилъ бой и хотя ни Антигонъ, ни Евменъ не одержали рѣшительной побѣды, однако первый удержалъ за собой мѣсто боя, понеся впрочемъ болѣе урона, нежели послѣдній. Такъ какъ войска Антигона вслѣдствіе того упали духомъ, то онъ и не отважился на новый бой и пошелъ на зиму далеко въ сѣверную Мидію; Евменъ же продолжалъ свое движеніе въ габіенскую область и расположился въ ней на зиму (318—317). Но войска его, не повинуясь приказанію его расположиться по возможности ближе одни къ другимъ, заняли, напротивъ, тѣ мѣста, которыя показались имъ удобнѣйшими и, такимъ образомъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля, не могли, какъ того хотѣлъ Евменъ, удобно и скоро взаимно поддерживать себя. Антигонъ, узнавъ объ этомъ отъ своихъ лазутчиковъ, положилъ именно произвесть внезапное нападеніе на армію Евмена, на ея зимнихъ квартирахъ, и разбить ее по частямъ. Изъ расположенія арміи Антигона въ Габіену вели два пути, одинъ—прямой, населенный и удобный для движенія и продовольствованія войскъ, а другой—кружный, пролегавшій чрезъ не-

населенныя, безплодныя и гористыя мѣста, и не представлявшій никакихъ удобствъ перваго пути. Но Антигонъ избралъ именно второй, потому что онъ велъ прямо въ середину квартирнаго расположенія арміи Евмена. Онъ приказалъ своимъ войскамъ взять на 10 дней продовольствія, а конницѣ ячменя, фуража, мѣхи для перевозки воды и пр., и разгласилъ, что идетъ въ Арменію. Это было весьма вѣроподобно, потому что ослабленная армія Антигона имѣла уважительную причину удалиться отъ арміи Евмена, а Арменія представляла ей всѣ удобства для отдыха и пополненія. Антигонъ дѣйствительно двинулся сначала по направленію къ Арменіи, но вскорѣ свернулъ въ сторону и чрезъ ненаселенныя пустыни двинулся въ Габіену. Это было уже въ самой серединѣ зимы: Антигонъ шелъ только по ночамъ, огни позволялъ разводить только на разсвѣтѣ и шелъ такимъ образомъ 5 сутокъ. Но зима была такъ сурова, а ночи такъ длинны, что онъ не могъ болѣе удержать свои войска, которыя, не смотря на его запрещеніе, стали разводить огни на привалахъ по ночамъ. Между тѣмъ Евменъ не остался въ безпечности и бездѣйствіи: вполнѣ постигая всѣ невыгоды разбросаннаго квартирнаго расположенія своей арміи, онъ разослалъ свои легкія войска и лазутчиковъ слѣдить за всѣми движеніями Антигона и вскорѣ узналъ, что по ночамъ видны огни и по этому заключилъ, что Антигонъ идетъ противъ него. Военачальники совѣтовали ему удалиться на другой край Габіены, но онъ успокоилъ ихъ, увѣривъ, что задержитъ Антигона на 3—4 дня, необходимые для сбора своей арміи. Собравъ бывшія у него подъ рукою части войскъ, онъ приказалъ имъ расположиться на горахъ, лежавшихъ на пути Антигона, а нѣсколько другихъ отрядовъ размѣстилъ на значительномъ въ ширину протяженіи края, какъ будто они слѣдовали изъ разныхъ мѣстъ. Всѣмъ этимъ отрядамъ онъ приказалъ раскладывать съ вечера огни на небольшомъ разстояніи одни отъ другихъ, такъ, чтобы въ 1-ю стражу ночи (отъ 6 до 9 ч. вечера), когда воины имѣли обыкновеніе передъ огнемъ натирать масломъ свое тѣло, для приданія ему бодрости и гибкости, и варить себѣ пищу, огни были большіе и яркіе, во вторую стражу (отъ 9 до 12 ч. ночи)—постепенно слабѣе и

въ полночь совершенно гасли. Нѣкоторые горные жители, преданные Антигону, увѣдомили его, что видѣли по вечерамъ множество огней, не сомнѣваясь, что то была вся армія Евмена. Вслѣдствіе того Антигонъ, не отваживаясь съ своими усталыми войсками вступить въ бой съ Евменомъ, перемѣнилъ направленіе и пошелъ вправо, чтобы выйти изъ пустыни и достигнуть населеннаго края, для отдыха въ немъ и снабженія себя всѣмъ нужнымъ. А между тѣмъ Евменъ успѣлъ собрать всю свою армію и укрѣпиться въ выгодно-расположенномъ станѣ. Такимъ образомъ онъ, своими военными хитростями, два раза обманулъ Антигона и оба раза достигъ своихъ цѣлей, оказавъ—по понятіямъ того времени—верхъ искуства.

Приведеннаго здѣсь примѣра достаточно для того, чтобы дать понятіе и о полководцахъ, и объ ихъ арміяхъ, и объ образѣ и искуствѣ веденія ими войны въ то время, и потому о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Антигона и Евмена входить въ подробности излишне: они представляютъ тотъ же характеръ. Достаточно сказать, что конечнымъ результатомъ ихъ вскорѣ (въ 317 г.) было сраженіе, произшедшее въ той же габіенской области, окончившееся очень несчастливо для Евмена. Подробности его неизвѣстны, равно и то, гдѣ и какъ именно оно произошло. Извѣстно только 1) что съ обѣихъ сторонъ было много слоновъ и что Евменъ расположилъ своихъ впереди арміи выпуклою дугою, концы которой примыкали къ обоимъ флангамъ, для того, чтобы слоны, нерѣдко обращаясь назадъ, приводившіе собственныя войска въ разстройство, имѣли позади себя болѣе простора,—2) что и Антигонъ и Евменъ сдѣлали весьма искусныя распоряженія передъ сраженіемъ и произвели нападеніе въ косвенномъ боевомъ порядкѣ,—и 3) что бой и побѣда остались бы, можетъ быть, нерѣшенными, еслибы не одно особенное обстоятельство, склонившее побѣду на сторону Антигона и погубившее Евмена. Выше было сказано, что Евменъ склонилъ на свою сторону аргираспидовъ, которые и находились въ этомъ сраженіи въ составѣ его арміи. Раздраженные тѣмъ, что Антигонъ, во время сраженія, захватилъ ихъ обозы, съ женами, дѣтьми и имуществомъ ихъ, эти корыстолюбивые и развращенные воины обратили свою ярость, вмѣсто Антигона, про-

тивъ Евмена и не устыдились опозорить себя гнусными измѣной и предательствомъ, выдавъ Евмена въ оковахъ Антигону, дабы цѣною того выкупить свои семейства и имущества! Антигонъ хотѣлъ спасти Евмена и пріобрѣсть въ немъ друга и пособника, но, по настоятельнымъ требованіямъ своихъ военачальниковъ и войскъ, вынужденъ былъ казнить его!

И этотъ конецъ также достаточно служитъ къ дополненію характеристики полководцевъ и армій этого мрачнаго, смутнаго времени, когда въ военныхъ дѣятеляхъ его угасли, кажется, всякія чувства чести, благородства и человѣчества. Лишь въ 7 лѣтъ времени по смерти Александра В., какой глубокій нравственный упадокъ и полководцевъ, и армій! Но это—по понятіямъ нашего времени, въ тогдашнихъ же нравахъ оно было до того распространено, что ничего необыкновеннаго не составляло. А военныя хитрости, подобныя приведеннымъ выше, считались верхомъ искуства полководцевъ!

Избавившись отъ Евмена, Антигонъ пріобрѣлъ такую силу и прибѣгнулъ къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ для подавленія остальныхъ соперниковъ своихъ: Птолемэя, Кассандра, Лисимаха и Селевка, что они составили между собою союзъ противъ него—и вслѣдствіе того между ними возгорѣлась новая, 3-я и послѣдняя война (315—301).

Прикрывшись личиною защитника малолѣтняго Александра (сына Александра В. и Роксаны), котораго Кассандръ держалъ съ матерью въ плѣну въ Амфиполѣ, Антигонъ, дабы занять и удержать Кассандра въ Европѣ, помогъ Полисперхону деньгами и провозгласилъ автономію греческихъ городовъ, а самъ въ 314 г. вступилъ съ войскомъ въ Сирію и Палестину. Египетскіе гарнизоны были принуждены очистить Библъ, Сидонъ и Триполь, но Тиръ, Іоппія и Газа положили упорно обороняться. Для покоренія ихъ были необходимы флотъ и осадныя орудія и машины—и ихъ строили съ величайшею дѣятельностью по всему восточному берегу средиземнаго моря и преимущественно въ Финикіи. Наконецъ въ 314—313 гг. Антигонъ взялъ эти три города осадой, послѣ упорной обороны; осада Тира стоила ему особенно много времени (15 мѣся-

цовъ), трудовъ, издержекъ и урона въ войскахъ. Затѣмъ, оставивъ въ Сиріи, для занятія и обезпеченія ея, сына своего, Димитрія, съ частію силъ, Антигонъ съ главными силами пошелъ въ малую Азію и разбилъ въ ней Кассандра, правителя Каріи. Между тѣмъ Димитрій, увлекшись своею, слишкомъ пылкою, храбростью и отважностью, въ 312 г. вступилъ при Газѣ въ бой съ соединенными силами Птолемэя и Селевка—и былъ разбитъ на голову. Слѣдствіемъ этой побѣды было то, что завоеванные Антигономъ города: Сидонъ, Іоппія, Аскалонъ и Акра покорились египтянамъ, а жители Тира, осада и взятіе котораго стоили Антигону столько труда и времени, принудили начальника Антигонова гарнизона сдать городъ. Пользуясь этимъ, Селевкъ, удалившійся изъ Вавилона къ Птолемэю въ Египетъ (въ 316 г.), возвратился въ Вавилонъ (30 октября 312 г.), снова завладѣлъ своимъ вавилонскимъ намѣстничествомъ и, прочно утвердивъ въ немъ свою власть, положилъ первое начало основанному имъ въ послѣдствіи могущественному сирійскому царству Селевкидовъ (въ которомъ съ 30 октября 312 г. и стали вести лѣтосчисленіе).

Но почти всѣ плоды побѣды при Газѣ были уничтожены, какъ только Антигонъ снова явился въ Сиріи. Сынъ его, Димитрій, загладилъ свое пораженіе при Газѣ побѣдой надъ египетскимъ полководцемъ Киллесомъ, вслѣдствіе чего Птолемэй, всегда благоразумно осторожный, отступилъ въ Египетъ, а Антигонъ возвратилъ себѣ всѣ свои прежнія завоеванія въ западной Азіи, кромѣ Вавилоніи (312). Хотя онъ и послалъ туда Димитрія и хотя послѣдній и овладѣлъ Вавилономъ, изъ котораго Селевкъ удалился, но возбудилъ въ этомъ городѣ такую ненависть къ себѣ своею жестокостью, что, по удаленіи его, Селевкъ снова утвердилъ свою власть въ Вавилоніи.

Въ слѣдующемъ 311 г. Антигонъ заключилъ съ своими противниками (исключая Селевка) миръ, по которому было предоставлено: Кассандру—управлять Македоніей, прочимъ намѣстникамъ—своими областями, а греческимъ городамъ — пользоваться автономіей. Но миръ продолжался недолго: Кассандръ, чтобъ открыть себѣ путь къ македонскому престолу, приказалъ умертвить Алек-

сандра и Роксану (311). Полисперхонъ противупоставилъ ему другаго сына Александра В. отъ Барсины, Иракла или Геркулеса. При посредствѣ Антигона, онъ вызвалъ его изъ Пергама и съ помощью этолійцевъ собралъ войско для возвращенія ему престола. Македоняне отказались сражаться противъ сына Александра В., но въ 309 г. Полисперхонъ отравилъ Иракла, склонясь на обѣщаніе Кассандра уступить ему за это званіе стратега въ Пелопоннесѣ и сдѣлать его своимъ соправителемъ; но когда Полисперхонъ отравилъ Иракла, то Кассандръ не исполнилъ своего обѣщанія. Въ томъ же 309 г. въ Сардесѣ, по приказанію Антигона, была умерщвлена сестра Александра В., Клеопатра, и затѣмъ изъ всего македонскаго царскаго семейства осталась одна Θессалоника, жена Кассандра, который такимъ образомъ и остался полнымъ обладателемъ Македоніи.

Гибель (или правильнѣе — избіеніе) всего царскаго семейства еще сильнѣе возбудила честолюбивые замыслы оставшихся въ живыхъ, полководцевъ и преемниковъ Александра В., особенно Антигона, присвоить себѣ верховную власть надъ всею основанною Александромъ монархіею, а одно изъ условій мира — признаніе автономіи греческихъ городовъ — сдѣлалось уже одною пустою мечтою и орудіемъ честолюбцевъ, и въ 308 г. война возобновилась съ большею силою. Птолемэй хотѣлъ принудить Антигона, а Антигонъ — Кассандра къ выводу ихъ гарнизоновъ изъ греческихъ городовъ. Но ни тотъ, ни другой вовсе не были расположены исполнить это. Антигонъ послалъ въ 308 г. сына своего, Димитрія, съ флотомъ, войскомъ и богатою казною въ Грецію. Димитрій, необыкновенно способный, прозорливый, дѣятельный, храбрый и искусный, но вмѣстѣ съ тѣмъ — крайне жестокій и развратный, вступивъ въ Пирей, былъ принятъ аѳинянами, какъ освободитель, и возстановилъ демократію. Мудрый правитель Аѳинъ, Димитрій фалерейскій, удалился въ Александрію, въ Египтѣ, гдѣ Птолемэй открылъ убѣжище всѣмъ греческимъ изгнанникамъ и ученымъ. А Кассандровъ гарнизонъ Мунихіи былъ принужденъ сдаться. Но вскорѣ, въ томъ же 308 г., Антигонъ отозвалъ Димитрія изъ Аѳинъ и послалъ его овладѣть островомъ Кипромъ, который Птолемэй обра-

тилъ въ египетскую область. Въ 307 г. Димитрій высадился на островъ Кипръ, разбилъ въ рѣшительномъ сраженіи брата Птолемэева, Менелая, и осадилъ его, съ сухаго пути и моря, въ главномъ городѣ Саламинѣ. Птолемэй, для котораго островъ Кипръ былъ чрезвычайно важенъ и нуженъ, по изобилію на немъ корабельнаго лѣса, шедшаго на построеніе египетскаго флота, поспѣшилъ моремъ на помощь Саламину, но былъ разбитъ Димитріемъ въ большой морской битвѣ, одной изъ значительнѣйшихъ и примѣчательнѣйшихъ въ древности, по огромнымъ: числу и величинѣ судовъ и большому искуству—съ обѣихъ сторонъ. Димитрій взялъ въ плѣнъ и потопилъ 80 египетскихъ судовъ и вскорѣ затѣмъ покорилъ Саламинъ и весь островъ Кипръ (307). Тогда Антигонъ принялъ уже предложенный ему царскій санъ и даровалъ такой же и сыну своему, Димитрію. Примѣру его послѣдовали и Птолемэй, и Лисимахъ, и Селевкъ.

По завоеваніи Кипра, Антигонъ вознамѣрился совершенно подавить Птолемэя и, вытѣснивъ его изъ Египта, покорить послѣдній. Съ этою цѣлію онъ въ 306 г. предпринялъ, берегомъ средиземнаго моря, походъ въ Египетъ, съ 80,000 чел. пѣхоты, 8,000 чел. конницы и 80-ю слонами, сопровождаемый на морѣ, вдоль берега, большимъ флотомъ подъ начальствомъ Димитрія. Но завоевать такую страну, какъ Египетъ, и особенно — обороняемую такимъ искуснымъ полководцемъ, какъ Птолемэй, было не легко, и потому, не смотря ни на искуство Антигона и Димитрія, ни на огромныя сухопутныя и морскія силы ихъ, предпріятіе ихъ не имѣло успѣха. Птолемэй съ большимъ искуствомъ воспользовался всѣми естественными преимуществами и выгодами Египта для обороны и отличными мѣрами и дѣйствіями съ этою цѣлію обратилъ въ ничто всѣ усилія Антигона и Димитрія. Тогда Антигонъ положилъ по крайней мѣрѣ отрѣзать Птолемэя отъ моря, отнятіемъ всѣхъ гаваней на немъ, и уничтожить огромныя морскія силы и торговлю Египта, возросшія при Птолемэѣ до чрезвычайной степени. Но для этого Антигону прежде всего необходимо было содѣйствіе острова Родоса, значительно усилившагося, посредствомъ торговли, на морѣ и занимавшаго на немъ второе послѣ Египта мѣсто.

Но какъ родосцы отказали Антигону въ содѣйствіи, то вскорѣ между ними открылась война. Въ 305 г. Димитрій осадилъ съ сухаго пути и моря городъ Родосъ и въ этой знаменитой осадѣ, одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ древности, истощилъ все, что только владѣнія отца его могли доставить средствъ, а тогдашнія греческія науки: механика и поліорцетика и личныя его изобрѣтенія (см. выше гелеполь) и искуство — способовъ къ покоренію города Родоса. Но родосцы, съ своей стороны, оборонялись съ такими чрезвычайными мужествомъ, упорствомъ и искуствомъ, что Димитрій наконецъ охотно готовъ былъ прекратить осаду подъ какимъ-нибудь благовиднымъ и непостыднымъ для него предлогомъ. И онъ вскорѣ представился ему, въ силу самихъ, сложившихся такъ, обстоятельствъ. Въ 304 г. въ одно и тоже время этолійцы обратились къ нему съ просьбой о помощи противъ Кассандра, многія греческія области ходатайствовали въ пользу родосцевъ и сами родосцы охотно соглашались сдѣлать съ своей стороны все возможное для уменьшенія Димитрію стыда снятія осады, стоившей ему столько времени, трудовъ, издержекъ и урона въ войскѣ. Вслѣдствіе этого былъ заключенъ (304) миръ, по которому Родосъ былъ признанъ независимымъ, но выдалъ 100 заложниковъ въ обезпеченіе того, что не будетъ дѣйствовать враждебно противъ Антигона и Димитрія.

Затѣмъ Димитрій поспѣшилъ въ Грецію, гдѣ Кассандръ распространилъ свою власть, во многіе города поставилъ свои гарнизоны и всячески стѣснялъ Аѳины. Димитрій, высадившись въ Авлидѣ, изгналъ Кассандровы войска изъ Віотіи, заключилъ союзъ съ этолійцами и торжественно вступилъ въ Аѳины, гдѣ провелъ зиму съ 304 на 303 г.—Въ 303 г. онъ изгналъ Кассандровы гарнизоны изъ городовъ Ахаіи,—на истмійскихъ играхъ, близъ Коринѳа, побудилъ грековъ провозгласить его, подобно Филиппу и Александру В., стратегомъ всей Греціи, и затѣмъ, получивъ отъ Антигона назначеніе завоевать Македонію и Ѳракію, дошелъ до самыхъ границъ первой изъ нихъ. Кассандръ просилъ мира, но Антигонъ, провозгласивъ себя единственнымъ наслѣдникомъ Александра В., требовалъ безусловной покорности.—Слѣдствіемъ того были: сно-

ва союзъ Кассандра, Лисимаха, Селевка и Птолемэя противъ Антигона и Димитрія и возобновленіе войны съ ними.—Въ 301 г. союзники въ одно время двинулись въ малую Азію, гдѣ находился Антигонъ, Кассандръ—изъ Македоніи и Лисимахъ—изъ Ѳракіи въ Фригію, а Селевкъ—изъ Вавилоніи и Птолемэй—изъ Египта въ Сирію.—Антигонъ же призвалъ Димитрія изъ Греціи въ малую Азію.—Но какъ Кассандръ и Птолемэй были далѣе всѣхъ и сверхъ того осторожный Птолемэй съ намѣреніемъ шелъ довольно медленно, то первыми соединились въ Фригіи Лисимахъ и Селевкъ. У нихъ было всего 64.000 чел. пѣхоты, 10.500 чел. конницы, 120 военныхъ колесницъ и 480 индійскихъ слоновъ (изъ нихъ колесницы, слоны и отборнѣйшія, лучшія войска принадлежали Селевку). Антигонъ и Димитрій, съ своей стороны, сосредоточили 70.000 чел. пѣхоты, 10.000 чел. конницы и 75 слоновъ, слѣдовательно, за исключеніемъ колесницъ и слоновъ, силы съ обѣихъ сторонъ были почти равныя. Антигонъ и Димитрій двинулись прямо противъ Лисимаха и Селевка въ Фригію, и здѣсь-то, весною 301 г., на равнинѣ близъ мѣстечка Ипса произошло то знаменитое сраженіе, которое рѣшило судьбу и Антигона, и всей Азіи.

До насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній объ этой битвѣ;—извѣстно только, что въ арміи Антигона слоны были помѣщены впереди войскъ, а Димитрій съ отборною конницею стоялъ на одномъ изъ фланговъ и съ нею стремительно и запальчиво ударилъ на стоявшаго противъ него Селевкова сына, Антіоха, опрокинулъ его, прогналъ съ поля битвы и увлекся его преслѣдованіемъ, но былъ отрѣзанъ слонами и частію пѣхоты союзниковъ и тщетно старался соединиться съ Антигономъ. А между тѣмъ Селевкъ охватилъ оба фланга Антигоновой арміи своими легкими войсками, частными нападеніями ихъ привелъ оба эти фланга въ утомленіе и разстройство, и зная, что войска Антигона не любили его, предложилъ имъ перейти на сторону союзниковъ. Бо́льшая часть ихъ передалась, а остальныя обратились въ бѣгство. Тогда союзники со всѣхъ сторонъ напали на самаго Антигона и отрядъ его тѣлохранителей—и всѣхъ ихъ истребили, при чемъ и Антигонъ (на 81-мъ году жизни) былъ убитъ. Димит-

рій же только съ 5000 чел. пѣхоты и 4000 чел. конницы успѣлъ спастись въ Ефесъ и оттуда моремъ въ Грецію.

Побѣдители раздѣлили между собою владѣнія Антигона: Лисимахъ получилъ малую Азію до горнаго хребта Тавра, а Селевкъ—всю остальную Азію отъ Тавра и средиземнаго моря до Инда и Окса. Кассандръ сохранилъ за собою Македонію съ Греціей, а Птолемэй—Египетъ.

§ 118.

Войны послѣ сраженія при Ипсѣ до 1-й македонской войны римлянъ (301—200).

Войны отъ смерти Александра В. до сраженія при Ипсѣ, обнимавшія и Македонію, и Грецію, и Азію, и Египетъ въ совокупности, послѣ сраженія при Ипсѣ распадаются на войны въ Македоніи и Греціи и на войны въ Азіи и Египтѣ, иначе въ Европѣ и на Востокѣ. Хотя между тѣми и другими иногда была взаимная связь, но вообще онѣ были однѣ отъ другихъ отдѣльны и независимы и могутъ быть разсмотрѣны особо. Не входя въ подробности изложенія ихъ, укажемъ лишь главные ходъ и черты ихъ, въ синхронистическомъ (современномъ) порядкѣ, сначала—въ Македоніи и Греціи, а потомъ— на Востокѣ, до начала 1-й македонской войны римлянъ въ 200 г., которая уже принадлежитъ военной исторіи сихъ послѣднихъ и изложена въ своемъ мѣстѣ ниже.

I. Войны въ Македоніи и Греціи.

Изъ трехъ главныхъ государствъ, которыя образовались изъ монархіи Александра В., т. е. Македоніи съ Греціей, Сиріи, обнимавшей почти всю Азію, и Египта, Македонія сама по себѣ была самымъ меньшимъ и слабѣйшимъ, и по пространству, и по населенности, и по богатству. Но какъ родовое наслѣдственное владѣніе

македонской царской династіи Филиппа и Александра В., она до 311 г. все еще признавалась какъ бы политическимъ средоточіемъ всей монархіи и ея верховнаго правительства, и потому считалась первостепеннымъ государствомъ въ числѣ прочихъ.—Но когда въ 311 г. окончательно угасла династія Филиппа и Александра В., Македонія составила уже совершенно отдѣльное, небольшое государство, все внѣшнее вліяніе котораго ограничивалось только одною Греціей, и съ этого времени военная, какъ и политическая исторія первой тѣсно связана съ политической и военной исторіей послѣдней, и обѣ могутъ быть разсматриваемы не иначе, какъ въ совокупности. Главными явленіями въ нихъ, въ военномъ отношеніи, были: сначала болѣе 30-ти лѣтъ продолжавшіяся войны за наслѣдство македонскаго престола, а потомъ, по утвержденіи на немъ династіи Антигона I и Димитрія I Поліорцета, въ лицѣ внука перваго и сына послѣдняго, Антигона II Гоната (прозваннаго такъ по мѣсту рожденія его въ ѳессалійскомъ городѣ Гонн или Гонусѣ)—войны этолійскаго и ахейскаго союзовъ въ Греціи, усложненныя вмѣшательствомъ и участіемъ въ нихъ и царей македонскихъ, и царей эпирскихъ, особенно Пирра, и внѣшнихъ враговъ, галловъ, иллиріянъ и наконецъ — римлянъ, уже въ концѣ 2-й пунической войны положившихъ первыя начала политики, покорившей имъ въ послѣдствіи и Македонію, и Грецію.

Въ войнахъ за наслѣдство македонскаго престола повторились, въ меньшемъ видѣ, тѣже явленія, что́ и въ войнахъ за наслѣдство Александровой монархіи до сраженія при Ипсѣ. Съ самаго начала до 287 г. главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и претендентомъ македонскаго престола былъ Димитрій Поліорцетъ. Спасшись, послѣ сраженія при Ипсѣ, какъ было сказано выше, съ 5000 чел. пѣхоты и съ 4000 чел. конницы въ Ефесъ, онъ оттуда моремъ на флотѣ отправился въ Аѳины, увѣренный, что найдетъ въ нихъ убѣжище. Но аѳиняне объявили себя неутральными и не впустили его въ Аѳины, чѣмъ явили величайшую неблагодарность къ нему. Тогда Димитрій хотѣлъ высадиться на Истмѣ (коринѳскомъ перешейкѣ), но недопущенный и туда, удалился въ свои владѣнія въ Пелопоннесѣ, пріобрѣлъ еще нѣсколь-

ко твердыхъ пунктовъ и утвердился въ немъ, усилилъ свой флотъ и въ 297 г. осадилъ Аѳины съ сухаго пути и моря и голодомъ принудилъ этотъ городъ къ сдачѣ.—Изгнавъ изъ него правителя Леохареса, поддерживаемаго Кассандромъ, онъ поставилъ свои гарнизоны въ Мунихіи и Пиреѣ, простилъ аѳинянъ и замыслилъ сдѣлать изъ Аѳинъ средоточіе независимаго царства для себя въ Греціи. А между тѣмъ въ Македоніи Кассандръ умеръ въ 298 г., оставивъ послѣ себя трехъ сыновей: изъ нихъ старшій, Филиппъ, въ слѣдующемъ году умеръ, второй—Антипатръ, убивъ мать свою Ѳессалоники, благопріятствовавшую младшему сыну, Александру Эгусу или Эгу, бѣжалъ во Ѳракію къ тестю своему, Лисимаху, за помощью, а Александръ Эгъ призвалъ на помощь себѣ противъ нихъ Пирра, царя эпирскаго, и Димитрія Поліорцета, которые и двинулись съ войсками въ Македонію. Но вскорѣ, убѣдившись вѣроятно, что оба они сами имѣютъ въ виду завладѣть Македоніей, онъ объявилъ Димитрію, что, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, не нуждается болѣе въ его помощи.—Тогда Димитрій пригласилъ его на пиръ — и приказалъ умертвить во время пира, а себя провозгласилъ царемъ Македоніи (295).—Кромѣ Македоніи и принадлежавшей къ ней Ѳессаліи, онъ владѣлъ еще большею частію Пелопоннеса, Мегарой и Аѳинами. Семь лѣтъ царствованія его представляютъ рядъ безпрестанныхъ войнъ съ Ѳивами, Лисимахамъ, Пирромъ и др.—Два раза, въ 293 и 291 гг., завоевалъ онъ Ѳивы, покоренныя Кассандромъ, но отложившіяся, — тщетно пытался отнять у Лисимаха Ѳракію и часто велъ войну съ Пирромъ.—Всѣ эти войны его, особенно съ Пирромъ, пользовавшимся, какъ государь и полководецъ, большимъ уваженіемъ въ Македоніи и Греціи, были чрезвычайно непопулярны въ этихъ двухъ странахъ и, въ соединеніи съ пороками Димитрія—необыкновенными: гордостью, высокомѣріемъ, жестокостью и развратностью его, возбуждали всеобщее нерасположеніе къ нему.—Наконецъ, гордость и честолюбіе погубили его: онъ замыслилъ захватить верховную власть надъ всею бывшею монархіей Александра и для того собралъ въ Македоніи и Греціи огромныя, сухопутныя и морскія, военныя силы. Но крайне насильствен-

ныя и жестокія мѣры его для сбора ихъ возбудили такое всеобщее раздраженіе противъ него, что въ то самое время, когда онъ хотѣлъ отправиться въ малую Азію, македонское войско отложилось отъ него—и онъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ и искать убѣжища у сына своего, Антигона Гоната, въ Пелопоннесѣ (287).—Аѳины также отложились отъ него, но онъ осадилъ и взялъ ихъ, и оставивъ Антигона въ Пелопоннесѣ, моремъ на флотѣ съ войскомъ отправился въ малую Азію, съ цѣлію прежде всего разбить въ ней Лисимаха и завоевать его ѳракійско-малоазіятское царство. Но Лисимахъ вытѣснилъ его изъ своихъ владѣній за Тавръ во владѣнія тестя его, Селевка, а этотъ послѣдній взялъ его въ плѣнъ и держалъ до самой смерти въ заключеніи. Такимъ образомъ Македонія и Грецію избавились наконецъ отъ этого злодѣя, тѣмъ болѣе вреднаго и опаснаго, что онъ былъ весьма способный и искусный полководецъ.—Послѣ бѣгства его изъ Македоніи, Пирръ завладѣлъ западною половиною ея, но Лисимахъ, воротясь изъ малой Азіи, вытѣснилъ его, завладѣлъ всею Македоніею, присоединилъ ее къ своему царству (286) и владѣлъ ею до самой своей смерти въ 282 г. Въ этомъ именно году, давнишняя взаимная ненависть и семейныя козни и раздоры произвели войну между Лисимахомъ и Селевкомъ, кончившуюся побѣдою Селевка въ сраженіи при Корупедіонѣ, въ Фригіи: Лисимахъ былъ разбитъ и убитъ, а Селевкъ провозгласилъ себя царемъ Македоніи. Но на пути туда, во Ѳракіи, онъ былъ убитъ зятемъ своимъ, сыномъ Птолемэя египетскаго, Птолемеэмъ Керавномъ (изъ-за семейной вражды), который и провозгласилъ себя царемъ Македоніи. Но онъ встрѣтилъ въ ней соперниковъ въ Антигонѣ Гонатѣ и Пиррѣ, однако перваго разбилъ на сухомъ пути и морѣ, а съ послѣднимъ заключилъ договоръ объ уступкѣ Пирромъ Керавну Македоніи на извѣстныхъ условіяхъ (281). Но не успѣлъ онъ утвердиться на престолѣ, какъ начались страшныя нашествія на Македонію галловъ.—Галльскія племена уже съ давнихъ временъ обитали на пространствѣ между верхнимъ и среднимъ Дунаемъ и морями средиземнымъ и адріатическимъ, и производили набѣги и большія нашествія на сѣверную и даже среднюю Ита-

лію.—Но встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны римлянъ (см. выше ч. I, гл. XVII, §§ 110 и 111), они обратились на юго-востокъ и начали производить нашествія на Ѳракію, Пэонію, Иллирію и Македонію. 1-е нашествіе ихъ подъ предводительствомъ Камбаула, въ 280 г., проникло только во Ѳракію, потому что силы галловъ были не довольно значительны. Но 2-е, въ 279 г., было уже произведено въ огромныхъ силахъ, по тремъ направленіямъ: во Ѳракію, подъ предводительствомъ Церетрія, въ Пэонію — Бренна (нападавшаго на Римъ) и Ацихорія, и въ Иллирію и Македонію — Белгія. Керавнъ съ войскомъ двинулся на встрѣчу послѣднему, но былъ разбитъ имъ и самъ палъ въ бою, а галлы страшно разорили Македонію.—Здѣсь на мѣсто Керавна были одинъ вслѣдъ за другимъ провозглашены царями и вскорѣ, по совершенной неспособности, низложены, сначала — братъ Керавна, Мелеагръ, а потомъ — сынъ Кассандра, Антипатръ — и въ несчастной Македоніи воцарилось совершенное безначаліе. Одинъ изъ знатныхъ македонянъ, Сосѳенъ, принялъ власть въ свои руки, собралъ войско и изгналъ галловъ. Но въ слѣдующемъ 278 г. галлы, подъ предводительствомъ Бренна и Ацихорія, произвели 3-е, еще болѣе сильное и страшное нашествіе и уже не на одну Македонію, но чрезъ нее преимущественно на Грецію, которую хотѣли разграбить и въ ней особенно—сокровища дельфійскаго храма. Въ Македоніи Сосѳенъ снова двинулся противъ нихъ, но былъ разбитъ и убитъ, и галлы по двумъ направленіямъ устремились въ Грецію, все разоряя и опустошая на пути. — Устрашенные общею опасностью, всѣ греки соединились и противупоставили галламъ при Ѳермопилахъ всего только 20.000 чел. (до того уже была истощена и ослаблена Греція!). —Но при Ѳермопилахъ повторилось тоже самое, что и во время нашествія Ксеркса: галлы обошли грековъ по незанятой ими и измѣнной указанной галламъ горной дорогѣ черезъ гору Эту и, принудивъ грековъ отступить, устремились къ Дельфамъ. Но здѣсь греки снова противустали имъ и были спасены произшедшимъ въ это самое время землетрясеніемъ, которое такъ ободрило ихъ (будто бы — помощью самихъ боговъ ихъ) и устрашило дикихъ и суевѣрныхъ галловъ, что греки раз-

рили ихъ на голову и галлы бѣжали тѣмъ же путемъ, которымъ прибыли, черезъ Македонію и Ѳракію, и большею частію были истреблены жителями.—Изъ числа оставшихся прежде во Ѳракіи, до 20.000 отправились въ малую Азію и были приняты царемъ виѳинскимъ въ военную службу на жалованье, водворились на полученныхъ ими земляхъ и тѣмъ положили основаніе особенной области, названной по ихъ имени галльскою тетрархіей, Галло-Греціей или Галатіей.

Между тѣмъ Македонія, разоренная галлами, страдая отъ безначалія, служила предметомъ кровавыхъ распрей нѣсколькихъ искателей македонскаго престола, главными между которыми были Пирръ и Антигонъ Гонатъ. Послѣдній одержалъ наконецъ верхъ: Антіохъ I Сотеръ, царь сирійскій, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому уступилъ ему права свои на Македонію и, выдавъ за него дочь свою, назначилъ ей страну эту какъ бы въ приданое (277). Но не успѣлъ Антигонъ утвердиться на македонскомъ престолѣ и заняться благоустройствомъ Македоніи, какъ въ ней снова явился Пирръ. Этотъ способный и искусный полководецъ, но и честолюбивый и крайне безпокойный искатель приключеній, не успѣвъ въ своихъ неблагоразумныхъ предпріятіяхъ въ Италіи и Сициліи, по возвращеніи оттуда вздумалъ снова завоевать Македонію. Антигонъ двинулся ему на встрѣчу, но македонское войско, болѣе расположенное къ Пирру, нежели къ нему, отложилось отъ него—и Антигонъ былъ принужденъ искать убѣжища на своемъ флотѣ и потомъ въ своихъ владѣніяхъ въ Пелопоннесѣ. Пирръ же былъ провозглашенъ царемъ Македоніи и, оставивъ въ ней сына своего, Птолемэя, воротился въ Эпиръ, откуда вскорѣ предпринялъ походъ противъ Спарты и при осадѣ и взятіи Аргоса былъ убитъ (272, см. ниже). По удаленіи его изъ Македоніи, Антигонъ поспѣшилъ въ нее, но разбитый на голову Птолемэемъ, едва успѣлъ спастись въ Пелопоннесъ, гдѣ былъ призванъ Аргосомъ на помощь противъ Пирра и по смерти его снова отправился въ Македонію, и на этотъ разъ успѣлъ овладѣть ею, вытѣснивъ Птолемэя, и окончательно утвердить и себя, и въ лицѣ своемъ династію Антигона I и Димитрія Поліорцета на македон-

скомъ престолѣ (266 г.). Съ этого времени, не имѣя уже болѣе внѣшнихъ соперниковъ, онъ обратилъ всю свою политику внутри — на приведеніе Македоніи въ благоустройство, въ которомъ она крайне нуждалась, а извнѣ — на приведеніе снова Греціи въ прежнюю зависимость отъ Македоніи. Положивъ конецъ набѣгамъ галловъ съ сѣвера и обезпечивъ внѣшнюю безопасность Македоніи, онъ началъ поддерживать въ Греціи аристократическую или олигархическую партію, тирановъ или правителей, утверждавшихся въ нѣкоторыхъ городахъ Греціи, и македонскихъ приверженцевъ въ ней, и ставить въ греческіе города, гдѣ могъ, македонскіе гарнизоны. Но въ 35 лѣтъ времени (301—266), пока средоточіемъ политическихъ и военныхъ событій была Македонія, въ Греціи обстоятельства уже измѣнились совершенно и вскорѣ уже она, вмѣсто Македоніи, сдѣлалась главнымъ средоточіемъ всей политической и военной дѣятельности македонянъ и грековъ — *послѣдней и небезславной* передъ покореніемъ Македоніи и потомъ Греціи римлянами.

Главными причинами такого переворота были: постепенныя образованіе и усиленіе двухъ греческихъ союзовъ, этолійскаго и ахейскаго, вскорѣ обнявшихъ всю Грецію и въ послѣдній разъ соединившихъ всѣхъ грековъ, съ цѣлію поддержанія своей политической и гражданской свободы и независимости. Образованіе и устройство обоихъ союзовъ, со времени смерти Александра В., было уже изложено выше (§ 115), а потому здѣсь укажемъ только главныя черты военныхъ событій въ Греціи во 2-й половинѣ этого періода, до начала 1-й македонской войны римлянъ въ 200 г.

Въ то время, когда Антигонъ Гонатъ, какъ сказано, утвердившись въ Македоніи, началъ распространять власть свою въ Греціи, оба союза, особливо ахейскій, уже достигли значительной степени развитія и силы, принятіемъ въ свой составъ многихъ городовъ и республикъ греческихъ. Развитію и усиленію ахейскаго союза особенно способствовалъ знатный сикіонянинъ Аратъ, мудрый и искусный политикъ, болѣе 20-ти лѣтъ бывшій главою и душою союза и 17 разъ стратегомъ его, хотя и не имѣлъ нужныхъ полководцу качествъ. Антигонъ Гонатъ, въ послѣдніе годы своей жизни (245—243), старался всячески, особенно присо-

единеніемъ къ этолійскому союзу, разрушить ахейскій, непріязненный и ему, Антигону, и этолянамъ. Однимъ изъ послѣднихъ предпріятій Антигона съ этою цѣлію, было завладѣніе замкомъ Коринѳа, чрезвычайно важнаго пункта —ключа Пелопоннеса. Чтобъ облегчить себѣ занятіе его, онъ женилъ сына своего на вдовѣ Александра, тиранна коринѳскаго, и во время брачнаго пиршества внезапно и тайно овладѣлъ коринѳскимъ замкомъ (243). Союзники ахейскіе поручили Арату съ небольшимъ, но отборнымъ отрядомъ войскъ взять обратно коринѳскій замокъ, что Аратъ и исполнилъ съ успѣхомъ, взявъ оный приступомъ, вслѣдствіе чего многіе греческіе города, повиновавшіеся Антигону, немедленно возстали противъ него. Антигонъ принялъ мѣры къ обратному покоренію ихъ, но вскорѣ умеръ (243), а сынъ и преемникъ его, Димитрій II (243—233), исторія котораго очень темна, велъ уже войну съ этолянами, вторгнувшимися въ Македонію, и успѣлъ отразить ихъ съ помощью иллирійскаго царя Агрона; этоляне же, съ своей стороны, нашли поддержку противъ него въ ахейскомъ союзѣ. Димитрій, дабы не утратить вліянія своего въ Пелопоннесѣ, старался поддерживать въ нѣкоторыхъ городахъ его тирановъ и этимъ, какъ равно и военною неспособностью Арата, объясняется то, что покушеніе ахеянъ освободить важный для нихъ Аргосъ отъ власти тиранна и Антигона не имѣло успѣха. Но по смерти Филиппа, дядя и преемникъ его, Антигонъ II Досонъ (233—221), занятый внутри и на сѣверныхъ предѣлахъ Македоніи, не поддерживалъ уже болѣе тирановъ въ греческихъ городахъ и они стали добровольно отказываться отъ своей власти. Такимъ образомъ Мегалополь, Фліунтъ и Эрміона въ Пелопоннесѣ, затѣмъ Аѳины, за 150 талантовъ купившіе выступленіе изъ нихъ македонскаго гарнизона, а съ ними Саламинъ и Эгина, а въ 228 г. и Аргосъ, присоединились къ ахейскому союзу и значительно увеличили силы его. Но въ это самое время, важный внутренній переворотъ, совершившійся въ Спартѣ, временно положилъ преграду дальнѣйшему развитію ахейскаго союза.

Могущество Спарты совершенно пало еще со времени войны ея съ Ѳивами и еще болѣе вслѣдствіе упадка политическихъ и граж-

данскихъ учрежденій ея. Крайнее неравенство въ правахъ имущественнаго пользованія имѣло слѣдствіемъ скопленіе богатствъ въ рукахъ нѣсколькихъ олигарховъ и крайнее обѣдненіе народныхъ массъ, которыя, для поддержанія своего существованія, обратились къ разбойничеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы чрезвычайно развратились. По этимъ причинамъ, въ 244 г. молодой спартанскій царь Агисъ III сдѣлалъ первую попытку возстановить древніе Ликурговы законы; но оно не удалось, вслѣдствіе козней другаго царя Леонида, и кончилось умерщвленіемъ Агиса и всего рода его (241). Но сынъ и преемникъ Леонида, молодой и чрезвычайно даровитый Клеоменъ III (съ 236 г.) совершилъ то, что не удалось Агису, и на короткое время (14 лѣтъ) возстановилъ силу и славу Спарты. Прежде всего, для исполненія своихъ замысловъ, онъ призналъ необходимымъ образовать хорошее и преданное ему войско. Сами обстоятельства подали ему поводъ къ тому. Аратъ уже распространилъ область ахейскаго союза надъ большею частію Пелопоннеса и, постепенно приближаясь къ предѣламъ Лаконіи, наконецъ вознамѣрился присоединить къ союзу и Аркадію, часть которой находилась въ союзѣ съ этолянами. Это побудило и спартанцевъ, и этолянъ сблизиться между собою для противудѣйствія Арату, и вскорѣ Клеоменъ построилъ въ земляхъ Мегалополя небольшую крѣпостцу Аѳиней и такимъ образомъ уже утвердился въ земляхъ ахейскаго союза. Аратъ, опасаясь войны, дотолѣ не принималъ никакихъ мѣръ противудѣйствія и только тогда объявилъ Клеомену войну, когда послѣдній уже сталъ твердою ногою въ земляхъ ахейскаго союза и тѣмъ нанесъ ему оскорбленіе. Это послужило поводомъ къ такъ называемой Клеоменовой войнѣ (228—226), которая унизила Арата, но возвысила Клеомена. Съ самаго начала оба войска, спартанское и ахейское, встрѣтились при Палланті. Послѣднее, вчетверо сильнѣйшее, по совѣту Арата, отступило и вскорѣ Клеоменъ въ трехъ сраженіяхъ, одно вслѣдъ за другимъ, разбилъ Арата и ахеянъ. Успѣвъ образовать такимъ образомъ въ эти три года войны отличное боевое и вполнѣ преданное ему войско, Клеоменъ въ 226 году низвергнулъ въ Спартѣ эфоровъ, уничтожилъ власть ихъ и возстановилъ во

всей точности и строгости Ликурговы законы. Затѣмъ онъ уже самъ открылъ рѣшительную наступательную войну противъ Арата и ахейскаго союза, взялъ города Кафіи, Пеллену, Феней, Фліунтъ, Клеоны, Эпидавръ, Эрміону, Трезене и даже Коринѳъ и, сильно укрѣпившись на Истмѣ, преградилъ такимъ образомъ входъ въ Пелопоннесъ (224). Это совершенно уронило Арата въ мнѣніи ахеянъ, и онъ, чтобы поправить дѣла союза, призвалъ на помощь Антигона, который и двинулся съ 20,000 чел. войскъ къ Истму и былъ бы удержанъ на немъ Клеоменомъ, еслибы возстаніе въ это самое время Аргоса, въ тылу его, не принудило его отступить къ предѣламъ Лаконіи. Тогда Антигонъ, вступивъ въ Пелопоннесъ, взялъ Коринѳъ, Мантинею, Орхоменъ, Герею и Телфусу,—въ общемъ собраніи ахейскаго союза въ Эгіѣ былъ избранъ и провозглашенъ стратегомъ его и провелъ зиму (223—222) въ крѣпости Акрокоринѳѣ, очищенной по его приказанію. При этомъ война съ обѣихъ сторонъ была ведена съ большою жестокостью противъ частныхъ лицъ и имуществъ, и съ крайними разореніемъ и опустошеніемъ земель и городовъ. Доселѣ Птолемэй III Эвергетъ египетскій помогалъ Клеомену деньгами, но, прекративъ эту помощь, поставилъ его въ весьма трудное положеніе. Дабы пособить этому, Клеоменъ за 5 минъ давалъ свободу каждому илоту и, собравъ этимъ довольно значительную сумму денегъ, набралъ наемное войско, напалъ на Мегалополь, и какъ этотъ богатый городъ отказался отложиться отъ ахейскаго союза, то Клеоменъ разграбилъ его и на пріобрѣтенную въ немъ добычу еще болѣе усилилъ свое войско. Весною слѣдующаго 222 года онъ тщетно предлагалъ Антигону бой подъ стѣнами Аргоса: Антигонъ, чувствуя свою слабость, не внималъ просьбамъ аргивянъ, земли которыхъ, въ его глазахъ, разорялъ Клеоменъ—и уклонялся отъ боя съ нимъ. Но наконецъ Антигонъ и Аратъ положили соединить свои силы, и Антигонъ, собравъ 28,000 чел. пѣхоты и 1,200 чел. конницы, вмѣстѣ съ ахейскими войсками вторгнулся въ концѣ лѣта этого года (222) въ Лаконію. Здѣсь, при Селлазіи, произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ Клеоменъ, послѣ упорнѣйшаго сопротивленія, былъ разбитъ на голову и, совершенно отчаяв-

шись въ спасеніи Спарты, съ семействомъ и друзьями своими спасся бѣгствомъ въ Египетъ, гдѣ нашелъ убѣжище до самой своей смерти. Антигонъ же, одержавъ рѣшительную побѣду, великодушно сохранилъ Спартѣ ея независимость. Въ ней немедленно было уничтожено все, что измѣнилъ и ввелъ Клеоменъ, власть эфоровъ возстановлена и спартанская республика, уже крайне слабая и раздираемая партіями, пала совершенно и болѣе не поднималась.

Присоединеніе ахейскаго союза къ Антигону возстановило вліяніе Македоніи на Грецію, и только одни этоляне съ своими союзниками сохраняли полную независимость отъ нея и противустояли ей. Племянникъ и преемникъ Антигона, Филиппъ II, одаренный отличными способностями ума и души, руководствовался, въ отношеніи къ Греціи, политикою Арата, и потому ахеяне менѣе чувствовали зависимость свою отъ Македоніи и, вмѣстѣ съ македонянами, усердно и дѣятельно вели войну съ этолійскимъ союзомъ, продолжавшуюся три года (220—217) и извѣстную подъ названіемъ войны союзниковъ. Начало ей положили этоляне, вторгнувшись въ Пелопоннесъ и начавъ разорять земли мессенянъ. Аратъ, въ главѣ ахейскаго войска, двинулся противъ нихъ и потребовалъ удаленія ихъ, а когда они начали отступать, Аратъ распустилъ свое войско и только съ 3,000 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы слѣдовалъ за ними. Тогда этоляне обратились назадъ и на-голову разбили его при Кафіи; остатки его войскъ спаслись въ Кафіи и Орхоменѣ, а этоляне прошли черезъ весь Пелопоннесъ, разоряя все на пути, и черезъ Истмъ воротились въ Этолію. Ахеяне просили помощи Филиппа, который и прибылъ съ сильнымъ войскомъ на Истмъ и въ Коринѳъ, гдѣ рѣшено было соединенными силами вести войну противъ этолянъ, и затѣмъ Филиппъ лично возвратился въ Македонію. Но узнавъ, что спартанцы и элеяне вторглись въ Ахаію, онъ двинулся съ 15,000 чел. пѣхоты и 800 чел. конницы, сначала въ Эпиръ, гдѣ, по просьбѣ жителей, осадилъ Амвракію. А между тѣмъ этоляне, подъ предводительствомъ Скопаса, вторглись въ Македонію и начали разорять піэрійскую область; въ тоже время и дарданійцы также вторглись въ Македонію. Филиппъ, взявъ

Амвракію послѣ 40 дневной осады, двинулся въ Этолію и взялъ многіе города въ ней, потомъ изгналъ этолянъ и дарданійцевъ изъ Македоніи и двинулся въ Ѳессалію. А между тѣмъ этоляне вторглись въ верхній Эпиръ и разграбили въ немъ Додонскій храмъ (219). Филиппъ же изъ Ѳессаліи двинулся къ Коринѳу, усилился здѣсь 10-ю тысячами ахейскихъ войскъ, разбилъ элеянъ, грабившихъ земли сикіонянъ, осадилъ городъ Псофисъ въ Аркадіи и взялъ его приступомъ, не взирая ни на силу его укрѣпленій, считавшихся неодолимыми, ни на суровое зимнее время, а также и элейскую горную крѣпостцу Алиферну, вслѣдствіе чего многіе сосѣдственные города покорились ему. Вскорѣ онъ покорилъ всю Элиду, равно и область трифилійскую (219). Ахеяне помогли ему деньгами и положено было войну вести также и на морѣ. Не смотря на предательскія козни главнаго сановника своего Апеллеса и сообщниковъ его, Мегалея и Леонтія, Филиппъ съ войскомъ въ 218 г. сѣлъ въ Коринѳѣ на флотъ и отправился на островъ Кефалонію, гдѣ осадилъ городъ Палей, но измѣна Леонтія принудила его съ урономъ снять осаду. Такъ какъ между тѣмъ этоляне вторглись въ Мессенію и въ Ѳессалію, то Филиппъ послалъ въ первую изъ нихъ ахейскаго полководца Эперата, а самъ направился къ острову Левкадіи и оттуда къ Лимнеѣ. Здѣсь присоединились къ нему акарнаняне и онъ двинулся въ Этолію, къ главному городу ея, Ѳерму, къ которому никто изъ враговъ никогда дотолѣ еще не подступалъ, взялъ и разграбилъ его, въ отмщеніе за разграбленіе этолянами въ предъидущемъ году додонскаго храма. Затѣмъ онъ пошелъ обратно къ Лимнеѣ, два раза разбилъ преслѣдовавшихъ его этолянъ и черезъ Истмъ направился прямо въ Лаконію. Здѣсь спартанскій царь Ликургъ, изгнавъ другого царя Агезиполя и подавивъ заговоръ Хилона, обратилъ всѣ свои силы противъ ахейскаго союза и Филиппа. Онъ разорилъ Мессенію, укрѣпилъ Спарту и отразилъ нападеніе Филиппа на нее. Филиппъ, разоривъ Лаконію огнемъ и мечемъ, съ богатою добычею воротился въ Коринѳъ. Въ слѣдующемъ 217 г. Филиппъ открылъ походъ осадою города Ѳивъ въ области Фтіотіи, на границѣ земель города Магнесіи. Послѣ 13-ти-дневной осады, онъ

взялъ Ѳивы, населилъ ихъ македонянами и назвалъ Филиппополемъ. Здѣсь въ одно и тоже время получено было извѣстіе о побѣдѣ Аннибала въ Италіи, при Тразименскомъ озерѣ, надъ римлянами, и прибыло посольство родосцевъ и хіосцевъ, предлагавшихъ свое посредничество для заключенія мира. Филиппъ, подъ обаяніемъ успѣховъ и побѣдъ Аннибала и побуждаемый совѣтами Димитрія фаросскаго, изгнаннаго римлянами изъ Италіи, положившій уже вступить въ союзъ съ Аннибаломъ, охотно согласился на предложеніе родосцевъ и хіосцевъ, и вслѣдствіе того въ томъ же 217 г., въ Навпактѣ, былъ заключенъ миръ между этолійскимъ и ахейскимъ союзами, на условіяхъ, указанныхъ Филиппомъ, а именно: обѣ стороны сохранили всѣ свои владѣнія, которыми обладали до начала войны.

Аратъ, какъ мудрый политикъ, справедливо совѣтовалъ Филиппу не вступать въ союзъ съ Аннибаломъ и не ставить себя тѣмъ въ непріязненныя отношенія къ Риму. Но Филиппъ, уже возгордившійся своими успѣхами и могуществомъ и побуждаемый честолюбіемъ, отравилъ Арата и, послѣ битвы при Каннахъ, заключилъ съ Аннибаломъ тайный договоръ, обѣщая ему помощь войскомъ и флотомъ для совокупной войны противъ Рима, и началъ готовиться къ переправѣ въ Италію. Въ 215 г., кончивъ свои приготовленія, онъ двинулся съ войскомъ, сопровождаемый флотомъ, вдоль берега моря, осадилъ на пути и взялъ городъ Орикъ (Oricum), но, слабо занявъ его, на другой же день лишился его и двинулся далѣе къ Аполлоніи и осадилъ ее. Между тѣмъ римляне тотчасъ провѣдали о его договорѣ съ Аннибаломъ и, уже оправившись отъ пораженій, нанесенныхъ имъ симъ послѣднимъ, приняли свои мѣры. Сенатъ римскій послалъ въ Македонію Нэвія (Naevius) съ войскомъ. Нэвій произвелъ, совершенно неожиданно для Филиппа, внезапное нападеніе на него во время осады Аполлоніи и нанесъ ему столь рѣшительное пораженіе, что онъ былъ принужденъ сжечь свой флотъ и съ остатками своего войска сухимъ путемъ отступить въ Македонію (214).

Между тѣмъ, какъ Филиппъ договоромъ съ Аннибаломъ неблагоразумно возбудилъ противъ себя римлянъ, этоляне, напротивъ,

обратились къ нимъ съ предложеніемъ своего союза. Римскій сенатъ охотно согласился на это и отправилъ въ Этолію М. Валерія Левина съ войскомъ на флотѣ. Левинъ нашелъ въ этолянахъ усердныхъ союзниковъ, къ которымъ присоединились, сверхъ того, и Спарта, и Элида, и пергамскій царь Атталъ, и иллирійскіе цари Скердиллаидъ и Плеврай—всѣ, крайне недовольные Филиппомъ и непріязненно расположенные къ нему (211 г.). Между тѣмъ на сторонѣ послѣдняго были только ахеяне (стратегомъ которыхъ съ 213 г., по смерти Арата, былъ доблестный Филопеменъ), акарнаняне и віотяне.

Левинъ, по прибытіи въ Этолію, взялъ городъ Антицирру въ Фокидѣ. Филиппъ двинулся къ этому городу, два раза разбилъ этолянъ, а въ третій разъ, когда на помощь къ нимъ прибылъ римскій трибунъ Сулпицій, въ бою съ нимъ и этолянами, не смотря на всѣ усилія римлянъ, успѣлъ сохранить за собою мѣсто боя, даже взялъ на другой день 4,000 чел. въ плѣнъ и вскорѣ принудилъ этолянъ заключить отдѣльный миръ. Обманутый въ своихъ надеждахъ на Аннибала, для котораго, послѣ сраженія при Каннахъ, война въ Италіи приняла невыгодный оборотъ, что̀ дозволило уже римлянамъ выставить противъ Македоніи значительныя силы, Филиппъ предложилъ имъ миръ, который и былъ заключенъ въ 204 г. Главнымъ условіемъ его было отреченіе Филиппа отъ союза съ Карѳагеномъ. Въ договорѣ о мирѣ были включены и всѣ союзники римлянъ въ Греціи. Дальнѣйшія дѣйствія Филиппа и грековъ, которые повели, 4 года спустя, къ 1-й македонской войнѣ, принадлежатъ уже къ сей послѣдней и будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ ниже.

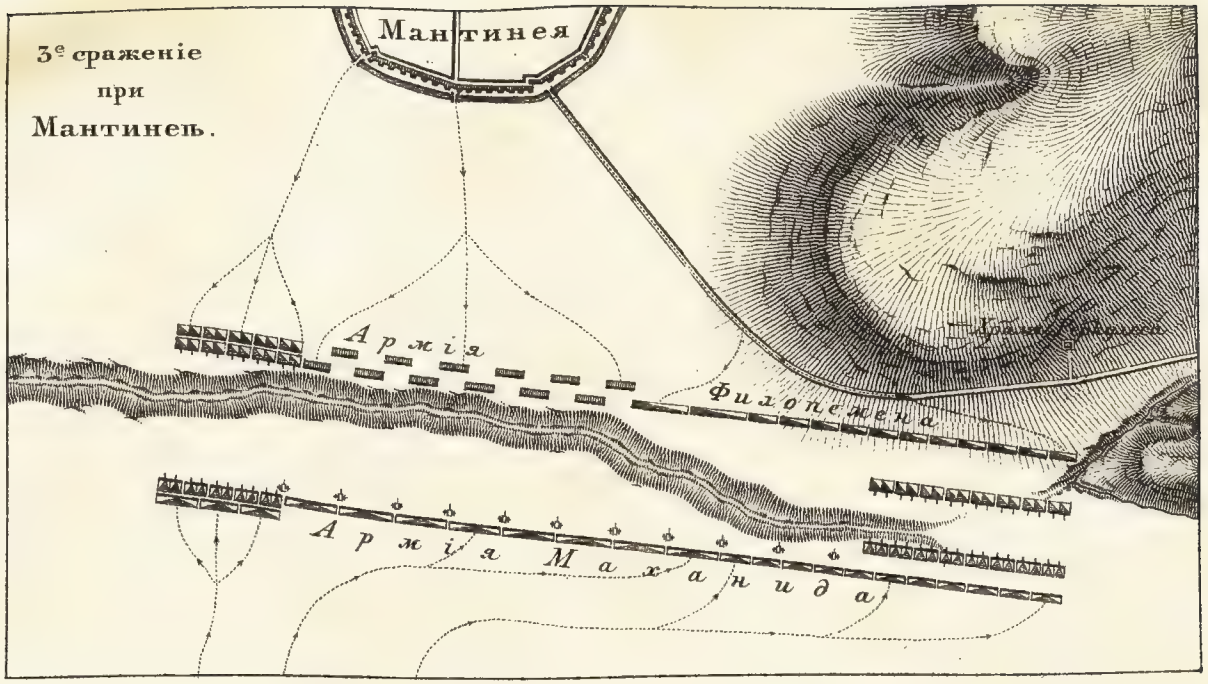
Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть о послѣднихъ военныхъ событіяхъ въ Пелопоннесѣ, особенно замѣчательныхъ участіемъ въ нихъ и искусными дѣйствіями Филопемена.

Въ послѣдніе 22 года этого періода (222—200) весь Пелопоннесъ былъ уже въ составѣ ахейскаго союза, за исключеніемъ только Спарты и Элиды, постоянно противившихся вступленію въ него и враждовавшихъ съ нимъ, какъ уже было изложено выше. Изъ нихъ главнымъ противникомъ его была Спарта. Въ ней, послѣ

битвы при Селлазіи, бѣгства Клеомена въ Египетъ и возстановленія власти эфоровъ (222—221), распри царей Ликурга и потомъ Маханида съ эфорами повели къ полной и совершенной анархіи. Въ то время, когда верховную власть захватилъ Маханидъ и объявилъ войну ахейскому союзу (207), главой и стратегомъ послѣдняго былъ Филопеменъ. Уроженецъ города Мегалополя въ Аркадіи, знатнаго рода, онъ получилъ превосходныя: воспитаніе и образованіе, съ особеннымъ отличіемъ участвовалъ въ защитѣ Мегалополя противъ Клеомена, потомъ, въ 222 г., въ походѣ въ Лаконіи и въ битвѣ при Селлазіи, а въ 208 г. самъ одержалъ при Мессенѣ побѣду надъ этолянами. Въ 213 г., по смерти Арата, онъ былъ избранъ на его мѣсто въ стратеги ахейскаго союза, вслѣдствіе всеобщаго уваженія, которое снискалъ своими: благороднымъ характеромъ, честностью, безкорыстіемъ, пламенною любовью къ отечеству и военными дарованіями. Избранный въ стратеги, онъ занялся приведеніемъ войскъ союза въ наилучшее состояніе, значительно усовершенствовалъ вооруженіе, строй, образъ дѣйствій и внутреннія: устройство и управленіе ихъ, установилъ въ нихъ строгіе военные порядокъ и повиновеніе, и самъ во всемъ служилъ имъ лучшимъ образцомъ. Въ главѣ этихъ-то отличныхъ войскъ онъ и двинулся, по объявленіи Маханидомъ войны, къ Мантинеѣ и расположился въ ней. Маханидъ, съ своей стороны, пошелъ къ Тегеѣ, къ югу отъ Мантинеи, и, по сосредоточеніи здѣсь всего своего войска, двинулся къ Мантинеѣ 3-мя колоннами, изъ которыхъ въ средней шла фаланга, а въ боковыхъ наемныя: конница и легкая пѣхота. За колоннами войскъ находилось большое количество катапультъ, баллистъ и повозокъ съ большими стрѣлами. Свѣдавъ о его наступленіи, Филопеменъ вывелъ свое войско изъ Мантинеи также 3-мя колоннами, изъ которыхъ въ средней была фаланга, въ правой—тяжелая конница (катафракты или латники), а въ лѣвой—легкая пѣхота, за нею такъ-называемая тарентинская наемная легкая конница, конные латники, въ родѣ пелтастовъ, и наконецъ въ хвостѣ—отрядъ иллирійскихъ войскъ. Такого рода походный порядокъ былъ назначенъ Филопеменомъ согласно съ предположеннымъ имъ построеніемъ своей арміи въ бое-

вой порядокъ на мѣстности, впереди Мантинеи, предварительно и тщательно осмотрѣнной и весьма искусно избранной имъ (онъ имѣлъ особенный и рѣдкій въ тѣ времена даръ изслѣдовать и распознавать боевыя свойства, выгоды и преимущества мѣстности). Мѣстность эта образовала равнину, ограниченную съ запада и востока высотами, изъ которыхъ у подошвы восточныхъ находился храмъ Нептуна и пролегала дорога къ нему изъ Мантинеи. Поперегъ равнины, отъ однихъ высотъ до другихъ, простирался оврагъ или ложбина, зимою наполненная водою, но лѣтомъ сухая, съ покатыми краями, и которую можно было замѣтить только приблизясь къ самымъ краямъ ея, издали-же она была незамѣтна. Ею-то Филопеменъ и положилъ воспользоваться, какъ естественною оборонительною преградою. А потому, какъ только передовая легкая пѣхота лѣвой колонны дошла до оврага, то заняла скаты высотъ надъ нимъ; конница, въ 8 шеренгъ глубины, построилась впереди ея, у подошвы высотъ, а къ лѣвому флангу конницы примкнули конные латники и иллиріяне. Фаланга построилась правѣе конницы, въ срединѣ боеваго порядка и въ совершенно-новомъ, изобрѣтенномъ Филопеменомъ строѣ, именно шахматномъ, въ 2 линіи, съ интервалами между отдѣленіями, въ 16 шеренгъ глубины каждое, такъ что отдѣленія 2-й линіи находились противъ интерваловъ 1-й. Катафракты замыкали боевой порядокъ на правомъ флангѣ фаланги, въ видѣ резерва. Вся армія была построена такимъ образомъ—позади оврага, а въ ожиданіи наступленія непріятеля, Филопеменъ обратился къ войскамъ съ краткою, но сильною рѣчью. «Нынѣшній день» — сказалъ онъ между прочимъ — «рѣшитъ, быть-ли вамъ свободными или—рабами».

Вскорѣ усмотрѣно было наступленіе арміи Маханида въ походномъ порядкѣ 3-мя колоннами, причемъ въ средней фаланга приняла направленіе вкось къ правому крылу Филопемена. Послѣдній предположилъ поэтому, что Маханидъ имѣлъ намѣреніе атаковать его въ косвенномъ, усиленномъ слѣва, боевомъ порядкѣ, и усугубилъ вниманіе и осторожность, но не измѣнилъ своего боеваго порядка. Но вскорѣ правая колонна Маханида, а за нею и обѣ другія, фланговымъ движеніемъ на право, построились въ боевой порядокъ


3е сраженіе
при
Мантинеѣ.
Мантинея
Армія
Филопемена
Армія Маханида

по другую сторону оврага, но вдали отъ него, параллельно арміи Филопемена, средина противъ средины и фланги противъ флан-говъ. Затѣмъ Филопеменъ ожидалъ, что спартанская фаланга, по своему обыкновенію, немедленно произведетъ фронтальное наступленіе, но былъ весьма изумленъ, увидя, что вся армія Маханида разомъ раскрыла между своими отдѣленіями интервалы, изъ которыхъ были вывезены катапульты и баллисты, съ прислугой при нихъ. Сначала онъ подумалъ, что Маханидъ понялъ, на какую мѣстность былъ завлеченъ; однако не смутился и, дабы предотвратить вредъ дѣйствія метательныхъ орудій и увѣренный, что фаланга Маханида не тронется съ мѣста, дабы не заслонить ихъ собою, онъ лично двинулся впередъ съ тарентинскою легкою конницею, приказавъ части легкой пѣхоты слѣдовать за нею, разсыпаться впереди всего фронта своей арміи и открыть сильную стрѣльбу изъ луковъ по прислугѣ орудій. Это имѣло полный успѣхъ: разстроенная стрѣльбою легкой пѣхоты Филопемена, прислуга орудій не могла дѣйствовать изъ нихъ. Тогда Маханидъ, замѣтивъ, что вся иностранная легкая пѣхота Филопемена была собрана на лѣвомъ крылѣ его, а правая фланговая тяжелая конница его не трогалась съ мѣста, приказалъ легкой пѣхотѣ своей, построенной позади лѣвой фланговой конницы его, двинуться вправо позади линіи арміи. Усмотрѣвъ это, Филопеменъ приказалъ конницамъ латинскимъ и иллиріянамъ на лѣвомъ флангѣ своемъ перейти черезъ оврагъ (тамъ, гдѣ заблаговременно были для этого срыты края его, для удобнѣйшаго наступленія черезъ него) и атаковать непріятеля. Фаланги же съ обѣихъ сторонъ и конница на правомъ флангѣ Филопемена и на лѣвомъ флангѣ Маханида оставались еще на своихъ мѣстахъ. Но, при атакѣ тарентинской конницы Филопемена, такая-же конница Маханида дѣйствовала лучше и удачнѣе, и первая, не смотря на всѣ усилія Филопемена, не выдержала, обратилась назадъ за оврагъ, увлекла за собою иллиріянъ и бросилась по дорогѣ къ Мантинеѣ, стремительно преслѣдуемая самимъ Маханидомъ съ его тарентинскою конницею. Но это нималѣйше не смутило Филопемена: оставивъ свою тарентинскую конницу и иллиріянъ малодушно бѣжать къ Мантинеѣ,

а Маханида—неблагоразумно преслѣдовать ее туда, онъ ободрилъ остальныя войска спокойствіемъ и твердостью своими, и немедленно приказалъ всѣмъ отдѣленіямъ 1-й линіи своей быстро двинуться флангомъ на лѣво и занять мѣста бѣжавшей конницы лѣваго крыла, а отдѣленіямъ 2-й линіи — въ тоже время двинуться впередъ и занять мѣста отдѣленій 1-й линіи. Эти передвиженія были исполнены съ отмѣнными: точностью, порядкомъ и скоростью. Такимъ образомъ Филопеменъ отрѣзалъ Маханиду отступленіе и получилъ возможность охватить слѣва середину арміи Маханида, лишенную уже своего праваго крыла. Въ тоже время Филопеменъ приказалъ Полибію (дядѣ историка) собрать въ одинъ общій отрядъ всѣхъ оставшихся и разсѣявшихся конныхъ латниковъ, тарентинцевъ и иллиріянъ, и поставить его на высотахъ за лѣвымъ флангомъ фаланги, въ видѣ подкрѣпленія (или резерва). Между тѣмъ фаланга Филопемена, опасаясь скораго возвращенія Маханида, нетерпѣливо желала двинуться впередъ въ бой. Филопеменъ, раздѣляя, но скрывая тѣже опасенія и нетерпѣніе, уже хотѣлъ приказать двинуться впередъ, когда увидѣлъ, что непріятельская фаланга съ своей стороны двигается впередъ. Тогда онъ остановилъ свою фалангу и сталъ ожидать непріятельскую позади оврага; — но едва только послѣдняя легко и скоро спустилась въ него, какъ вся фаланга Филопемена по всей линіи разомъ ударила на нее сверху оврага внизъ съ такою стремительностью и силой, что въ одинъ мигъ истребила почти всю непріятельскую фалангу на днѣ оврага, а спасшихся и обратившихся въ бѣгство преслѣдовала по другую сторону его.

Въ это самое время Маханидъ прискакалъ отъ Мантинеи, до самыхъ стѣнъ которой запальчиво и безумно преслѣдовалъ конницу Филопемена. Убѣдясь, хотя уже и поздно, въ своей ошибкѣ и гибельныхъ для него послѣдствіяхъ ея, онъ построилъ бывшія съ нимъ наемныя конныя войска въ густую колонну и хотѣлъ пробиться съ ними черезъ срытые края оврага. Но Филопеменъ уже принялъ мѣры противъ того: оставивъ лишь часть войскъ для преслѣдованія бѣжавшихъ, главными силами онъ занялъ противуположный край оврага и особенно усилилъ войска, оберегав-

шія срытые края его, и отрядъ Полибія. Маханидъ уже приближался къ головѣ своей колонны къ оврагу, какъ вдругъ—конные наемники его малодушно обратились назадъ, разсѣялись и оставили его лишь съ двумя военачальниками. Маханидъ поскакалъ вдоль оврага, дабы найти удобное мѣсто для переѣзда черезъ него; но Филопеменъ скакалъ на одной высотѣ съ нимъ по другой сторонѣ оврага, и едва Маханидъ бросился въ оврагъ, какъ Филопеменъ ловкимъ ударомъ копья убилъ его. Затѣмъ, собравъ всю свою армію, онъ двинулся къ Тегеѣ, безъ труда покорилъ ее и расположился въ непріятельскомъ краю.

Таково было это 3-е сраженіе при Мантинеѣ, въ которомъ Филопеменъ, превосходными, необыкновенно искусными распоряженіями своими до и во время боя, вполнѣ примѣненными къ мѣстности и къ движеніямъ и дѣйствіямъ арміи Маханида, отлично воспользовался грубыми ошибками послѣдняго и одержалъ надъ нимъ полную и совершенную, рѣшительную и блистательную побѣду, свидѣтельствующую о высокихъ личныхъ, военныхъ дарованіяхъ и искуствѣ самаго Филопемена, равно какъ и объ отличныхъ дѣйствіяхъ предводимой имъ арміи и о полной силѣ еще, въ его рукахъ, греческаго военнаго искуства. Къ сожалѣнію, это было уже послѣднее проявленіе его въ прежнемъ блескѣ, а самаго Филопемена справедливо называютъ послѣднимъ изъ великихъ людей и полководцевъ Греціи, стоявшимъ неизмѣримо выше жалкихъ современниковъ и потомковъ своихъ изъ числа грековъ.

Этимъ блистательнымъ подвигомъ его мы и заключаемъ краткій очеркъ войнъ въ Македоніи и Греціи — въ періодѣ времени отъ сраженія при Ипсѣ до мира Филиппа съ римлянами въ 204 году, послѣ котораго были уже ничтожныя военныя дѣйствія. Какъ ни кратокъ этотъ очеркъ, но онъ достаточенъ для того, чтобы дать понятіе о крайнемъ уже упадкѣ и жалкомъ состояніи всего вообще военнаго быта въ несчастныхъ Македоніи и Греціи. За исключеніемъ развѣ только частныхъ военныхъ дѣйствій лучшихъ полководцевъ этого времени: Пирра, Филопемена и временно Клеомена, всѣ остальныя затѣмъ, не представляя ничего за-

мѣчательнаго въ отношеніи собственно къ военному искуству, свидѣтельствуютъ напротивъ о крайнемъ уже упадкѣ македонянъ и грековъ въ военно-нравственномъ отношеніи, а въ тѣсной связи съ тѣмъ — и военнаго искуства у нихъ вообще и веденія ими войны въ частности. Войны, веденныя ими въ эти 100 лѣтъ, характеромъ своимъ принадлежатъ гораздо болѣе дикимъ или полудикимъ, нежели высокообразованнымъ народамъ. Безпрерывные набѣги, вторженія, нашествія на земли враговъ, соединенныя съ страшными разореніемъ, опустошеніемъ и разграбленіемъ ихъ, съ безчеловѣчною жестокостью противъ частныхъ лицъ и имуществъ, съ безсмысленными и безцѣльными битвами и осадами, съ измѣной, предательствомъ, убійствами и самыми низкими пороками и злодѣйствами, и въ низшихъ, и особенно въ высшихъ сословіяхъ народныхъ, правителяхъ и полководцахъ, наконецъ съ совершеннымъ упадкомъ военныхъ духа, порядка и дисциплины въ войскахъ и арміяхъ— все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ самую жалкую, самую мрачную картину, не правильныхъ войнъ и военныхъ дѣйствій благоустроенныхъ государствъ, народовъ и армій, но набѣговъ дикарей или разбойничьихъ шаекъ съ цѣлію грабежа. Удивительно-ли послѣ того, что при первомъ столкновеніи съ такими воинственными и превосходно-устроенными: государствомъ, народомъ и войскомъ, какъ римскіе, и Македонія и Грецію легко и скоро сдѣлались добычей ихъ!

2) Войны на Востокѣ.

На Востокѣ самымъ обширнымъ между всѣми государствами, образовавшимися изъ Александровой монархіи, было царство сирійское или Селевкидовъ, въ Азіи, основанное полководцемъ Александра Селевкомъ (I-мъ этого имени царемъ сирійскимъ, подъ прозваніемъ Никатора, 301—281 г.). Онъ имѣлъ подъ своею

властію 72 сатраніи, отъ Босфора и Геллеспонта и восточныхъ береговъ Средиземнаго моря до рр. Инда и Окса, и отъ Чернаго и Каспійскаго морей до Индійскаго океана. Но перенесеніемъ столицы, пребыванія и управленія изъ Селевкіи на Тигрѣ, въ верхней Азіи, въ Антіохію на берегахъ Средиземнаго моря и обращенія вниманія и политики своихъ не на Востокъ, а на Западъ, селевкиды не только не скрѣпили свое обширное царство въ одно общее и прочное государство, но пробудили въ большей части подвластныхъ имъ народовъ стремленіе къ независимости. Вслѣдствіе того, съ ходомъ времени, отъ сирійскаго царства отпали и образовали отдѣльныя, самостоятельныя государства, пять небольшихъ въ малой Азіи—Каппадокія, Понтъ, Виѳинія, Пергамъ и Галатія или Галльскія тетрархіи, и два большія въ верхней Азіи — Парѳія и Бактрія съ Согдіяной. Селевкиды всегда имѣли въ нихъ опасныхъ противниковъ, а враги ихъ — усердныхъ союзниковъ, чѣмъ подъ конецъ и не упустили воспользоваться римляне для своихъ завоеваній въ Азіи.

Второе, послѣ Сиріи, мѣсто на Востокѣ занималъ Египетъ, по раздѣлу послѣ смерти Александра В. доставившійся полководцу его Птолемэю (I-му царю египетскому, подъ прозваніемъ Сотера, и основателю династіи Птолемэевъ, 323—284).

Наконецъ третье мѣсто на Востокѣ сначала занимало оракійско-малоазіятское до р. Галиса царство Лисимаха, но смерти его распавшееся на отдѣльныя и самостоятельныя небольшія государства.

Эти три царства на Востокѣ —Лисимахово, египетское и между ними сирійское —вели частыя войны, внѣшнія—между собою и съ сосѣдственными народами и государствами, и внутреннія—междуусобныя. Первыя имѣли цѣлію, со стороны Сиріи —завоеваніе всей малой Азіи, всѣхъ восточныхъ и даже малоазіятскихъ и египетскихъ береговъ Средиземнаго моря и иногда даже Египта, а со стороны Лисимаха и послѣ него правителей и царей малоазіятскихъ и со стороны Египта—не только сопротивленіе этимъ завоеваніямъ Сиріи, но и отторженіе отъ нея и покореніе западныхъ и югозападныхъ ея областей, особенно на берегахъ Средиземнаго моря. Послѣдніе имѣли чрезвычайную важность и для Сиріи, и

особенно для Египта, потому что, изобиліемъ корабельныхъ лѣсовъ, многихъ превосходныхъ морскихъ и торговыхъ гаваней, морскихъ учрежденій и складовъ, и населеніемъ изъ отличныхъ мореходцевъ, доставляли обладателю ихъ всѣ средства и способы для содержанія большихъ флотовъ, господства на морѣ и распространенія и безъ того обширной торговли, главнымъ центромъ которой сдѣлалась Акександрія въ Египтѣ. Особенно важно было это для Египта, морскія силы и торговля котораго, стараніями всѣхъ трехъ первыхъ Птолемэевъ (I, II и III, отца, сына и внука, съ 323 г. по 221 г.—цѣлыхъ 100 лѣтъ), достигли огромнаго развитія. Птолемэй I, въ 40 лѣтъ царствованія своего, почти вовсе не вмѣшивался въ войны, раздиравшія Македонію, Грецію и Азію и ограничивался только обороною самаго Египта. Но преемники его, особенно Птолемэй III Эвергетъ (246—221), вели частыя войны, внѣшнія—большею частію съ Сиріею, за обладаніе областями на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, съ указанною выше цѣлію, а также для распространенія своихъ владѣній въ Африкѣ, Аравіи и на восточныхъ островахъ Средиземнаго моря. Селевкиды, съ своей стороны, послѣ сраженія при Ипсѣ принимали дѣятельное участіе въ войнахъ царей македонскихъ въ Македоніи, Греціи и малой Азіи, позже съ отложившимися областями и малоазіятскими греческими поселеніями, съ галлами и особенно съ Египтомъ, а въ верхней Азіи съ Парѳіей и Бактріяной. А подъ конецъ, вмѣшательство Антіоха III сирійскаго (224—187) въ дѣла Греціи вовлекло его въ войну съ римлянами.

Такимъ образомъ, въ политическомъ отношеніи, войны, веденныя Египтомъ, имѣли цѣли, полезныя для него въ государственномъ отношеніи, гораздо болѣе, нежели войны, веденныя Сиріею съ нимъ и въ малой и верхней Азіи. Изъ нихъ войны собственно между Сиріей и Египтомъ имѣли соприкосновеніе и связь между собою только на берегахъ Средиземнаго моря, на прочихъ же театрахъ войны въ Азіи не имѣли ничего общаго между собою. Особенно большіе размѣры имѣли войны, веденныя сирійскими царями, съ значительными арміями, на обширномъ театрѣ войны, обнимавшемъ верхнюю и малую Азію и страны на восточ-

ныхъ и юговосточныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Въ отношеніи къ характеру войнъ и къ образу и искуству веденія ихъ на Востокѣ въ это время, вообще можно сказать, что наиболѣе замѣчательны и имѣли правильный характеръ войны, веденныя двумя послѣдними полководцами школы Александра В. — Птолемэемъ I египетскимъ и особенно Селевкомъ I сирійскимъ, а затѣмъ Птолемэемъ III Эвергетомъ египетскимъ и подъ конецъ Антіохомъ III сирійскимъ. Остальныя же затѣмъ, особливо войны послѣднихъ Селевкидовъ (исключая Антіоха III) и Птолемэевъ болѣе и болѣе имѣютъ характеръ, искони обычный древнему востоку вообще и послѣднимъ временамъ персидской монархіи до завоеванія ея Александромъ В. особенно. Не входя въ подробности изложенія тѣхъ и другихъ, изобразимъ только общую картину ихъ въ историческомъ порядкѣ, во взаимной связи и въ главныхъ чертахъ.

Войны, веденныя Селевкомъ I Никаторомъ (301 — 281) съ Димитріемъ Поліорцетомъ и потомъ съ Лисимахомъ въ малой и верхней Азіи были уже указаны выше (въ войнахъ Македоніи и Греціи). Но здѣсь нелишнимъ будетъ упомянуть о походѣ Селевка въ Индію, хотя онъ былъ совершенъ еще за 4 года до сраженія при Ипсѣ—въ 305 г. и имѣлъ цѣль не военную, завоевательную, но единственно торговую, для упроченія торговыхъ связей съ Индіей и развитія торговли въ сирійскомъ царствѣ. Въ этомъ походѣ, съ многочисленнымъ войскомъ, Селевкъ прошелъ всю верхнюю Азію до самой р. Ганга, заключилъ съ могущественнѣйшимъ изъ царей Индіи, Сандрокоттомъ, тѣсный союзъ, долго потомъ существовавшій, взаимно поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ частыми посольствами и возстановившій обширную и богатую торговлю Азіи съ Индіей. Въ военномъ отношеніи походъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что Селевкъ привелъ изъ Индіи въ Азію большое число слоновъ, военное употребленіе которыхъ съ этого времени распространилось еще болѣе прежняго, и не только въ Азіи, но даже и въ Македоніи и Греціи, особенно у македонскихъ царей и у Пирра, съ которымъ проникло даже въ Италію и Сицилію (см. ниже въ войнахъ римлянъ). Послѣ сраженія при Ипсѣ, Селевкъ цѣлыхъ 18 лѣтъ царствовалъ совершенно мирно и

только въ послѣдніе два года (283—282) велъ войну съ Лисимахомъ въ малой Азіи (см. выше). Между тѣмъ Птолемэй I египетскій до сраженія при Ипсѣ лишь по крайней необходимости и съ большою осторожностью вмѣшивался въ войны преемниковъ Александра В. въ Азіи, но такъ, что безопасность и выгоды Египта никогда не были нарушаемы этимъ, а угрожаемый самъ два раза нападеніемъ ихъ, умѣлъ не только искусно отразить ихъ (см. выше), но и присоединить къ своимъ владѣніямъ внѣ Африки Финикію, Іудею, Келесирію и островъ Кипръ, а въ Африкѣ Кирену или Киренаику, Ливію и, какъ кажется, часть Эѳіопіи;—послѣ сраженія же при Ипсѣ онъ до конца жизни царствовалъ совершенно мирно. Такимъ образомъ на Востокѣ, въ Азіи и Египтѣ, при Селевкѣ I и Птолемэѣ I, въ продолженіи 20-ти лѣтъ послѣ сраженія при Ипсѣ, былъ полный миръ—явленіе чрезвычайно рѣдкое и весьма замѣчательное. По смерти Селевка и Птолемэя, сыновья и преемники ихъ, перваго—Антіохъ I Сотеръ (281—262) и втораго—Птолемэй II Филадельфъ (284—246) были принуждены вести войны, Антіохъ I со многими городами малой Азіи добровольно покорившимися Селевку I, но отложившимися отъ Антіоха, и покорять ихъ обратно силою оружія, а потомъ воевать съ галлами и царемъ виѳинскимъ Никомедомъ, а Птолемэй II—въ Африкѣ, съ возставшимъ противъ него, единокровнымъ братомъ своимъ Магасомъ, правителемъ Киренаики. А эта послѣдняя война, вслѣдствіе взаимныхъ семейныхъ козней и раздоровъ и вліянія женщинъ обоихъ царскихъ семействъ, вовлекла Антіоха и Птолемэя въ войну между собою.

Въ малой Азіи, уже тотчасъ по смерти Селевка I, отъ Сиріи отложилась Виѳинія, а Антіохъ тщетно старался вновь покорить ее силою оружія (279).—Первый царь виѳинскій Никомедъ призвалъ на помощь галловъ, принялъ ихъ въ свою службу наемниками и далъ имъ земли (см. выше). Отсюда галлы производили частые и опустошительные набѣги на сирійскія владѣнія, но въ 275 г. были на голову разбиты Антіохомъ близъ горнаго хребта Тавра. Затѣмъ Антіохъ еще нѣсколько лѣтъ безуспѣшно велъ войну съ Никомедомъ, доколѣ не былъ вовлеченъ Магасомъ въ

войну съ Птолемэемъ. Возставшій противъ послѣдняго въ 266 г. Магасъ уже хотѣлъ предпринять походъ въ Египетъ, но возмущеніе въ его области Мармарикѣ воспрепятствовало ему въ томъ, и тогда онъ склонилъ тестя своего, Антіоха, съ своей стороны предпринять походъ въ Египетъ. Но Птолемэй отразилъ Антіоха, самъ вторгнулся въ Сирію и, безъ сопротивленія разоривъ приморскія области ея, воротился въ Египетъ (264). Антіохъ же продолжалъ воевать въ малой Азіи, и съ Никомедомъ, и съ галлами, и съ новымъ, отложившимся отъ Сиріи, подобно Виѳиніи, царствомъ Пергамскимъ, и наконецъ палъ въ бою съ галлами при Ефесѣ (262 г.).

При сынѣ и преемникѣ Антіоха, Антіохѣ II Ѳеосѣ (262—247), отъ Сиріи отложились еще Парѳія и Бактріяна съ Согдіяной въ восточной Азіи и образовали самостоятельныя царства. А по смерти Магаса въ 258 г., вдова его, сестра Антіоха II, Апамея, побудила послѣдняго, для поддержанія правъ ея на Киренаику, предпринять войну противъ Египта. Война эта, между Антіохомъ II и Птолемэемъ II, продолжалась 6 лѣтъ (258—252) съ перемѣннымъ успѣхомъ и безъ рѣшительныхъ результатовъ, и была заключена миромъ, къ которому Антіохъ былъ вынужденъ возстаніемъ Парѳіи, Бактріяны и Согдіяны.

При сынѣ и преемникѣ Антіоха, Селевкѣ II Каллиникѣ (246—227), опять вслѣдствіе взаимныхъ семейныхъ и женскихъ козней и раздоровъ, снова возникла война между Сиріей и Египтомъ, въ которомъ царствовалъ уже воинственный внукъ Птолемэя I, Птолемэй III Эвергетъ (246—221). Война эта продолжалась три года (246—244) и была крайне неудачна для Селевка. Птолемэй разбилъ его на морѣ и потомъ на твердой землѣ и завоевалъ всю Сирію до Евфрата и далѣе до Бактріяны, и отъ Геллеспонта всѣ берега Средиземнаго моря. Селевкъ прибѣгнулъ къ помощи младшаго брата своего, Антіоха Іеракса, намѣстника верхней Азіи. Содѣйствіе послѣдняго и произшедшее въ Египтѣ возмущеніе побудили Птолемэя заключить перемиріе (243) и возвратиться въ Египетъ, оставивъ въ завоеванныхъ имъ областяхъ Сиріи полководцевъ своихъ, Антіоха и Ксантиппа, съ многочисленнымъ вой-

скомъ. Но едва только Селевкъ освободился отъ Птолемэя, какъ былъ снова вовлеченъ въ войну съ возставшимъ братомъ своимъ Антіохомъ Іераксомъ, за обладаніе малою Азіею или, правильнѣе сказать, тою частію ея, которая еще оставалась во владѣніи Сиріи. Война эта продолжалась три года (242 — 240) съ перемѣннымъ успѣхомъ. Сначала Селевкъ былъ на голову разбитъ Антіохомъ при Анкирѣ и едва спасся. Но между Антіохомъ и его войскомъ, состоявшимъ большею частію изъ наемныхъ галловъ, произошли несогласія, которыми воспользовался пергамскій царь Евменъ и, внезапно напавъ на Антіоха, разбилъ его. Вскорѣ Селевкъ и Антіохъ, собравъ новыя войска, возобновили упорную войну между собой въ малой Азіи, но на этотъ разъ Селевкъ окончательно вытѣснилъ Антіоха изъ малой Азіи во Ѳракію, гдѣ онъ былъ взятъ и убитъ разбойниками, а Селевкъ снова покорилъ бо́льшую часть сирійскихъ владѣній въ малой Азіи (исключая Виѳиніи и Пергама) и на берегахъ Средиземнаго моря. Возстаніе Арзака, намѣстника Парѳіи, и отложеніе его отъ Сиріи принудили Селевка предпринять походъ противъ Парѳіи, но походъ этотъ былъ неудаченъ для него. Преемникъ Арзака, царь Парѳіи Тиридатъ заключилъ союзъ съ царемъ Бактріи и разбилъ Селевка (238), который былъ принужденъ признать независимость Парѳіи. Однако 2 года спустя (236) онъ предпринялъ 2-й походъ противъ Парѳіи—и снова былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и умеръ въ плѣну. Между тѣмъ Птолемэй, завоевавъ почти всю Сирію, распространилъ свои завоеванія также: 1) въ южной Африкѣ, во внутренней Эѳіопіи (нынѣ Абиссинія), покоривъ частію горный хребетъ вдоль Аравійскаго (Краснаго) моря, частію равнину Сеннааръ до нынѣшняго Дарфура и высокій горный хребетъ до верховьевъ Нила (эти завоеванія онъ совершилъ лично), и 2) на восточныхъ берегахъ Аравійскаго моря, въ Счастливой Аравіи (эти завоеванія совершили на сухомъ пути и морѣ полководцы Птолемэя); — во всѣхъ этихъ завоеваніяхъ были открыты и обезпечены надежные пути для торговли Египта.

Сынъ и преемникъ Селевка II, Селевкъ III Керавнъ (227—224) былъ убитъ во Фригіи однимъ галломъ въ то самое время, когда

хотѣлъ предпринять походъ противъ Аттала, царя пергамскаго, завладѣвшаго уже всею малою Азіею до Тавра. Однако двоюродный братъ убитаго Селевка, Ахей, упрочилъ уже поколебленную власть Селевкидовъ въ верхней Азіи и доставилъ престолъ Сиріи младшему брату своему, знаменитому Антіоху III, прозванному Великимъ (224—187). По несовершеннолѣтію его, уроженецъ Каріи, Эрмій, успѣлъ захватить опеку надъ нимъ и правленіе Сиріей, и послалъ двухъ братьевъ, Молона и Александра, намѣстниками въ Мидію и Персію, а Ахею поручилъ вести войну съ Атталомъ. Ахей отнялъ у Аттала всѣ его завоеванія въ малой Азіи (223), но три года спустя (220) Ахей въ Сардесѣ, а Молонъ и Александръ въ Мидіи и Персіи возстали противъ Антіоха. Послѣдній, по совѣту Эрмія, послалъ войско противъ Молона, но онъ разбилъ его, дошелъ до Тигра и овладѣлъ Ктезифономъ близъ Селевкіи. Антіохъ выслалъ противъ него другое войско. По приближеніи его, Молонъ притворно отступилъ, оставивъ свой станъ со всемъ, что въ немъ находилось; но какъ только сирійскія войска бросились грабить его, Молонъ быстро вернулся назадъ и, внезапно напавъ на нихъ, разбилъ и почти всѣхъ истребилъ, затѣмъ перешелъ черезъ Тигръ, взялъ Селевкію и завладѣлъ Вавилоніей и Месопотаміей (220). Тогда уже Антіохъ самъ двинулся противъ него съ большимъ войскомъ и расположился на зиму на Евфратѣ; весною же 219 г. перешелъ черезъ Тигръ и расположился станомъ при Аполлоніи, противъ Молона. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ бо́льшая часть войскъ Молона передалась Антіоху, а Молонъ самъ умертвилъ себя (219). Затѣмъ Антіохъ обратился не противъ Ахея въ малую Азію, а противъ Птолемэя IV Филопатора египетскаго (221—204), съ цѣлію отнять у него всѣ завоеванія Птолемэя III въ Сиріи, что было гораздо важнѣе. Сначала дѣйствія его были вполнѣ успѣшны: взявъ Селевкію приступомъ, онъ двинулся въ Келесирію, завоевалъ Птолемаиду и Тиръ, но наконецъ, послѣ 4-хъ мѣсячнаго перемирія и переговоровъ объ обладаніи Келесиріей, Финикіей и Іудеей, война въ 217 г. была рѣшена побѣдой Птолемэя при Рафіи, городѣ въ Сиріи, къ югозападу отъ Газы, съ большою гаванью на берегу Средиземнаго моря. Для характеристики военныхъ

дѣйствій въ полѣ и въ бою въ это время на Востокѣ, приведемъ нѣкоторыя подробности сраженія при Рафіи.

Весною 217 г. Птолемэй выступилъ изъ Александріи съ 70,000 чел. пѣхоты, 5,000 чел. конницы и 73 слонами и сначала остановился у Пелусія, дабы запастись продовольствіемъ для похода черезъ степи. — Антіохъ, узнавъ о наступленіи его, собралъ 82,000 чел. пѣхоты, 6,000 чел. конницы и 102 слона и двинулся берегомъ моря къ югу на встрѣчу Птолемэю. Послѣдній между тѣмъ двинулся отъ Пелусія къ Газѣ и обѣ арміи почти въ одно время прибыли къ Рафіи и расположились въ станахъ, въ одномъ переходѣ одна отъ другой.—Послѣ 5-ти-дневнаго отдыха и ежедневныхъ въ это время стычекъ передовыхъ легкихъ войскъ, обѣ арміи построились въ боевой порядокъ. Съ обѣихъ сторонъ фалапги и войска, вооруженныя по македонски, были поставлены въ средипѣ, одни противъ другихъ.—Въ арміи Птолемэя, на правомъ флангѣ находился Эхикратъ съ египетской конницей, а влѣво отъ него галаты, оракійцы, греческая наемная пѣхота и египетская фаланга, — на лѣвомъ же флангѣ—конница Поликрата и вправо отъ нея — другая конница, дружина царскихъ тѣлохранителей, пелтасты и африканская пѣхота; всѣмъ лѣвымъ крыломъ начальствовалъ самъ Птолемэй. 40 слоновъ были поставлены впереди лѣваго крыла, а 33 впереди праваго.—Въ арміи Антіоха, на правомъ флангѣ находились 2,000 чел. конницы подъ начальствомъ Антипатра, имѣя впереди себя 60 слоновъ, а 2,000 чел. конницы были поставлены возлѣ первой конницы, подъ угломъ къ ней впередъ (en potence); — влѣво отъ конницы были построены критяне, греческая наемная пѣхота и фаланга 5,000 македонянъ; — на лѣвомъ же флангѣ—Ѳемисонъ съ 2,000 чел. конницы и вправо отъ него лидійскіе стрѣлки, 3,000 чел. легкой пѣхоты, мидяне и аравитяне; —впереди лѣваго крыла были поставлены 42 слона. По построеніи обѣихъ армій, Птолемэй и Антіохъ ободрили войска рѣчами, обращаясь преимущественно къ фалангамъ, на которыя возлагали всѣ свои надежды.—Сраженіе было начато слонами, изъ которыхъ Птолемэевы африканскіе бѣжали отъ Антіоховыхъ индійскихъ и смяли дружину царскихъ тѣлохранителей. Въ тоже

время Антіохъ съ конницею праваго крыла своего ударилъ противъ конницы Поликрата, а греческая наемная пѣхота его—противъ пелтастовъ Птолемэя, и легко одержали верхъ, потому что бѣгство слоновъ Птолемэя уже произвело разстройство и безпорядокъ въ рядахъ его лѣваго крыла, которое и было опрокинуто и обращено въ бѣгство. Эхикратъ сначала выждалъ результата боя на лѣвомъ крылѣ, но увидя бѣгство слоновъ, приказалъ Праксиду съ греческими наемниками напасть на непріятеля съ фронта, а самъ съ конницею, обойдя слоновъ и конницу лѣваго крыла Антіоха, разбилъ ихъ совершенно. Въ тоже время Праксидъ принудилъ мидянъ и аравитянъ отступить. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ оба лѣвыя крыла были опрокинуты и фланги фалангъ были обнажены. Птолемэй, съ опрокинутымъ лѣвымъ крыломъ своимъ, укрылся за свои фаланги и двинулся съ ними противъ фалангъ Антіоха, а послѣдній, прекративъ преслѣдованіе, направилъ всѣ имѣвшіяся у него подъ рукою войска на помощь своимъ фалангамъ. Но уже было поздно: фаланги его были опрокинуты и онъ принужденъ былъ со всею арміею отступить къ Рафіи, а оттуда въ Газу, съ уропомъ до 10.000 чел. пѣхоты и болѣе 300 лошадей убитыми и ранеными, 4.000 чел. взятыми въ плѣнъ и 9 убитыхъ слоновъ. Уронъ же Птолемэя простирался до 1.500 чел. пѣхоты, 700 лошадей, 16 слоновъ убитыхъ и всѣхъ остальныхъ 57 взятыхъ непріятелемъ еще въ началѣ сраженія. Такимъ образомъ Птолемэй, разбитый сначала, окончательно одержалъ полную побѣду, а Антіохъ претерпѣлъ совершенное пораженіе и былъ принужденъ отступить въ Сирію. Слѣдствіемъ было то, что Птолемэй снова завладѣлъ Іудеей и Келесиріей, и легко могъ бы совершить и дальнѣйшія завоеванія въ Сиріи,—но, будучи совершенно неспособнымъ царемъ и полководцемъ, притомъ погруженный въ развратъ, онъ не только не продолжалъ пользоваться плодами не имъ лично одержанной и нимало имъ не заслуженной побѣды, но для того только, чтобы поскорѣе возвратиться въ свою столицу и въ ней предаться бездѣйствію и наслажденіямъ, такъ поспѣшилъ заключеніемъ мира, что лишился плодовъ своей побѣды и даже по-

жертвовалъ союзникомъ своимъ Ахеемъ, возставшимъ въ малой Азіи. Тогда Антіохъ, заключивъ союзъ съ Атталомъ пергамскимъ, обратилъ всѣ свои силы противъ Ахея, принудилъ его запереться въ замкѣ или цитадели Сардеса и осадилъ его въ немъ (216). Послѣ упорной обороны, Ахей, измѣною критянина Болиса, тайно посланнаго изъ Египта для спасенія его, былъ преданъ Антіоху и казненъ имъ (215).

Затѣмъ, возстановивъ власть свою и спокойствіе въ малой Азіи, Антіохъ со всѣми своими силами обратился въ верхнюю и восточную Азію, съ тѣмъ, чтобы и тамъ привести свои дѣла въ порядокъ, въ чемъ и успѣлъ.

Прежде всего онъ двинулся противъ внука Арзака I, царя Парѳіи, Арзака III (или Артабана I), завладѣвшаго Мидіей. Война съ нимъ продолжалась 10 лѣтъ (214—205) съ большими упорствомъ и напряженіемъ силъ, и кончилась тѣмъ, что Антіохъ взялъ обратно Мидію, вытѣснивъ изъ нея Арзака въ Гирканію, преслѣдовалъ его въ сей послѣдней и, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ нимъ, наконецъ заключилъ съ нимъ договоръ, по которому предоставилъ ему власть надъ Парѳіей и Гирканіей, но подъ верховною властію его, Антіоха, и съ условіемъ содѣйствовать ему въ войнѣ противъ Евѳидема, царя Бактріяны. Одержавъ надъ послѣднимъ полную побѣду и избѣгая продолжительной войны, Антіохъ предпочелъ и съ нимъ также заключить мирный договоръ, на такихъ-же условіяхъ, что и съ Арзакомъ, т. е. предоставленія ему власти надъ Бактріяной и Согдіяной, подъ верховною властію его, Антіоха (205). Затѣмъ онъ совершилъ походъ въ Индію, возобновилъ и упрочилъ прежніе мирные и торговые договоры съ царями и владѣтелями ея и двинулся обратно черезъ Арахозію и Дрангіяну въ Караманію, гдѣ провелъ зиму съ 205 г. на 204-й, а въ 204-мъ г. совершилъ морскую экспедицію въ персидскомъ заливѣ и чрезъ Персію, Вавилонію и Месопотамію воротился въ столицу свою Антіохію (204), вполнѣ удачно достигнувъ цѣли своихъ дальнихъ походовъ и обширныхъ предпріятій въ верхней и восточной Азіи — возстановленіемъ въ ней власти и вліянія Селевкидовъ, за исключеніемъ областей, уже совершенно отпадшихъ отъ Сиріи.

Затѣмъ онъ положилъ возвратить себѣ и всѣ завоеванныя Птолемэями области Сиріи на берегахъ Средиземнаго моря, пользуясь для этого смертію Птолемэя IV и малолѣтствомъ сына и преемника его, Птолемэя V Эпифана (204), и заключивъ съ этою цѣлію союзъ съ Филиппомъ македонскимъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему получить Келесирію, Финикію и Іудею, а Филиппу — Карію и Египетъ; — втайнѣ-же Антіохъ намѣревался, кажется, самъ завоевать Египетъ для себя. Въ 203 г. онъ устремился съ такимъ напряженіемъ силъ и энергіей противъ Финикіи и Келесиріи, что въ два похода (203—202) совершенно покорилъ ихъ. Между тѣмъ Филиппъ велъ войну въ малой Азіи съ Атталомъ пергамскимъ и съ родосцами и былъ разбитъ послѣдними при о. Хіосѣ (см. выше), а опекунъ Птолемэя V, Аристоменъ, въ виду угрожавшаго Египту союза Антіоха съ Филиппомъ, обратился къ римскому сенату съ предложеніемъ — принять на себя опеку и покровительство малолѣтняго Птолемэя V. Римскій сенатъ, уже передъ тѣмъ находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Египту, охотно согласился на предложеніе Аристомена и отправилъ къ Филиппу и Антіоху пословъ съ требованіемъ вывести свои войска изъ египетскихъ владѣній. Но какъ ни тотъ, ни другой не намѣрены были исполнить требованія римскаго сената, то египетскій полководецъ Скопасъ получилъ приказаніе вытѣснить сирійскія войска изъ Финикіи и Келесиріи, что и было имъ исполнено удачно (201—200). Это принудило Антіоха, обратившагося между тѣмъ съ войною противъ Аттала пергамскаго, заключить съ нимъ миръ и двинуться въ Финикію и Келесирію. Въ скоромъ времени онъ успѣлъ вытѣснить изъ нихъ Скопаса и обратно завоевать ихъ (199—198) и затѣмъ положилъ покорить обратно и всѣ области, нѣкогда принадлежавшія Селевку I въ малой Азіи. Но это вовлекло его въ непріязненныя отношенія къ римскому сенату и наконецъ въ войну съ Римомъ, которая и будетъ изложена въ своемъ мѣстѣ ниже.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

КАРѲАГЕНЯНЕ.

I. Военное устройство и военное искуство. — § 119. До конца 1-й пунической войны (241 г.) — § 120. Послѣ 1-й пунической войны. II. Войны до 264 г — § 121 Война съ Агаѳокломъ въ Сициліи и Африкѣ (311—306) — § 122. Война съ Пирромъ въ Сициліи (278—276).

Источники: Діодоръ, Діонисій, Полибій, Титъ Ливій, Аппіанъ, Іустинъ и новѣйшіе писатели и изданія, указанные Ч. I въ Гл. XVI, и сверхъ того Беккеръ и Беттихеръ (*).

I.

Военное устройство и военное искуство.

§ 119.

До конца 1-й пунической войны (241 г.).

Въ продолженіи $2^1/_2$ вѣковъ наибольшаго развитія государственнаго устройства и могущества карѳагенской республики, во время войнъ ея въ Сициліи съ сицилійскими греками и потомъ съ римлянами въ 1-й пунической войнѣ (480 г. — 241 г.), военное устройство ея оставалось въ томъ же состояніи, которое было

(*) Dr. Becker: Vorarbeiten zu einer Geschichte des zweiten punischen Krieges, 1810, и Dr. Böttticher: Geschichte der Karthager, nach den Quellen, Berlin, 1827 — новѣйшее и лучшее изслѣдованіе исторіи Карѳагена. Эти два сочиненія пропущены въ указаніи новѣйшихъ историческихъ пособій къ изученію военной исторіи древнихъ временъ (Ч. 1, Введеніе).

изображено выше (Ч. I глава XXI § 101). Къ этому слѣдуетъ только прибавить нѣкоторыя особенности, относящіяся къ настоящему періоду (323 г. — 241 г.)

И въ эти 82 года, какъ и прежде, карѳагенская республика была морскимъ торговымъ государствомъ, которое для распространенія своей торговли и своихъ владѣній внѣ Африки, на берегахъ и островахъ западной части Средиземнаго моря, для содержанія своихъ поселеній въ постоянной зависимости и обезпеченія ихъ отъ покушеній внѣшнихъ враговъ, прежде и болѣе всего имѣла необходимость въ господствѣ на этой части моря посредствомъ сильнаго флота и затѣмъ уже въ сухопутномъ войскѣ, какъ для перевоза его на флотѣ, такъ и для обезпеченія собственныхъ своихъ владѣній въ Африкѣ. Поэтому и теперь, какъ прежде и даже — во время послѣднихъ войнъ въ Сициліи — еще болѣе, нежели прежде, военно-морскія силы Карѳагена были главными и занимали первенствующее мѣсто, военно-сухопутныя же — лишь второстепенное.

Господство на морѣ, хотя и ограниченное, и первенство флота требовали и стоили однако огромнаго напряженія силъ и средствъ, потому что въ настоящее время Карѳагену уже нужно было воевать съ такими сильными противниками, какъ сиракузяне и прочіе греки въ Сициліи и потомъ особенно—римляне. Этому соперничеству съ ними Карѳагенъ и былъ обязанъ необыкновеннымъ развитіемъ своего могущества на морѣ, но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ понятіе о тѣхъ громадныхъ способахъ, которые онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, для поддержанія этого могущества на одинаковой степени, не взирая на частыя и много стоившія ему побѣды и успѣхи и еще чаще пораженія и неудачи. Поэтому-то о морскихъ силахъ Карѳагена у древнихъ историковъ и писателей (Діодора, Полибія, Аппіана и Аристотеля) встрѣчается гораздо болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, нежели о военно-сухопутныхъ. Свѣдѣнія эти даютъ понятіе о морскихъ портахъ Карѳагена, изъ которыхъ самый громадный и великолѣпный находился въ самомъ городѣ Карѳагенѣ, затѣмъ въ Иппонѣ и др. приморскихъ городахъ, — о морскихъ учрежденіяхъ и складахъ, о судахъ и флотахъ, о строе-

ніи, составѣ, устройствѣ, начальствованіи и дѣйствіяхъ ихъ и пр. Собственно военно-морскими или длинными судами до пуническихъ войнъ обыкновенно были, кажется, триремы (т. е. въ 3 ряда веселъ), въ построеніи которыхъ карѳагеняне приняли за образцы, вѣроятно, триремы италійскихъ и особенно сицилійскихъ грековъ. Но обычай строить еще бо̀льшія военно-морскія суда (въ 4,5,6 и даже 7 рядовъ веселъ), весьма распространившійся по смерти Александра В. и особенно со времени Димитрія Поліорцета, не остался чуждымъ и карѳагенянамъ. Уже въ 1-й пунической войнѣ во флотахъ ихъ были квинкверемы (въ 5 рядовъ веселъ), а въ войнѣ съ Пирромъ они взяли у него даже одну септирему (въ 7 рядовъ веселъ)! Увеличеніе числа рядовъ веселъ имѣло цѣлію наибольшую быстроту хода и движеній судовъ, и въ этой быстротѣ карѳагеняне превосходили всѣ другія морскія государства того времени. Обыкновенное число военно-морскихъ судовъ ихъ опредѣлялось вмѣстимостью ихъ морскихъ портовъ и въ сицилійскихъ войнахъ простиралось отъ 150 до 250, а въ 1-й пунической даже отъ 200 до 350. Такъ въ большой морской битвѣ, которою Регулъ въ 257 г. проложилъ себѣ съ римскимъ флотомъ путь въ Африку, 350 карѳагенскихъ галеръ, съ 150.000 чел. гребцовъ и войскъ на нихъ, сражались противъ 330 римскихъ галеръ, на которыхъ было 140,000 гребцовъ и войскъ, слѣдовательно — всего съ обѣихъ сторонъ было 680 галеръ и на нихъ 290,000 гребцовъ и воиновъ! — число, которому въ наше время даже трудно повѣрить, какъ ни достойно впрочемъ вѣры свидѣтельство о томъ такого историка, какъ Полибій. Не менѣе неимовѣрно и описаніе имъ этой громадной битвы: флотъ Регула, построенный клиномъ, прорѣзалъ карѳагенскій, построенный дугою съ цѣлію охватить римскій — и 50 карѳагенскихъ галеръ были потоплены со всѣми находившимися на нихъ людьми, 64 были взяты римлянами въ плѣнъ, а людей погибло всего болѣе 30,000! Расчетъ людей, бывшихъ на галерахъ, основывается на томъ, что на каждой галерѣ у карѳагенянъ было около $^2/_3$ гребцовъ и около $^1/_3$ воиновъ (на квинкверемахъ, напримѣръ, 300 гребцовъ и 120 воиновъ). Гребцами были рабы, которыхъ правительство покупало

для этого цѣлыми массами и вѣроятно содержало въ полномъ или половинномъ составѣ и въ мирное время. Такъ, по свидѣтельству Аппіана, Аздрубалъ, во 2-й пунической войнѣ, въ одинъ день купилъ въ гребцы 5.000 рабовъ! — Флоты имѣли своихъ собственныхъ предводителей, подчиненныхъ: въ совокупныхъ дѣйствіяхъ съ арміями—предводителямъ послѣднихъ, а въ отдѣльныхъ отъ нихъ — непосредственно сенату.

Военно-сухопутныя силы Карѳагена, по свидѣтельству Полибія, никогда не имѣли такихъ значенія и важности, какъ морскія, и не стояли въ уровнѣ съ ними. Тѣмъ не менѣе частыя, почти безпрерывныя войны Карѳагена и необходимость распространенія и обезпеченія своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ владѣній побуждали его собирать и содержать также и многочисленныя сухопутныя арміи, составляя ихъ преимущественно изъ наемниковъ всѣхъ возможныхъ племенъ западной Европы и Африки и лишь въ наименьшей мѣрѣ изъ собственныхъ африканскихъ подданныхъ — ливіо-финикіянъ и особенно — гражданъ самаго Карѳагена. Такъ, по свидѣтельству Полибія, въ 70-ти тысячной карѳагенской арміи было всего только 2,500 гражданъ Карѳагена, и то еще изъ числа знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ, служившихъ исключительно въ тяжело-и богато-вооруженной конницѣ, служба въ которой была столько же дорога, сколько почетна (между прочимъ наружными знаками отличія — перстнями по числу совершенныхъ походовъ и которые составляли, какъ у римлянъ, исключительное преимущество знатнѣйшихъ всадниковъ). Въ случаяхъ особенной важности или необходимости, и прочіе граждане Карѳагена также были обязаны вооружаться, и тогда Карѳагенъ выставлялъ до 40,000 чел. пѣхоты и до 1,000 чел. конницы. Часть ихъ составляла тяжело-и богато-вооруженную пѣшую священную дружину, служившую, кажется, стражей тѣлохранителей предводителямъ армій.

Вооруженіе, строй и образъ движеній и дѣйствій въ бою собственно карѳагенскихъ войскъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, были, кажется, уже съ начала сицилійскихъ войнъ во всемъ или во многомъ сходны съ бывшими въ употребленіи у италійскихъ и

сицилійскихъ грековъ, а со временъ войны съ Пирромъ въ Сициліи и особенно лакедемонянина Ксантиппа, начальника греческихъ наемниковъ въ карѳагенской арміи во время 1-й пунической войны (съ 258 или 257 г.)—съ греко-македонскими. Только Аннибалъ, во 2-й пунической войнѣ, послѣ сраженій при Тразименскомъ озерѣ и особенно при Каннахъ, временно ввелъ въ свою армію въ Италіи — римскія. Что касается иноплеменныхъ наемниковъ въ составѣ карѳагенскихъ армій, то, какъ уже было сказано выше (ч. I гл. XVI § 102). они сохраняли свои собственныя: вооруженіе и образъ дѣйствій въ бою. Въ главѣ ихъ, со временъ Ксантиппа, стояли, и притомъ несравненно выше, греческія наемныя войска, особенно пѣхота. Изъ прочихъ, испанскія, составлявшія тяжелую пѣхоту, отличались лучшею дисциплиною. галльскія (неизвѣстно—откуда, но вѣроятно изъ южной, приморской Галліи) — необычайною храбростью. но вмѣстѣ съ тѣмъ дикостью, грубостью и даже звѣрствомъ, а нумидійская легкая конница — быстротою, сносливостью и отличными дѣйствіями въ полѣ и въ бою, но вмѣстѣ и неустройствомъ и страстью къ грабежу. Въ числѣ наемниковъ, въ составѣ карѳагенскихъ армій, въ это время были также жители Италіи, какъ-то: Лигуріи, Кампаніи и острововъ Сардиніи, Корсики, Балеарскихъ и др. — Кромѣ пѣхоты и конницы, карѳагеняне, до войны съ Пирромъ въ Сициліи, употребляли въ своихъ арміяхъ военныя колесницы, но въ войнѣ съ Пирромъ научились у него употребленію на войнѣ и въ бою вооруженныхъ слоновъ и ввели у себя этотъ обычай тѣмъ скорѣе и легче, что въ Африкѣ было много слоновъ. Въ послѣдствіи съ этою цѣлію у нихъ даже производились большія охоты на слоновъ, на которыя были посылаемы даже лучшіе полководцы, какъ напримѣръ Аздрубалъ, сынъ Гискона, и въ карѳагенскихъ арміяхъ позже всегда было много слоновъ. Перевозу-же слоновъ моремъ на флотѣ они научились, кажется, только во время 1-й пунической войны, а можетъ быть уже и во время войны съ Пирромъ въ Сициліи.

Числительная сила армій ихъ всегда была болѣе или менѣе значительна, хотя не до такой степени, какъ преувеличенно, ка-

жется, показываютъ древніе историки. Даже по умѣреннымъ показаніямъ Тимея, сила ихъ была гораздо значительнѣе въ сицилійскихъ войнахъ, нежели въ пуническихъ, особенно во 2-й. За всѣмъ тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что набрать и содержать 100-тысячную армію, составленную преимущественно изъ наемниковъ, Карѳагену, при его огромныхъ средствахъ, не стоило большаго труда. Но значительная числительная сила его армій ничего или очень мало значила въ государственномъ отношеніи, при явныхъ недостаткахъ и невыгодахъ состава ихъ изъ наемниковъ, какъ уже было объяснено выше. Какъ бы сильны ни были онѣ числомъ войскъ, но надежной силы въ государственномъ отношеніи онѣ не составляли, ни извнѣ—противъ такихъ противниковъ, какъ сицилійскіе греки и особенно римляне, ни внутри—для обезпеченія внутренней безопасности.

Таково вообще было состояніе военнаго устройства и военнаго искуства у карѳагенянъ до конца 1-й пунической войны (241 г.).

§ 120.

Послѣ 1-й пунической войны.

Съ этого времени военное устройство Карѳагена начинаетъ постепенно, но быстро клониться къ упадку, а военное искуство обязано блескомъ своимъ только высокимъ личнымъ военнымъ дарованіямъ Амилькара Барки, зятя его Аздрубала и сыновей: Аздрубала, Магона и особенно Аннибала.

Причинъ упадка военнаго устройства было нѣсколько, одновременно соединившихся. И во 1-хъ въ карѳагенской республикѣ, какъ вообще и на Востокѣ, и въ Греціи, и въ Македоніи, упадокъ военнаго устройства былъ тѣсно связанъ съ упадкомъ всего государственнаго устройства, и въ политическомъ, и въ гражданскомъ и особенно въ нравственномъ отношеніяхъ. Уже задолго до окончанія 1-й пунической войны государственное устройство Карѳагена было поколеблено и искажено многими, вкравшимися въ

него и пустившими глубокіе корни злоупотребленіями, изъ которыхъ главными были, по показанію Аристотеля, продажность высшихъ должностей и званій и обычай облекать нѣсколькими изъ нихъ одно и тоже лицо. Они росли втайнѣ и обнаружились особенно послѣ 1-й и во время 2-й пуническихъ войнъ. Послѣдствія ихъ были пагубны и въ какое время?— въ самое критическое для Карѳагена — грознаго столкновенія его съ воинственнымъ Римомъ! Во 2-хъ возникновеніе двухъ могущественныхъ и крайне-враждебныхъ одна другой, политическихъ партій, аристократической и демократической, въ главѣ которыхъ были: первой—знаменитый Амилькаръ Барка, а второй—не менѣе знаменитый Ганнонъ. Эти двѣ партіи раздѣляли всю карѳагенскую республику и особенно ея правительство на двое—и естественнымъ слѣдствіемъ того были: непримиримый духъ партій и жестокіе внутренніе раздоры и смуты. Но партія, такъ называемая Барцинская, была до конца 2-й пунической войны такъ сильна, что, не смотря на противодѣйствіе (оппозицію) Ганноновой, умѣла, по вліянію Амилькара Барки и преемниковъ его рода, проводить всѣ свои государственныя предпріятія — подавленіе мятежа наемниковъ, завоеваніе Испаніи и походъ изъ нея въ Италію противъ римлянъ. А примѣръ Востока, Греціи и Македоніи достаточно доказываетъ, что въ древнія времена вообще начало внутреннихъ раздоровъ, смутъ и междуусобій всегда было концомъ государственнаго и военнаго благоустройства и началомъ его неустройства и упадка. Въ 3-хъ планъ завоеванія Испаніи, въ вознагражденіе за утраченныя Сицилію и Сардинію, задуманный Амилькаромъ Баркой и исполненный имъ, зятемъ его Аздрубаломъ и сыновьями: Аннибаломъ, Аздрубаломъ и Магономъ, былъ столько-же вреденъ для Карѳагена въ отношеніи къ внутренней его политикѣ, сколько блистательно великъ и замѣчателенъ въ отношеніи къ внѣшней противъ Рима. Испанія, населенная народомъ мужественнымъ и воинственнымъ, но особенно славившаяся своими богатствами (особенно серебряными рудниками), едва-ли даже не болѣе древняго золотаго дна — Индіи, представляла Амилькару превосходное средство составить себѣ имя

и славу завоеваніемъ ея, образовать въ ней отличную, боевую, вполнѣ преданную ему армію, пріобрѣсть огромныя денежныя средства и, вслѣдствіе того, имѣть первенствующее вліяніе въ правительствѣ Карѳагена и исполнить замыслы свои противъ Рима, внушаемые глубокою ненавистью къ нему. И онъ достигъ всего этого, хотя, по случаю преждевременной смерти своей, и не вполнѣ; — зять его Аздрубалъ продолжалъ начатое имъ, но тоже не довершилъ, павъ отъ руки убійцы; привелъ-же въ исполненіе знаменитый сынъ Амилькара—Аннибалъ. Но золотая рѣка, которая полилась съ тѣхъ поръ изъ Испаніи въ Карѳагенъ, погубила все, усиливъ продажность и всеобщее развращеніе нравовъ, пагубно отразившіяся на государственномъ и военномъ устройствѣ Карѳагена. Внутреннія раздоры и смуты усилились и произвели всеобщее неустройство, имѣвшее чрезвычайное вліяніе на 2-ю пуническую войну и несчастный исходъ ея для Карѳагена, а послѣ нея окончательно въ 3-й пунической войнѣ — на совершенное паденіе Карѳагена.

Всѣ эти главныя и многія другія второстепенныя, но тѣсно связанныя съ ними причины имѣли слѣдствіемъ то, что военное устройство карѳагенской республики послѣ 1-й пунической войны, хотя и сохраняло тѣ же главныя основанія и внѣшнія формы, что и прежде, но уже чрезвычайно измѣнилось во многомъ. Флоту, въ которомъ прежде заключалась главная сила, мирнымъ договоромъ, прекратившимъ 1-ю пуническую войну, былъ нанесенъ жестокій ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ вполнѣ оправиться и, не смотря на все напряженіе усилій карѳагенскаго правительства возстановить его, падалъ все болѣе и ниже, до того, что когда Сципіонъ африканскій отправился моремъ на флотѣ въ Африку, то Карѳагенъ даже не былъ въ состояніи выслать противъ него собственнаго флота! А по мирному договору, прекратившему 2-ю пуническую войну, Карѳагенъ даже былъ совершенно лишенъ флота.

Но за то, со времени завоеванія Испаніи, первенство стало быстро переходить на сторону сухопутныхъ военныхъ силъ Карѳагена, и главнымъ средоточіемъ ихъ сдѣлалась — Испанія. А главнымъ виновникомъ этого былъ Амилькаръ, которому нельзя не от-

дать въ этомъ отношеніи полной справедливости, какія бы ни были побужденія его въ отношеніи къ внутренней политикѣ. Мысль его — въ Испаніи создать себѣ твердое и прочное основаніе дѣйствій для рѣшительной — на жизнь или смерть — войны съ ненавистнымъ Римомъ въ самой Италіи, образовать для этого закаленное въ бояхъ, вполнѣ преданное ему, Амилькару, роду и партіи его, войско и приготовить все, необходимое для надежнаго и вѣрнаго веденія войны — заслуживаетъ величайшей похвалы и достаточно свидѣтельствуетъ о высокихъ дарованіяхъ Амилькара. Уже самое первое движеніе его изъ предѣловъ карѳагенскихъ въ Испанію обнаружило вѣрную и замѣчательную мысль его — впервые обойтись для этого безъ флота, за исключеміемъ только переправы на перевозныхъ судахъ чрезъ узкій проливъ Геркулесовыхъ столбовъ (нынѣ Гибралтарскій.) Успѣшно подавивъ мятежъ карѳагенскихъ наемниковъ и частію добычей, частію золотомъ заручившись преданностью ему войска, онъ повелъ его сухимъ путемъ чрезъ Африку къ проливу и, переправясь черезъ него въ Гадесъ (нынѣ Кадисъ), въ 9 лѣтъ времени, частію оружіемъ, частію искусными переговорами, покорилъ значительную часть Испаніи (236 — 227.) — Зять его Аздрубалъ въ 6 лѣтъ (227—221) болѣе переговорами, нежели оружіемъ, покорилъ еще бо́льшую часть Испаніи и дотого привлекъ къ себѣ испанскія племена, что, если вѣрить Діодору, они добровольно избрали его своимъ вождемъ. При немъ вся южная Испанія (нынѣшнія Андалузія, Мурсія и Гренада) покорились Карѳагену и средоточіемъ силъ и власти карѳагенянъ въ ней былъ построенный Аздрубаломъ на берегу моря городъ Новый Карѳагенъ (нынѣ Картахена въ Мурсіи). По смерти Аздрубала въ 221 г., Аннибалъ, продолжая начатое Амилькаромъ и Аздрубаломъ, распространилъ еще болѣе владѣнія Карѳагена въ Испаніи до р. Эбро, покоривъ въ 3 года (221 — 219) нынѣшнія Кастилію и Валенсію, изъ которыхъ въ послѣдней находился, на лѣвой сторонѣ р. Эбро, большой приморскій городъ Сагунтъ (нынѣ Мурвіедро), союзный съ римлянами, осада, взятіе и разрушеніе котораго и послужили поводомъ къ 2-й пунической войнѣ Такимъ образомъ три даровитые и ис-

кусные полководца Карѳагена, Амилькаръ, Аздрубалъ и Аннибалъ, одинъ послѣ другаго, въ 18 лѣтъ легко покорили полъ-Испаніи до р. Эбро, прочно утвердились въ ней, образовали изъ нея превосходное основаніе для будущихъ войнъ противъ Рима, а въ ней — отличное боевое войско, главною силою котораго составляли воинственные и храбрые испанцы, кромѣ которыхъ арміи этихъ трехъ полководцевъ имѣли въ своемъ составѣ, по прежнему, и карѳагенскихъ гражданъ, и африканцевъ или ливіо-финикіянъ, и наемниковъ изъ галловъ и другихъ племенъ, и нумидійскую легкую конницу. Но при томъ же составѣ, что и прежде, арміи ихъ рѣзко отличались отъ всѣхъ прежнихъ карѳагенскихъ тѣмъ, что были прочно сплочены дисциплиной и отличными: внутреннимъ устройствомъ и управленіемъ, духомъ и порядкомъ военными. Словомъ—такихъ сухопутныхъ армій Карѳагенъ не имѣлъ еще никогда дотолѣ и, при упадкѣ флота, весьма естественно, что могущество Карѳагена въ пространствѣ отъ конца 1-й до конца 2-й пуническихъ войнъ перешло съ моря на твердую землю и отъ флота къ арміи въ Испаніи, но не въ Африкѣ, гдѣ военное устройство государства падало все ниже и ниже. Дальнѣйшія подробности касательно тактическаго и внутренняго устройства арміи Аннибала въ началѣ и въ продолженіи 2-й пунической войны будутъ изложены ниже въ описаніи ея. Здѣсь же слѣдуетъ только прибавить, что военное искуство вообще въ цѣломъ этомъ періодѣ (323 — 146), до разрушенія Карѳагена, проявляется въ высшей степени и истинномъ блескѣ только въ дѣйствіяхъ Амилькара, Аздрубала, особенно Аннибала, братьевъ его, Аздрубала и Магона, а также отчасти и временно Ксантиппа, а за исключеніемъ ихъ дѣйствій, стояло на весьма низкой степени и послѣ 2-й пунической войны пало совершенно.

II.

Войны до 264 года.

§ 121.

Война съ Агаѳокломъ въ Сициліи и Африкѣ (311—306).

Миръ, заключенный въ 338 г. между Карѳагеномъ и Сиракузами (Ч. I Гл. XVI § 103 стр. 445), продолжался 27 лѣтъ до 311 г., когда между ними снова возникла война по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Въ Сиракузахъ, по смерти Тимолеона въ 337 г., снова начались внутренніе раздоры между аристократическою и демократическою партіями, вслѣдствіе неравенства распредѣленія имуществъ между ними. Партія демократовъ одержала верхъ, какъ только въ главѣ ея сталъ Агаѳоклъ, человѣкъ низкаго происхожденія, чрезвычайно честолюбивый, жестокій и порочный, но весьма богатый и съ большими дарованіями и энергіей. Вооруженныя силы Сиракузъ, состоявшія большею частію изъ наемниковъ, тотчасъ же впали въ полную зависимость отъ Агаѳокла, и послѣ долгой и упорной борьбы съ партіей аристократовъ, онъ одолѣлъ ее и въ 316 г., вмѣстѣ съ главнымъ начальствованіемъ надъ войскомъ получивъ и верховную власть въ Сиракузахъ, утвердился въ ней частію истребленіемъ и частію изгнаніемъ аристократовъ изъ этого и всѣхъ зависѣвшихъ отъ него городовъ, которые держалъ въ повиновеніи посредствомъ своихъ военачальниковъ. Въ Сиракузахъ же онъ содержалъ 13,000 чел. постоянныхъ войскъ (10,000 чел. пѣхоты и 3,000 чел. конницы). Изгнанные имъ аристократы обратились съ просьбою о помощи къ Карѳагену, сенатъ котораго охотно согласился на это, потому что уже съ завистью и безпокойствомъ смотрѣлъ на возраставшее могущество Агаѳокла въ Сициліи.

Вслѣдствіе того, въ 311 г. 60 карѳагенскихъ галеръ съ вой-

скомъ были посланы къ берегамъ Сициліи. Свѣдавъ это, Агаѳоклъ немедленно приказалъ разграбить и разорить владѣнія карѳагенянъ въ Сициліи. Но первое предпріятіе карѳагенянъ противъ Агаѳокла имѣло очень жалкій для нихъ конецъ. Приставъ къ берегамъ Сициліи, они тотчасъ послали 5,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы, подъ предводительствомъ изгнанныхъ изъ Сиракузъ аристократовъ Нимфодора и Динократа, прямо къ этому городу, для овладѣнія имъ посредствомъ внезапнаго ночнаго нападенія. Но оно было отражено, Нимфодоръ и всѣ проникшіе съ нимъ въ Сиракузы были убиты, а флотъ карѳагенскій былъ потопленъ бурей, при чемъ погибло множество гражданъ Карѳагена.

Но это не поколебало карѳагенянъ и они вскорѣ послали другое, гораздо сильнѣйшее войско, числомъ до 40,000 чел., на 130 галерахъ, подъ предводительствомъ Амилькара, сына Гискона. Агаѳоклъ, видя на сторонѣ карѳагенянъ значительное превосходство силъ, положилъ отвлечь ихъ отъ Сиракузъ къ городу Гелѣ, сдѣлать изъ него, такъ сказать, преграду Сиракузамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себя со стороны Гелы, жителямъ котораго не довѣрялъ. Но вступивъ въ него, онъ умертвилъ въ немъ всѣхъ богатыхъ гражданъ для того, чтобы имуществами ихъ удовлетворить своихъ наемниковъ, и этою жестокостью крайне раздражилъ и возстановилъ противъ себя всѣ зависѣвшіе отъ него города. Изъ Гелы онъ двинулся противъ карѳагенской арміи, расположившейся станомъ на горѣ Экномѣ, и самъ расположился противъ нея также станомъ, отдѣленный отъ нея только небольшою рѣчкой. Здѣсь вскорѣ произошло сраженіе, сначала удачное, но подъ конецъ очень неудачное для Агаѳокла: понеся уронъ свыше 7,000 чел. войскъ, онъ принужденъ былъ отступить въ Гелу и оттуда въ Сиракузы. Необыкновенныя: жестокость Агаѳокла въ Гелѣ и, напротивъ, кротость обхожденія Амилькара съ плѣнными, были причиной, что зависѣвшіе отъ перваго города: Камарина, Леонтины, Катана, Тавромепій, Мессана и Абакены немедленно отложились отъ него и вступили въ союзъ съ Амилькаромъ, чѣмъ силы его были значительно увеличены (311 г.).

Въ слѣдующемъ 310 г. Амилькаръ двинулся къ Сиракузамъ,

обложилъ въ нихъ Агаѳокла съ сухаго пути и моря и осадилъ Сиракузы. Агаѳоклъ, видя несоразмѣрность силъ своихъ противъ силъ Амилькара, составилъ смѣлый, но отчаянный планъ—перенести войну въ Африку, гдѣ ея вовсе не ожидали, и возмутить противъ Карѳагена недовольныхъ имъ африканцевъ! Чтобы достать денегъ на это предпріятіе и обезпечить въ своемъ отсутствіи покорность Сиракузъ, онъ снова прибѣгнулъ къ крайне насильственнымъ и жестокимъ мѣрамъ: бо́льшую часть гражданъ Сиракузъ онъ взялъ заложниками въ вѣрности остававшихся въ городѣ и включилъ ихъ въ число своихъ войскъ. конфисковалъ деньги, собранныя для сиротъ, насильно бралъ у купцовъ взаймы большія суммы денегъ, совершенно разграбилъ храмы и наконецъ, чтобъ узнать, у кого еще имѣются деньги, объявилъ, что всякій, кого устрашали труды, лишенія и опасности осады, могъ выйти изъ города—и всѣхъ изъявившихъ желаніе воспользоваться этимъ позволеніемъ объявилъ измѣнникамн, казнилъ, завладѣлъ ихъ имуществами, а рабовъ ихъ взялъ въ войско! На награбленныя такимъ образомъ деньги онъ снарядилъ 60 галеръ и, оставивъ въ Сиракузахъ брата своего Антандра съ частію войскъ, самъ со всѣми остальными и съ 2-мя сыновьями своими, Аркагаѳомъ и Гераклидомъ сѣлъ на галеры и, воспользовавшись той минутой, когда карѳагенскій флотъ случайно открылъ выходъ изъ гавани, вышелъ въ море и направился къ берегамъ Африки. Карѳагенскій флотъ бросился преслѣдовать его, но успѣлъ нагнать его только тогда, когда онъ уже высадился на африканскій берегъ. Дабы лишить свои войска всякаго другаго спасенія, кромѣ побѣды или смерти въ бою, и вѣроятно также дабы флотъ его не достался настигшему его карѳагенскому флоту, онъ самъ немедленно сжегъ его. А затѣмъ, дабы не оставить войскамъ своимъ ни малѣйшаго времени прійти въ себя и одуматься, онъ немедленно повелъ ихъ во внутренность страны. Здѣсь онъ не встрѣтилъ нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія, потому что карѳагеняне никакъ не ожидали вторженія непріятеля съ моря. Такимъ образомъ онъ легко и скоро овладѣлъ богатымъ городомъ Тунесомъ (нынѣ Тунисъ), нѣсколькими другими и почти всѣмъ морскимъ берегомъ, и вскорѣ

стѣснилъ карѳагенянъ со всѣхъ сторонъ въ собственной ихъ области, всюду грабя и опустошая край огнемъ и мечомъ.

Въ Карѳагенѣ распространился такой ужасъ, что сенатъ хотѣлъ уже отправить къ Агаѳоклу пословъ съ мирными предложеніями, полагая, что флотъ и войско Амилькара погибли въ Сициліи. Но узнавъ истину, онъ немедленно вооружилъ гражданъ Карѳагена и окрестныхъ жителей, въ числѣ 40,000 человѣкъ пѣхоты, 1,000 чел. конницы и 2,000 военныхъ колесницъ, и двинулъ ихъ подъ предводительствомъ Ганнона и Бомилькара противъ Агаѳокла. Въ виду самаго Карѳагена произошло сраженіе, въ которомъ Агаѳоклъ, имѣя только 14,000 чел. войскъ, но хорошо устроенныхъ по гречески, на голову разбилъ 41,000 чел. карѳагенскихъ войскъ, наскоро собранныхъ и неустроенныхъ, съ огромнымъ для нихъ урономъ. Слѣдствіемъ его побѣды было то, что болѣе 200 карѳагенскихъ городовъ и крѣпостей отложились отъ Карѳагена и присоединились къ Агаѳоклу, силы котораго возрасли отъ этого чрезвычайно. Карѳагенъ былъ въ такой опасности, что Амилькару немедленно было послано приказаніе какъ можно скорѣе поспѣшить съ войскомъ и флотомъ изъ Сициліи на помощь Карѳагену. Но уже было поздно: Амилькаръ тщетно усиливался принудить Сиракузы осадою къ сдачѣ; сиракузяне не сдавались, а оборонялись упорно и въ одной вылазкѣ привели все войско Амилькара въ разстройство и его самого взяли въ плѣнъ, казнили и отрубленную голову его послали Агаѳоклу, а онъ велѣлъ бросить ее въ карѳагенскій станъ и распустить слухъ, что все Амилькарово войско было разбито, хотя преемникъ Амилькара, агригентянинъ Ксенодикъ не снялъ осаду, а продолжалъ ее (309), но вскорѣ затѣмъ былъ принужденъ удалиться.

Такимъ образомъ отчаянное предпріятіе Агаѳокла имѣло, противъ всякаго ожиданія, такой успѣхъ, который спасъ Сиракузы, а беззащитный и слабый внутри Карѳагенъ поставилъ на край погибели и заставилъ трепетать за свое существованіе! Но въ это самое время одинъ особенный случай въ арміи Агаѳокла едва не обратился ему на пагубу, а Карѳагену на спасеніе. Архагаѳъ въ пылу гнѣва убилъ одного изъ главныхъ военачальниковъ, Ли-

циска, который въ нетрезвомъ видѣ оскорбилъ его словами. Войска, чрезвычайно преданныя убитому, потребовали казни его убійцы и, когда Агаѳоклъ отказалъ въ томъ, избрали себѣ другаго предводителя и уже готовы были отложиться отъ Агаѳокла. Но послѣдній въ сильной и убѣдительной рѣчи угрозилъ имъ сложить съ себя начальствованіе, представилъ имъ всю опасность ихъ положенія, снова склонилъ ихъ на свою сторону и тѣмъ успѣлъ подавить грозившее ему возстаніе ихъ. Пользуясь этимъ, онъ оставилъ Архагаѳа съ частію войскъ въ Тунесѣ, а самъ съ 8,000 чел. пѣхоты и 800 чел. конницы немедленно двинулся противъ карѳагенской арміи, напалъ на нее и разбилъ (308). Но какъ войско его уже потерпѣло большую потерю въ устроенныхъ по гречески наемникахъ, то для пополненія ими онъ употребилъ слѣдующее, коварное и безчестное средство: сына своего Гераклида послалъ къ Офелу, полководцу Птолемэя египетскаго и намѣстнику его въ области Киренѣ, возставшему противъ него и объявившему себя независимымъ царемъ. Агаѳоклъ велѣлъ Гераклиду объявить Офелу, что если онъ присоединится къ нему, то получитъ въ свое владѣніе весь карѳагенскій берегъ моря въ Африкѣ, потому что онъ самъ не ищетъ завоеваній въ ней, а только обезпеченія безопасности Сициліи со стороны Карѳагена. Честолюбивый Офелъ, прельстясь этимъ обѣщаніемъ, двинулся съ 20,000 чел. войскъ на соединеніе съ Агаѳокломъ. Но послѣ 2-хъ мѣсячнаго, труднаго похода чрезъ степи, едва успѣлъ онъ прибыть въ станъ Агаѳокла, какъ послѣдній самъ подалъ поводъ къ ссорѣ съ нимъ и приказалъ убить его, а войско его принялъ въ свою службу на жалованье! А въ 307 г., узнавъ, что полководцы Александра В. приняли званіе царей, онъ послѣдовалъ ихъ примѣру и провозгласилъ себя царемъ Сициліи. Между тѣмъ городъ Утика возсталъ противъ своего тиранна, принявшаго также званіе царя. Агаѳоклъ немедленно осадилъ его и вскорѣ взялъ оный и замокъ его приступомъ, разграбилъ и разорилъ.

Но въ это самое время, когда Агаѳоклъ уже достигъ высшей степени могущества въ Африкѣ, онъ задумалъ воротиться изъ нея въ Сицилію, чтобы лично привесть дѣла ея въ порядокъ (а въ

самомъ дѣлѣ вѣроятно для того, чтобы быть ея царемъ). Передавъ начальствованіе надъ войскомъ въ Африкѣ Аркагаѳу, онъ отправился въ Сицилію и, прибывъ туда, узналъ, что военачальники его, Лептинъ и Демофилъ, одержали побѣду надъ Ксенодикомъ. Пользуясь этимъ, онъ снова покорилъ Гераклею, Ѳермы, Кефаллэдій и Аполлонію, освобожденные Ксенодикомъ. Но вскорѣ онъ узналъ, что, по удаленіи его изъ Африки, карѳагеняне два раза разбили Аркагаѳа, нанесли ему большой уронъ и съ остатками его войска тѣсно обложили его въ станѣ. Тогда онъ рѣшился снова отправиться въ Африку, не смотря на то, что недовольные имъ сицилійцы собрали многочисленное войско подъ предводительствомъ Динократа и угрожали Сиракузамъ. Оставивъ для защиты Сиракузъ Лептина съ частію войскъ, самъ онъ съ 17-ю галерами отправился въ Африку и, прибывъ туда, нашелъ, что войска Аркагаѳа уже были чрезвычайно ослаблены числомъ, тѣсно обложены и терпѣли крайній во всемъ недостатокъ. Агаѳоклъ думалъ поправить это сраженіемъ и побѣдой, но, видя, что карѳагеняне не выходятъ изъ своего укрѣпленнаго стана, напалъ на него съ 12,000 чел. войскъ, въ намѣреніи взять его приступомъ, но былъ отраженъ такимъ же числомъ карѳагенскихъ войскъ, съ урономъ до 3,000 чел. (307). Тутъ произошелъ весьма странный случай: карѳагеняне, въ благодарность главному божеству своему Молоху за одержанную побѣду, принесли въ жертву его идолу всѣхъ плѣнныхъ;—во время этого жертвоприношенія поднялся сильный вѣтеръ, который направилъ огонь съ жертвенныхъ олтарей на палатки—и весь станъ карѳагенянъ былъ объятъ пламенемъ. Отъ этого въ немъ произошло величайшее смятеніе, еще болѣе увеличившееся, когда въ темнотѣ вечера передовыя стражи дали знать о приближеніи непріятеля. Тогда все карѳагенское войско въ ужасѣ и безпорядкѣ разсѣялось и частію даже бѣжало въ Карѳагенъ. А между тѣмъ всю эту тревогу произвело приближеніе вовсе не войска Агаѳоклова, а только толпы ливіо-финикіянъ или африканцевъ изъ состава его, отложившихся отъ Агаѳокла и шедшихъ присоединиться къ карѳагенянамъ. Но, замѣтивъ особенное смятеніе въ карѳагенскомъ станѣ, они не посмѣли идти да-

лѣе и воротились. Но приближеніе ихъ къ Агаѳоклову стану, ночью, произвело и въ немъ, по этой же причинѣ, страшную тревогу—и войско Агаѳокла, въ свою очередь, въ страхѣ разбѣжалось: всѣ африканцы разсѣялись совершенно, а остальные хотя и были собраны, но уже въ такомъ небольшомъ числѣ, что Агаѳоклъ, потерявъ всякую надежду что-либо предпринять съ ними и удержаться въ Африкѣ, рѣшился тайно бѣжать! Но намѣреніе его было открыто и раздраженные воины заключили его въ оковы. Однако на слѣдующую ночь, когда вѣсть о приближеніи карѳагенянъ снова произвела тревогу въ станѣ Агаѳокла, такъ какъ не было предводителя, который могъ бы привесть войска въ порядокъ, то стражи и сняли съ Агаѳокла оковы. А онъ, пользуясь этимъ и темнотою ночи, оставилъ сыновей и войска свои на произволъ судьбы—и бѣжалъ одинъ въ Сицилію! Войска, узнавъ это, немедленно умертвили Агаѳокловыхъ сыновей, а вновь избранные военачальники вступили въ переговоры съ Карѳагеномъ. Такъ какъ никто въ войскѣ не смѣлъ возвратиться въ Сицилію, страшась Агаѳокла, то одни вступили въ службу карѳагенянъ, а другіе выпросили и получили отъ нихъ земли въ Африкѣ для поселенія (306).

Агаѳоклъ же, воротясь въ Сицилію, излилъ всю злобу противъ войскъ своихъ, оставшихся въ Африкѣ, поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ ихъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ. Подобными злодѣйствами и въ другихъ городахъ Сициліи и побѣдой надъ соединившимися противъ него изгнанниками ему удалось снова утвердить свою деспотическую власть въ Сициліи и, къ счастію для него, заключить въ 305 г. миръ съ Карѳагеномъ, на условіи—той и другой сторонѣ сохранить прежнія, до войны, владѣнія свои.

Такова была эта 5-ти лѣтняя война, въ которой такой даровитый, отважный, предпріимчивый и въ военномъ отношеніи небезъискусный честолюбецъ, какъ Агаѳоклъ, но жестокостью и злодѣйствами походившій болѣе на разбойника (а такихъ людей въ древнія времена всегда было очень много), привелъ въ трепетъ и Сицилію, и карѳагенскую республику, и едва не сокрушилъ

Карѳагенъ! Въ отношеніи же къ послѣднему, война эта достаточно показываетъ всю слабость и ничтожность его противъ войскъ, хотя немногочисленныхъ, но правильно-устроенныхъ по гречески и предводимыхъ отважнымъ и искуснымъ полководцемъ. А послѣдующія войны съ Пирромъ и особенно съ римлянами доказали это еще болѣе.

§ 122.

Война съ Пирромъ въ Сициліи (278—276).

По смерти Агаѳокла въ 289 г., въ Сициліи снова произошли большіе безпорядки. Сиракузы и другіе города, раздираемые борьбой политическихъ партій, въ тоже время были сильно тѣснимы карѳагенянами и мамертинцами—италійскими наемниками, которые силой завладѣли городомъ Мессаной и образовали разбойничью республику. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, сиракузяне въ 278 г. обратились съ просьбой о помощи къ зятю Агаѳокла, Пирру, находившемуся въ то время въ южной Италіи (см. ниже гл. XXI § 138). Пирръ согласился на это тѣмъ охотнѣе, что положеніе его въ Италіи было очень ненадежно, въ Сициліи же онъ имѣлъ тайный замыселъ назначить царемъ сына своего, Агаѳоклова внука, Элена. Хотя карѳагеняне и мамертинцы и составили союзъ противъ него, однако ему удалось въ 278 г. изъ Локръ, въ южной Италіи, переправиться съ войскомъ и слонами въ Тавроменій, въ Сициліи. Здѣсь онъ заключилъ союзъ съ тиранномъ города, Тиндаріономъ, и двинулся къ Сиракузамъ. Всѣ города на пути добровольно покорились ему и дали ему вспомогательныя войска. Правители же Сиракузъ, Созистратъ и Ѳойнонъ передали ему этотъ городъ и его замокъ, хотя и обложенные карѳагенянами съ сухаго пути и моря. Вступивъ въ него, онъ былъ принятъ сиракузянами какъ освободитель и вскорѣ имѣлъ уже до 30,000 чел. пѣхоты, 5,000 чел. конницы, слоновъ и 200 галеръ. Въ 277 г. онъ принудилъ карѳагенянъ сначала снять обложеніе Сиракузъ, а потомъ — очистить, одинъ за

другимъ, всѣ города ихъ въ Сициліи, кромѣ одного только Лилибея. Изъ нихъ Эриксъ онъ взялъ приступомъ, Панормъ осадой принудилъ сдаться на условіяхъ, мамертинцевъ разбилъ, а поселенія ихъ разорилъ и разрушилъ, Лилибей же осадилъ. Карѳагеняне просили мира, но Пирръ объявилъ, что единственное условіе мира—чтобъ они совершенно очистили Сицилію, на что, разумѣется, они не согласились. Казалось, Пирру слѣдовало бы только продолжать свои успѣхи съ постоянствомъ и настойчивостью, но ихъ-то именно и не было въ его нравѣ, всегда нетерпѣливомъ, безпокойномъ и непостоянномъ. Наскучивъ осадой Лилибея и найдя, что она отниметъ у него слишкомъ много времени, онъ бросилъ ее и захотѣлъ, подобно Агаѳоклу, перенесть войну въ Африку. А какъ для этого ему не доставало гребцовъ на флотѣ, то онъ и началъ силой набирать ихъ въ приморскихъ городахъ. Это вовлекло его во вражду и раздоры съ правителями городовъ, добровольно покорившихся ему и давшихъ ему вспомогательныя войска. Къ довершенію всего, Пирръ велѣлъ умертвить Ѳойнона, а Созистратъ спасъ жизнь свою только бѣгствомъ. Все это крайне раздражило прочіе сицилійскіе города и одни изъ нихъ перешли на сторону карѳагенянъ, а другіе — мамертинцевъ; карѳагенскій же флотъ отрѣзалъ Пирра отъ Италіи. Тогда, убѣдившись, что ему не утвердиться въ Сициліи съ одними эпирскими войсками своими, а между тѣмъ вторично призываемый самнитянами и тарентинцами въ Италію на помощь противъ римлянъ, Пирръ сѣлъ съ своими войсками на суда и, съ трудомъ и потерей многихъ изъ нихъ успѣвъ пробиться черезъ карѳагенскій флотъ, воротился въ Италію (276 г.), оставивъ Сицилію совершенно въ томъ же положеніи, въ которомъ она была до его прибытія, и слѣдовательно ни ей, ни себѣ не принеся никакой пользы. Начавъ очень хорошо, онъ, по своему безразсудству, кончилъ крайне дурно.

Этимъ заключаемъ краткій обзоръ состоянія военнаго устройства и искуства у карѳагенянъ и войнъ ихъ въ Сициліи до начала пуническихъ войнъ. Изъ него можно составить себѣ предварительное понятіе, необходимое для надлежащаго уразумѣнія участія и дѣйствій карѳагенянъ въ этихъ послѣднихъ и рѣшительныхъ для Карѳагена войнахъ его съ Римомъ, которыя будутъ изложены ниже.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

РИМЛЯНЕ.

§ 123. Военное устройство и военныя учрежденія. — § 124. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ. — § 125. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 126. Римскій легіонъ и римская тактика, преимущества и недостатки ихъ и сравненіе ихъ съ греческою фалангой и греческою тактикой.—§ 127. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 128. Кастраметація, фортификація и полиорцетика. — § 129. Образъ и искуство веденія войнъ и состояніе военнаго устройства и искуства вообще. — § 130. Морскія военныя силы и искуство.

—oo—

Источники: Діонисій, Титъ Ливій, Аппіанъ, Плутархъ, Полибій, Діодоръ;—новые и новѣйшіе: 1) по исторіи военнаго искуства: Iustus Lipsius, Gronow, Sixtus Arcerius, Panoplia, Du Choul, Folard, Joly de Maizeroy, Lo-Looz, Feuquiéres, Rösch, Nast, St.-Cyr, Hoyer, Rheinhard, Laverne, Chantreau, Rogniat, Carrion Nisas, Ottenberger, Löhr, Handbibliothek für Offiziere 1 B. 1 Abth., Rocquancourt, Бар. Зедделеръ, Богдановичъ, Rückert, De la Barre Du Parcq, Lamarre,—и 2) общеисторическія пособія: Всеобщая исторія міра (на англ. яз.), Guthrie, Gray etc., Rollin, Montesquieu, Goldsmith, Fergusson, Vertot, Lévesque, Hübler, Luden, Dresch, Heeren, Gatterer, Beck, Bredow, Remer, Schlosser, Weber, Becker, Wernicke, Wegner, Mommsen, Michelet, Amédée Thierry, Лоренцъ и др.

—oo—

§ 123.

Военное устройство и военныя учрежденія.

Покончивъ съ спеціальною военною исторіей Македоніи, Греціи, Востока и Карѳагена отъ смерти Александра В. до 200 г. передъ Р. Х., обращаемся къ продолженію спеціальной же военной исто-

ріи Рима, первое начало которой изложено въ ч. I главѣ XVII настоящаго труда — обращаемся съ тѣмъ, чтобы уже не разставаться съ нею до конца. Ибо отселѣ она постепенно болѣе и болѣе утрачиваетъ свой характеръ спеціальности, поглощаетъ всю военную исторію древняго міра и наконецъ становится всемірною. Предъидущій періодъ былъ первою ступенью ея къ тому, настоящій—второю, имѣющею еще большія: значеніе, важность, занимательность и поучительность. Это—періодъ наибольшаго развитія и наилучшаго состоянія военнаго устройства и военныхъ учрежденій Рима и дальнѣйшаго усовершенствованія военнаго искусства у римлянъ — главныхъ причинъ необычайныхъ: могущества, величія и славы Рима. Вѣрное познаніе и уразумѣніе исторіи ихъ безусловно необходимо для вѣрнаго же познанія и уразумѣнія военной, какъ и политической, исторіи Рима, потому что ни у одного народа древняго міра онѣ не были до такой степени тѣсно связаны между собою, какъ у римлянъ. Поэтому нельзя достаточно обратить на нихъ полное и глубокое вниманіе, котораго онѣ достойно заслуживаютъ и которое въ высокой степени возбуждаютъ въ изслѣдователѣ ихъ, нельзя и не войти въ тѣ подробности о нихъ, которыя только возможны въ предѣлахъ настоящаго труда, потому что всѣ эти подробности—предметъ высокой занимательности.

Все государственное военное устройство Рима было прочно утверждено на превосходномъ основаніи — правѣ служить въ войскѣ (jus militiae), о которомъ уже было говорено въ ч. I главѣ XVII. Этимъ закономъ опредѣлялось, кто именно имѣлъ право и вмѣстѣ обязанность служить въ войскѣ, кто былъ освобожденъ отъ этой обязанности и кто былъ лишенъ этого права.

Правительство римское, признавая, что защищать отечество, служа въ войскѣ, были обязаны преимущественно свободнорожденные, благородные, знатные, богатые или достаточные и ничѣмъ неопороченные римскіе граж-

дане, имъ однимъ предоставило это почетное право, на нихъ однихъ возлагало и эту почетную обязанность.

Эта правоспособность была опредѣлена и нѣкоторымъ образомъ ограничена извѣстными условіями, а именно:

Во 1-хъ возрастомъ—не моложе 17-ти лѣтъ и не старѣе 45-ти. Никто моложе 17-ти лѣтъ и старѣе 45-ти лѣтъ не могъ быть обязываемъ военною службой, хотя могъ быть принимаемъ въ нее по собственной доброй волѣ. Но законные сроки дѣйствительной службы считались только съ 17-ти до 45-ти лѣтъ. 28-ми-лѣтній срокъ военной службы не былъ непрерывный, но могъ быть прерываемъ, лишь бы только военнослужащій прослужилъ полное число установленныхъ закономъ шести-мѣсячныхъ походовъ, въ пѣхотѣ—20-ти, а въ конницѣ—10 ти. Прослужившіе половинное число этихъ походовъ—и только они одни—имѣли право на полученіе общественныхъ и государственныхъ гражданскихъ должностей. По достиженіи 45-ти-лѣтняго возраста, римскіе граждане были совершенно освобождаемы отъ обязанности служить въ войскѣ и причисляемы къ городскимъ легіонамъ (legiones urbanae) или къ мѣстнымъ гарнизоннымъ войскамъ. Обязанности ихъ ограничивались, въ мирное время — городовою службой, а въ военное — обороной городовъ. Но тѣ изъ нихъ, которые сами добровольно или по приглашенію полководцевъ вновь поступали на службу въ полевыя войска, назывались ветеранами (veterani, emeriti, evocati) и пользовались большимъ уваженіемъ и особенными преимуществами.

Во 2-хъ имущественнымъ цензомъ, а именно: 1-й классъ заключалъ въ себѣ римскихъ гражданъ, имѣвшихъ имущества цѣнностью не менѣе 100,000 римскихъ ассовъ (примѣрно около 40,000 рублей), 2-й — не менѣе 75,000 ассовъ (около 30,000), 3-й — не менѣе 50,000 ассовъ (около 20,000 руб.), 4-й — не менѣе 25,000 ассовъ (около 10,000 р.) и 5-й — не менѣе 12,500 ассовъ (около 5,000 р.). Всѣ же, имѣвшіе менѣе 12,500 ассовъ, составляли 6-й классъ, освобожденный отъ службы (см. ниже). Но полагаютъ, что когда послѣ и даже во время 2-й пунической войны число римскихъ армій стало увеличиваться и

нерѣдко набиралось уже до 20 легіоновъ и болѣе, римляне ограничили освобожденіе отъ военной службы наименьшимъ имущественнымъ цензомъ въ 6,000 ассовъ (около 2,500 р.). По крайней мѣрѣ таково было постановленіе, существовавшее въ 1-й половинѣ II вѣка передъ Р. Х. (200—150 г.), т. е. во время римско-македонскихъ и греческихъ войнъ.

Въ 3-хъ тѣлесными или физическими условіями пріема въ военную службу, а именно: ростомъ и тѣлесными: здоровьемъ, бодростью, крѣпостью и силою. Въ отношеніи къ росту, историки говорятъ, что римляне, будучи вообще небольшаго роста *), обращали на него гораздо менѣе вниманія, нежели на совершенно здоровое состояніе, бодрость, крѣпость и силу тѣла. И въ этомъ отношеніи имъ рѣдко приходилось дѣлать исключенія, потому что въ этомъ періодѣ нравы римлянъ были еще очень просты и суровы, а потому и слабыхъ, болѣзненныхъ или съ тѣлесными недостатками либо пороками между ними было очень мало. Однако были нѣкоторые тѣлесные недостатки, которые служили препятствіемъ къ пріему въ войско, именно такіе, которые могли затруднять имъ и препятствовать надлежащимъ: употребленію оружія и дѣйствіямъ въ строю, какъ-то: тѣлесные пороки рукъ и ногъ, слабость слуха и особенно зрѣнія. Нѣкоторое понятіе о томъ, чего требовали римляне отъ новобранцевъ въ тѣлесномъ отношеніи, можетъ дать то, что́ говоритъ объ этомъ Вегецій, именно: «новобранецъ долженъ имѣть глаза—живые, голову—поднятую вверхъ, грудь—широкую, плечи—плотныя, кисти рукъ—большія, руки—длинныя, животъ—небольшой, станъ—стройный, ноги и ступни—менѣе мясистыя, нежели жилистыя. Если все это есть, то нечего смотрѣть на ростъ, ибо гораздо нужнѣе, чтобы воины были крѣпко сложены, нежели высокорослы». Вообще полагаютъ, что у римлянъ мѣра роста для пріема въ воен-

*) Всѣ не-италійскіе народы, особенно галлы, были выше римлянъ ростомъ. Цезарь говоритъ, что рослые галлы презирали римлянъ именно за ихъ малый ростъ. А. Пирръ говорилъ своему вербовщику: «выбирай рослыхъ, я сдѣлаю изъ нихъ сильныхъ».

ную службу была: наибольшаго—5 футовъ 10 дюймовъ римскихъ (или 5 футовъ 3 дюйма нынѣшнихъ), а умѣреннаго — 5 футовъ 7 дюймовъ римскихъ (или 5 футовъ 10 линій нынѣшнихъ), но принимали и ниже послѣдней.

Наконецъ въ 4-хъ нравственными условіями, именно незазорными, безукоризненными во всѣхъ отношеніяхъ нравственностью и поведеніемъ — качествами, которыя въ эти лучшія времена римской республики были, можно положительно сказать, общими римскимъ гражданамъ.

Освобождались отъ службы въ войскѣ:

1) По возрасту — граждане моложе 17-ти и старѣе 45-ти лѣтъ, безъ препятствія имъ, впрочемъ, поступать вольнослужащими (волонтерами), но съ зачетомъ дѣйствительной службы только отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ (какъ означено выше).

2) По имущественному цензу — всѣ граждане 6-го класса, до 2-й пунической войны—имѣвшіе менѣе 12,500 ассовъ, а послѣ нея—менѣе 6,000 ассовъ (какъ означено выше).

3) По тѣлеснымъ условіямъ—неудовлетворявшіе означеннымъ въ этомъ отношеніи выше.

4) Граждане, находившіеся, во время набора, на общественной и государственной гражданской службѣ, отъ низшихъ до высшихъ—сенаторовъ включительно, безъ препятствія, впрочемъ, и имъ поступать вольнослужащими. Титъ Ливій говоритъ, что въ одномъ сраженіи при Каннахъ погибло 80 такихъ сановниковъ.

5) Жрецы и авгуры, исключая только случаевъ нашествій галловъ, когда жрецы и авгуры были обязаны защищать государственную казну въ Капитоліѣ.

6) Въ награду за особенныя отличія или заслуги отечеству, оказанныя какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми отрядами войскъ, либо городами и даже областями или племенами Италіи. Такого рода освобожденіе отъ службы простиралось отъ одного года до пяти и болѣе лѣтъ и даже до совершеннаго освобожденія.

Наконецъ, совершенно лишены были права служить въ войскѣ или исключались изъ него:

1) Вольноотпущенники ни въ какомъ случаѣ не допускались въ войско.

2) Рабы, по презрѣнію къ нимъ у римлянъ, какъ и у всѣхъ вообще народовъ древности, доходившему до того, что рабовъ ставили наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Но были чрезвычайные случаи особенной важности или опасности, когда для рабовъ дѣлалось исключеніе, котораго лишены были вольноотпущенники, а именно: правительство покупало самыхъ крѣпкихъ и сильныхъ рабовъ у ихъ господъ, спрашивало ихъ, желаютъ-ли они служить отечеству?—и получая, разумѣется, удовлетворительный отвѣтъ, вооружало ихъ и образовало изъ нихъ отдѣльные отряды, подъ названіемъ волоновъ (volones), а черезъ два года хорошей и тѣмъ болѣе отличной службы, давало имъ свободу. Такъ послѣ сраженія при Каннахъ правительство купило и вооружило 8,000 самыхъ крѣпкихъ и сильныхъ рабовъ, а для усиленія конницы — 270 апулійскихъ пастуховъ. Эти волоны оказали большія отличія и за одержанную два года спустя побѣду получили въ награду— свободу. Но въ этомъ періодѣ такого рода случаи были очень рѣдкимъ исключеніемъ.

3) Въ наказаніе за военные и особенно государственные проступки и преступленія, изъ войска были исключаемы какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлые отряды войскъ, и даже цѣлые города, области или племена Италіи были объявляемы недостойными нести военную службу. Такъ, по удаленіи карѳагенянъ изъ Италіи въ концѣ 2-й пунической войны, подобному наказанію были подвергнуты всѣ жители Бруттія, Луканіи, Пицена и другихъ областей Италіи, которыя послѣ сраженія при Каннахъ возстали противъ Рима и присоединились къ Аннибалу.

Изъ всего приведеннаго выше легко усмотрѣть можно, какой превосходный во всѣхъ отношеніяхъ составъ имѣло въ это время римское войско! Вотъ въ чемъ заключались главныя достоинства и сила, какъ его, такъ и всей римской республики—доколѣ онъ сохранялся, въ настоящемъ, какъ и въ предъидущемъ, періодѣ, въ неприкосновенности и неизмѣнности. Такого состава мы не находимъ ни у одного народа древности, даже у грековъ въ лучшія

времена ихъ исторіи. И не мудрено, что онъ возбуждалъ такія всеобщія удивленіе и уваженіе къ себѣ, не только въ древнія времена, но и въ среднія, и новыя, и новѣйшія, и едва-ли не будетъ справедливо и достойно возбуждать ихъ всегда! Но это было еще только основаніе всему сооруженному на немъ зданію военнаго устройства, какъ всего Рима, такъ и войскъ его, во всѣхъ частяхъ и отношеніяхъ, до самыхъ мельчайшихъ. Чѣмъ далѣе и болѣе мы будемъ входить въ подробности, тѣмъ болѣе будемъ удостовѣряться въ превосходствѣ ихъ.

Обратимся прежде всего къ тому, какъ у римлянъ производился обыкновенный ежегодный наборъ четырехъ легіоновъ. Мы увидимъ, съ какими вниманіемъ и тщаніемъ они производили наборъ хорошихъ воиновъ и уравновѣшивали ихъ достоинства такъ, чтобы легіоны имѣли всевозможно равномѣрный составъ. Полибій сообщаетъ вѣрныя и точныя свѣдѣнія, какъ это производилось въ его времена, т. е. въ самое лучшее время римской республики въ настоящемъ періодѣ.

Послѣ выбора консуловъ, выбирались трибуны: 14 изъ прослужившихъ 5 лѣтъ и 10 изъ прослужившихъ 10 лѣтъ. Затѣмъ, въ назначенный для набора день, утромъ на Капитоліѣ выставлялось знамя, герольды всенародно провозглашали по всему Риму о наборѣ и всѣ совершеннолѣтніе граждане отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ собирались въ Капитоліѣ (а позже на Марсовомъ полѣ за городомъ), по трибамъ, число которыхъ было постепенно увеличено до 35-ти. Трибуны пяти лѣтъ службы раздѣлялись на четыре части, по числу четырехъ легіоновъ: четыре первоизбранные народомъ либо консулами назначались для перваго легіона, три слѣдующіе—для втораго, четыре слѣдующіе—для третьяго и наконецъ три послѣдніе—для четвертаго. Затѣмъ десять трибуновъ десяти лѣтъ службы распредѣлялись такимъ же образомъ, два первые—въ первый легіонъ, три слѣдующіе—во второй, два слѣдующіе—въ третій и и три послѣдніе — въ четвертый. Такимъ образомъ на каждый легіонъ приходилось по шести трибуновъ. Затѣмъ трибуны каждаго легіона садились особо, вызывали трибы по жребію изъ урны и выбирали изъ нихъ по четыре человѣка, сколько можно болѣе

одинаковыхъ лѣтъ, крѣпости и силы. Изъ нихъ одного выбирали трибуны перваго легіона, изъ трехъ одного — трибуны втораго, изъ двухъ одного — трибуны третьяго, а послѣдній четвертый доставался четвертому легіону. Изъ слѣдующей по очереди трибы выборъ начинали трибуны втораго легіона, а оканчивали трибуны перваго, и такъ далѣе, пока всѣ четыре легіона не были набраны въ количествѣ и въ совершенной равномѣрности въ отношеніи лѣтъ и качествъ воиновъ.

Тогда новобранцы приносили военную присягу. Одинъ изъ нихъ громко произносилъ слѣдующую, краткую и простую формулу ея: «Клянусь повиноваться начальникамъ моимъ и употреблять всѣ мои силы къ исполненію того, что они мнѣ прикажутъ». Всѣ остальные проходили, одинъ за другимъ, мимо него, произнося каждый: idem in me (и я также).

Такъ какъ по закону консулы имѣли начальственную власть надъ войскомъ только внѣ предѣловъ города Рима, но отнюдь не внутри ихъ (законъ также весьма мудрый), то по произведенномъ наборѣ легіоновъ, они назначали имъ сборное мѣсто, за предѣлами города, или за городскими воротами, или въ ближайшемъ городѣ на пути слѣдованія арміи въ походъ, или наконецъ въ менѣе или болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Туда новобранцы и отправлялись полегіонно безъ оружія, тамъ только распредѣляли ихъ по различнымъ родамъ войскъ и раздавали каждому роду ихъ присвоенное ему оружіе, туда же квесторы (см. ниже) переносили и легіонные орлы, которые они хранили въ государственномъ казнохранилищѣ въ Капитоліѣ. Въ день, назначенный для похода, консулъ отправлялся въ храмъ Марса, потрясалъ щиты и гасту (полукопье) статуи Марса, приносилъ жертвы и обѣты, и затѣмъ, облачившись въ присвоенныя ему одежды полководца, отправлялся уже на сборное мѣсто. Здѣсь войско очищалось особымъ жертвоприношеніемъ подъ названіемъ люстраціи (lustratio) и выступало въ походъ.

Таковъ былъ обыкновенный порядокъ набора легіоновъ и армій. Но въ случаяхъ особенной важности, опасности и поспѣшности, означенные выше порядки и обряды сокращались болѣе или менѣе,

и легіоны набирались и выступали въ походъ иногда даже въ теченіе однихъ сутокъ. Въ такихъ случаяхъ консулъ отправлялся въ Капитолій и выставлялъ тамъ два знамени, одно—красное для пѣхоты, другое — цвѣта морской воды или зеленоватое для конницы. Такъ напримѣръ еще въ 457 г., по приказанію четвертаго диктатора Квинція Цинцинната, съ утра до вечера легіоны были совершенно набраны и вооружены, а въ началѣ ночи уже выступили съ Марсова поля въ походъ для освобожденія консула Минуція, обложеннаго въ своемъ лагерѣ эквами.—12 лѣтъ спустя, въ одинъ день легіоны были набраны, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня собрались на Марсовомъ полѣ, въ девятомъ часу утра выступили въ походъ, къ вечеру расположились лагеремъ въ 10 римскихъ миляхъ (около 7 верстъ) отъ Рима, два дня спустя разбили непріятеля и на другой день воротились въ Римъ, совершивъ походъ въ четверо сутокъ, въ томъ числѣ одни сутки набора и одни сутки боя. Такого-то рода чрезвычайные наборы назывались внезапными или по тревогѣ (legiones subitariae, tumultuariae).

Римская конница, которая въ началѣ носила названіе celeres (быстрые, а по инымъ—по имени перваго начальника ея, Фабія Целера), потомъ flexumines, позже trossulis (по имени города Троссула, въ Этруріи или Тусціи—нынѣ Тоскана, который она взяла одна, безъ помощи пѣхоты), и наконецъ — equites (всадники, отъ equus—лошадь), имѣла совершенно особенные и различные отъ пѣхоты составъ, устройство и способъ набора. Право и обязанность служить въ конницѣ имѣли только римскіе граждане изъ сословія всадниковъ (equites), которые, сверхъ всѣхъ означенныхъ выше, общихъ условій для службы въ войскѣ, удовлетворяли имущественному цензу не менѣе 50,000 ассовъ (около 20,000 рублей). Лошадей они получали отъ правительства и знакомъ отличія имѣли золотой перстень. Наборъ ихъ производился цензорами, въ числѣ одного на 10 или 300 на 3,000 чел. пѣхоты (см. ниже). По окончаніи набора всадниковъ въ конницу, они приносили ту же присягу и тѣмъ же образомъ, что и новобранцы пѣхоты.

Наборъ пѣхоты и конницы въ легіоны римскихъ союзниковъ производился, по распоряженію консуловъ, въ одно время съ наборомъ римскихъ легіоновъ въ Римѣ, но менѣе сложнымъ и болѣе простымъ и ускореннымъ способомъ, причемъ консулы увѣдомляли союзниковъ о числѣ войскъ, которыя нужно было набрать, и о сборномъ мѣстѣ арміи.

Весьма любопытны свѣдѣнія, которыя находимъ у Полибія, о томъ, сколько по закону Римъ въ настоящемъ періодѣ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ могъ выставить въ одно время римскихъ и союзныхъ войскъ, и какова была поэтому численность военныхъ силъ Рима и, слѣдовательно, всего народонаселенія римскихъ владѣній въ Италіи. Свѣдѣнія эти относятся къ эпохѣ нашествія, въ несмѣтныхъ силахъ, транзальпійскихъ галловъ на сѣверную Италію, гдѣ къ нимъ присоединились цизальпійскія галльскія племена инсубровъ и боіевъ, именно въ 225 г., между 1-ю и 2-ю пуническими войнами. Въ это время въ Римѣ было произведено *общее исчисленіе* всего совершеннолѣтняго, способнаго сражаться народонаселенія въ подвластной Риму Италіи и дало слѣдующіе результаты:

На дѣйствительной службѣ у двухъ консуловъ было *четыре римскіе легіона*, каждый въ 5,200 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы, и *союзныхъ вспомогательныхъ войскъ* 30,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы, всего	54,000 чел.
Областями сабинянъ и тирренянъ было выставлено 50,000 чел. пѣхоты и 4,000 чел. конницы, всего	54,000 »
Изъ аппеннинскихъ горъ было выставлено 20,000 войскъ умбрами и сарсинянами и 20,000 войскъ венетами и карпенатами, всего . . .	40,000 »
Подъ стѣнами Рима было въ видѣ резерва 20,000 чел. пѣхоты и 1,500 чел. конницы римскихъ войскъ и 30,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. конницы союзныхъ войскъ, всего . . .	53,500 »

Итого противъ галловъ могло быть употреблено совсѣмъ готовыхъ:

римскихъ войскъ	43,500	»
союзныхъ	158,000	»
всего . .	201,500	»

Сверхъ того, по спискамъ, доставленнымъ римскому сенату, союзники могли, въ случаѣ надобности, еще выставить:

	пѣхоты.		конницы.	
Латиняне	80,000	чел.	5,000	чел.
Самнитяне.	70,000	»	7,000	»
Япигіи и мессапіи	50,000	»	16,000	»
Луканяне.	30,000	»	3,000	»
Марсы, ферентиняне и вестиняне	30,000	»	3,000	»
Всего . .	260,000	»	34,000	»
Въ Сицилiи и Тарентѣ были два легіона	8,400	»	400	»
Въ собственной области Рима и въ Кампаніи могли быть еще набраны	250,000	»	23,000	»
Всего . .	518,000	»	57,400	»
А всего всѣхъ Римъ могъ употребить противъ галловъ . . .	588,000	»	58,400	»
	646,400 чел. войскъ.			

По этому легко можно исчислить, что все народонаселеніе подвластной Риму Италіи, всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, составляло въ это время: свободное—не менѣе 3.200,000 душъ и несвободное, т. е. рабы—примѣрно столько же, а вмѣстѣ около $6^1/_2$ милліоновъ душъ, плотно населенныхъ между двумя морями и длиннымъ хребтомъ Аппеннинскихъ горъ, а не разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ края.

Вотъ какова была въ это время, въ Италіи, военная сила римской республики—сила, съ которою во 2-й пунической войнѣ предстояло бороться Аннибалу.

Шлемы

Конская головная сбруя

Латы

Сагумъ

Лошадь военачальника

Обувь

Щиты

Колесница

Мечи

Ножны

Кинжалы

Копья конницы

тяжелое (Pilum)

легкое (Hasta)

дротикъ

Копья

Труба

Черепаха

Полководец

Наблюдательная башня

Лукъ

стрелы

колчанъ

ОП
бывшее в
УРИ
во
рес
ин

Картографическое Зав. А. Ильина по Б. Мад. Э. № 24

§ 124.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Когда вновь набранные легіоны, пѣхота и конница, были собраны на сборномъ мѣстѣ, трибуны распредѣляли выбранныхъ въ пѣхоту, по возрастамъ, въ различные роды оной, а именно:

Имѣвшихъ отъ 17-ти до 25-ти лѣтъ—въ легкую пѣхоту, которая прежде состояла изъ рораріевъ (rorarii) и акцензовъ (accensi), какъ было означено въ ч. I, главѣ XVII, § 105, а въ настоящемъ періодѣ изъ одного класса велитовъ (veliti),—отъ 25-ти до 30-ти лѣтъ—въ гастаты (hastati), отъ 30-ти до 40—въ принципы (principi) и наконецъ отъ 40 до 45-ти — въ тріаріи (triarii).

Послѣ такого распредѣленія, немедленно выдавали каждому роду пѣхоты присвоенное ему вооруженіе, а именно:

Велитамъ кожаные шлемы, небольшіе, круглые и легкіе деревянные щиты, мечи и по семи легкихъ дротиковъ каждому. Дротики были въ два локтя (32 дюйма) длиною и въ палецъ толщиною, и имѣли очень тонкій и острый наконечникъ, для того, чтобы, попавъ въ цѣль, загибались и чтобы непріятель не могъ бросать ихъ обратно.

Легіонной или линейной пѣхотѣ: 1) предохранительное вооруженіе: кожаные, покрытые полированнымъ желѣзомъ шлемы, съ высокими, красными и черными, перьями (galea, capis), грудныя латы (loricae), которыя прикрѣплялись къ тѣлу ремнями, обитыми гибкою металлическою чешуей и прикрывали плечи, грудь и животъ, ножныя латы или наножники (ocreae), подобныя греческимъ крамидамъ, особенно полныя и прочныя на правой ногѣ, которую римскіе пѣшіе воины, сражаясь преимущественно мечомъ, при дѣйствіи имъ выставляли впередъ, и щиты (scutum), четвероугольные, полуцилиндрическіе, въ $4^1/_2$ фута ширины, составленные изъ нѣсколькихъ рядовъ склеенныхъ доще-

чекъ крѣпкаго дерева, покрытые толстою кожей и обитые по краямъ толстыми желѣзными полосами; въ срединѣ щита былъ острый желѣзный наконечникъ, которымъ легіонеръ, въ рукопашномъ бою, могъ ударять противника, и 2) нападательное вооруженіе: главное—мечъ (gladius), испанскій, обоюдуострый, длиною безъ рукояти въ $20^1/_2$ дюймовъ, а шириною въ 2, которымъ можно было одинаково удобно и колоть, и рубить; одно тяжелое копье (pilum) въ 3 локтя (4 фута) длиною и въ 1 пальму (2 дюйма слишкомъ) толщиною и одно легкое (hasta) въ 3 локтя (въ 4 фута) длиною и менѣе толстое, у каждаго легіонера; острый наконечникъ ихъ имѣлъ крюкъ для зацѣпленія и стаскиванія непріятельскихъ щитовъ. Тріаріи, имѣвшіе назначеніе преимущественно производить рѣшительный ударъ въ сомкнутомъ строѣ, были вооружаемы, вмѣсто такихъ копій, пиками длиною въ 14 футовъ и иногда, кромѣ того, нѣсколькими тонкими и легкими дротиками, носимыми въ лѣвой рукѣ, въ углубленіи щита.

Все вообще вооруженіе римскаго легіонера, какъ оборонительное, такъ особенно нападательное, имѣло превосходныя качества и важныя преимущества. Оборонительное, по свойствамъ и прочности своимъ, достаточно защищало, не препятствуя однако свободнымъ движеніямъ тѣла, рукъ и ногъ; нападательное же было такъ хорошо соображено и устроено и до такой степени дѣйствительно, особенно мечъ, что въ рукахъ сильныхъ и ловкихъ римскихъ воиновъ пробивало самыя толстыя и крѣпкія латы и щиты и наносило страшныя раны. Титъ Ливій говоритъ, что въ войнахъ римлянъ съ македонянами и греками, на тѣхъ и на другихъ наводило ужасъ страшное дѣйствіе римскаго меча, однимъ махомъ отрубавшаго головы, руки, ноги и т. п. Еще болѣе страшно было дѣйствіе римскаго меча противъ галловъ, оружіе которыхъ было дурно ковано, мечи гнулись, тупились, ломались и т. п. Поэтому мечъ былъ главнымъ и любимымъ оружіемъ римлянъ и имъ преимущественно они одерживали побѣды.

Другимъ, важнымъ преимуществомъ римскаго вооруженія было то, что каждый родъ войскъ, вооруженный имъ, былъ одинаково способенъ ко всякаго рода службѣ и дѣйствіямъ въ полѣ и въ

бою. Линейная пѣхота могла удобно дѣйствовать, какъ легкая, въ разсыпномъ строѣ метательнымъ оружіемъ, легкая пѣхота — въ сомкнутомъ строѣ, а конница—въ пѣшемъ.

Конница римская до самой 2-й пунической войны включительно была вооружена менѣе и хуже, нежели пѣхота, а именно: не носила латъ, щиты имѣла овальные изъ толстой кожи, которая размокала отъ дождя, мечи плохія, а копья тонкія и гибкія, тѣ и другія — хрупкія и ломкія, наконецъ чаще и лучше дѣйствовала въ пѣшемъ, нежели въ конномъ строѣ. Поэтому она значительно уступала въ добротѣ конницѣ Аннибала и даже потомъ—македонской и греческой. Но римляне, всегда внимательные ко всему, что̀ касалось лучшаго устройства ихъ войскъ, не замедлили воспользоваться опытомъ войнъ: 2-й пунической и македонскихъ, и значительно усовершенствовали вооруженіе и устройство своей конницы, по образцу лучшихъ тогдашнихъ родовъ этого войска. Они дали ей шлемы и латы, такіе же, какъ въ пѣхотѣ, наножники на обѣихъ ногахъ, съ полу-сапогами, дротики и прочныя пики въ 10 — 11 футовъ длины, съ двумя острыми наконечниками на обоихъ концахъ (на нижнемъ въ видѣ запаснаго), и наконецъ кривые мечи, очень прочные и острые. И уже въ 1-й македонской войнѣ вооруженная такимъ образомъ римская конница не только сравнялась съ македонскою и греческою, но даже превзошла ихъ въ дѣйствіи бѣлымъ оружіемъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она всегда была болѣе или менѣе посредственной доброты, какъ потому, что набиралась изъ болѣе изнѣженнаго сословія всадниковъ, такъ и потому, что вообще римляне обращали болѣе вниманія на лучшее вооруженіе и устройство своей пѣхоты, признавая ее главною силою своихъ армій, нежели своей конницы, которую считали только второстепеннымъ, вспомогательнымъ пѣхотѣ родомъ войскъ. Впрочемъ Сципіонъ младшій обращалъ большое вниманіе на хорошее устройство и строевое образованіе римской конницы, и она была много обязана ему въ этомъ отношеніи.

Къ причинамъ несовершенства вообще римской конницы нужно еще прибавить несовершенство конской сбруи. Ни сѣделъ, ни стременъ (введенныхъ гораздо позже, первыя — при Θео-

досіѣ Вел., въ концѣ IV вѣка, а вторыя — въ VI вѣкѣ) у римлянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ древности, не было. Вмѣсто того на каждой лошади было по 2 попоны (или чапрака), нижняя и верхняя, изъ сукна, или кожи, или мѣха, укрѣпленныя подпругой, нагрудникомъ и подхвостникомъ. Нижняя попона была длиннѣе и шире, иногда съ бахрамой по краямъ, а верхняя — короче и уже, съ вырѣзными (фестонами) нижними краями. Обѣ попоны скрѣплялись одна съ другою лентами, или пуговицами, или ремнями. Нагрудникъ и подхвостникъ имѣли металлическія бляхи въ видѣ кистей, цвѣтковъ, полумѣсяцевъ и т. п. Наконецъ для управленія лошадью служила узда съ 2-мя поводьями и головными ремнями и украшеніями (см. приложенный рисунокъ римскаго оружія). И на снаряженной такимъ-то образомъ лошади сидѣлъ римскій всадникъ, держа на лѣвой рукѣ щитъ, а въ самой лѣвой рукѣ поводья, правую же руку имѣя свободною для дѣйствія пикой и мечомъ. Трудно понять, какъ онъ могъ въ одно и тоже время и сидѣть твердо на лошади, и управлять ею, и прикрывать себя щитомъ, и дѣйствовать пикой и мечомъ. Но легко себѣ представить, что такого рода конница не могла быть хорошею, а должна была быть весьма посредственною, тѣмъ болѣе, что римляне отъ природы были скорѣе пѣхотинцы, нежели всадники.

Вьючныя лошади также имѣли на себѣ нижнюю и верхнюю попоны, но гораздо проще.

Числительная сила различнаго рода войскъ, означенныхъ выше, въ составѣ легіоновъ и армій, была нижеслѣдующая:

Въ римскомъ легіонѣ было обыкновенно 1200 велитовъ, 1200 гастатовъ, 1200 принциповъ, 600 тріаріевъ и 300 всадниковъ, всего 4,200 человѣкъ пѣхоты и 300 чел. конницы, но иногда бывало всего до 5 и даже 6,000 чел., при чемъ число тріаріевъ (600) никогда не измѣнялось.

Въ легіонахъ союзниковъ, конницы было вдвое болѣе, нежели въ римскихъ, т. е. 600, и $^1/_3$ ея (200 чел.) и $^1/_5$ пѣхоты (840 ч.),

всего 1,040 чел. составляли отдѣльный отрядъ войскъ подъ названіемъ экстраординарныхъ (extraordinarii), состоявшій въ непосредственномъ распоряженіи предводителя арміи. Отборнѣйшая же $^1/_5$ часть экстраординарныхъ войскъ (208 чел.), подъ названіемъ аблектовъ (ablecti), составляла отрядъ тѣлохранителей (конвой) предводителя арміи. Такимъ образомъ знатнѣйшіе воины и лучшія войска союзниковъ были всегда при предводителѣ арміи, на виду у него, и служили въ одно время и надежнымъ резервомъ арміи, и какъ бы заложниками въ вѣрности ихъ единоплеменниковъ.

Числительная сила и составъ войскъ, набираемыхъ у подвластныхъ Риму въ Италіи и (позже) внѣ оной народовъ, были различные, опредѣляясь обстоятельствами. Но войска эти не входили въ составъ римскихъ армій, а составляли особые вспомогательные отряды при нихъ.

Обыкновенная римская консульская армія, подъ начальствомъ консула, состояла изъ 2-хъ римскихъ и 2-хъ союзныхъ легіоновъ, слѣдовательно въ ней было 16,800 чел. пѣхоты и 11,800 чел. конницы, а всего 18,500 чел. войскъ, въ числѣ которыхъ $^8/_9$ было пѣхоты и только $^1/_9$ конницы, иначе конница относилась къ пѣхотѣ, какъ 1:9. Причинами такой малочисленности ея были: гористыя свойства мѣстности Италіи, недостатокъ въ послѣдней лошадей, годныхъ къ военно-конной службѣ и, какъ уже было сказано выше, предпочтеніе, оказываемое римлянами пѣхотѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ послѣ 2-й пунической войны римляне начали вести войны внѣ Италіи, они стали постепенно увеличивать число конницы при своихъ арміяхъ, посредствомъ конныхъ войскъ вспомогательныхъ, выставляемыхъ подвластными Риму народами, или же наемныхъ.

Если оба консула выступали въ поле, то соединенныя арміи ихъ имѣли всего 37,000 чел. войскъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ— и болѣе. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Каннахъ каждый изъ 2-хъ консуловъ начальствовалъ арміей изъ 8-ми легіоновъ, что составляло всего 16 легіоновъ и въ нихъ 80,000 чел. пѣхоты и 7,200 чел. конницы.

§ 125.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

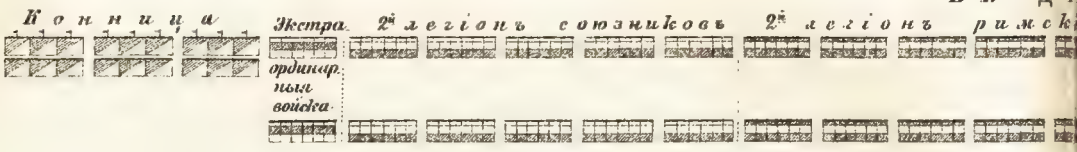
Строй и образъ дѣйствій римскихъ легіоновъ по центуріямъ (см. ч. I главы XVII § 105) были выгодны только въ войнахъ римлянъ въ гористой и пересѣченной мѣстности, и съ народами этой страны: этрусками, латинянами, волсками и самнитянами, которые строились и въ бою сражались также или почти также. Но въ войнахъ съ галлами, съ Пирромъ и его греками и съ карѳагенянами строй по центуріямъ уже оказался невыгоднымъ: малочисленныя, не связанныя между собою центуріи уже не могли съ выгодою сражаться и съ успѣхомъ противустоять натиску и удару большихъ, сомкнутыхъ массъ галловъ, эпирцовъ и карѳагенянъ. И потому римляне измѣнили строй по центуріямъ, давъ ему болѣе связи и твердости, но сохранивъ прежнія достоинства его — гибкость, ломкость и удободвижимость, важныя преимущества которыхъ уже были доказаны опытомъ многихъ предшествующихъ войнъ.

Вслѣдствіе того, рораріи были уничтожены, а гастаты и принципы усилены соединеніемъ по 2 центуріи ихъ вмѣстѣ, и эти отдѣленія были названы манипулами (manipulae). Изъ акцензовъ же и легковооруженныхъ воиновъ (leves) были образованы велиты (veliti). Тріаріи же и конница сохранили свой составъ и строй безъ измѣненія.

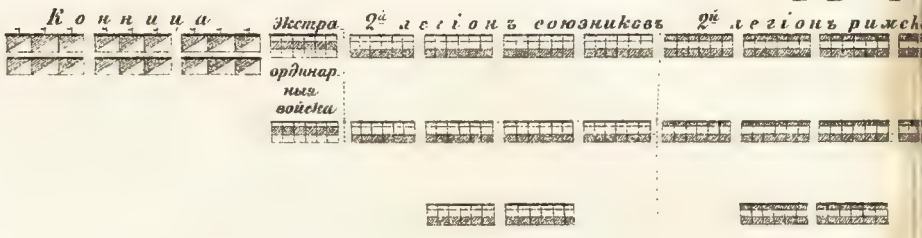
Съ этого времени (279—275 г.), передъ 1-ю пуническою войною, римскіе легіоны стали строиться по манипуламъ въ 3 линіи: въ 1-й находились гастаты, во 2-й—принципы и въ 3-й—тріаріи. Это было основано на вѣрномъ убѣжденіи, что первый натискъ было выгоднѣе производить младшими возрастомъ и болѣе пылкими воинами, постепенно поддерживая ихъ старшими и болѣе опытными и твердыми. Каждая изъ трехъ линій дѣлилась на 10 манипулъ, а каждая манипула гастатовъ и принциповъ состояла

Строй Легіона

Строй Легіон
въ д

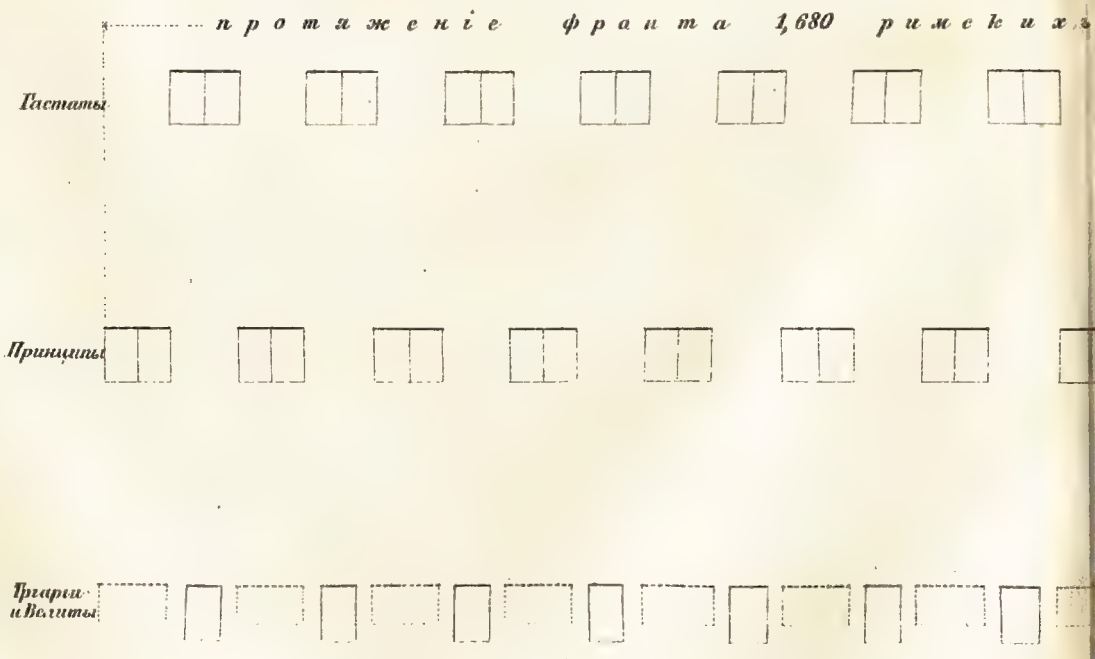


Строй Легіо
въ т



Строй по манипуля

протяженіе фронта 1,680 римскихъ



о манипуламъ

1й легіонъ римскій | 1й легіонъ союзниковъ | Конница

по когортамъ

ъ линіи

1й легіонъ римскій | 1й легіонъ союзниковъ | Экстра-ординарныя войска | Конница

а по когортамъ

и линіи

1й легіонъ римскій | 1й легіонъ союзниковъ | Экстра-ординарныя войска | Конница

мъ

футовъ

84 ф. | 84 ф.

64 ф. | 250 ф. | 64 ф. | 692 римскихъ фута | 250 ф. | 64 ф. | глубина

Строй конницы
по зади линій

Манипула
гастатовъ
или принциповъ
120 человѣкъ

60 ч. | 10 ч.

Центурія | Декурія

Когорта
Полибія

Турма
(30 всадниковъ)
1й декуріонъ

3й декуріонъ | 2й декуріонъ

3 начальника
въ замкѣ

Манипула
Тріаріевъ
60 ч.

Когорта Полибія
300 человѣкъ

120 | 120 | 60

Гастаты | Принципы | Тріаріи

Картографическое Зав. А. Ильина по Б. Мал. № 4

изъ 120-ти воиновъ, строилась по 12 чел. въ шеренгѣ или во фронтѣ и по 10 чел. въ ряду или въ глубину и подраздѣлялась на 2 центуріи и на 12 декурій. Манипулы же тріаріевъ имѣли только по одной центуріи въ 60 чел. каждая и строились по 12 чел. во фронтѣ и по 5 чел. въ глубину. Велиты причислялись къ 1-й линіи — гастатовъ и къ 3-й — тріаріевъ, по 60 чел. на каждую манипулу, но опредѣленныхъ мѣстъ и строя не имѣли.

Въ 5-ти и 6-ти-тысячныхъ римскихъ легіонахъ увеличивали пропорціонально числительную силу манипулъ гастатовъ и принциповъ, но тріаріи, какъ сказано, всегда оставались въ одинаковомъ числѣ.

Въ строю каждый легіонеръ занималъ пространство въ 6 футовъ, необходимое для свободнаго дѣйствія дротикомъ, копьемъ, мечомъ и щитомъ. Но для обороны противъ конницы ряды и шеренги смыкались на 3 и даже на $1^1/_2$ фута.

Въ общемъ строѣ, манипулы строились въ квинкунціальномъ (quincuncialis, en quinconce) или шахматномъ порядкѣ, съ интервалами, равными длинѣ фронта каждой въ разомкнутомъ строѣ, и на дистанціяхъ въ 50 шаговъ и болѣе разстоянія линіи отъ линіи.

Конница римскаго легіона раздѣлялась на 10 турмъ, изъ 30 всадниковъ и 3-хъ декурій по 10 всадниковъ каждая. Турмы строились по 10 всадниковъ во фронтѣ и по 3 въ глубину Всѣ 10 турмъ легіонной конницы назывались крыломъ (ala).

Манипулы и турмы одинаковыхъ нумеровъ (1-го, 2-го и т. д.), съ причисленными къ манипуламъ велитами, составляли, въ глубину всѣхъ 3-хъ линій, тѣхъ же нумеровъ когорты (cohors, cohortes), именно: 1-я манипулы гастатовъ, принциповъ и тріаріевъ, съ ихъ велитами и съ 1-ю турмою конницы составляли 1-ю когорту, 2-я — 2-ю и т. д. Это было весьма разумное учрежденіе, потому что каждая когорта состояла изъ всѣхъ родовъ воиновъ и имѣла, въ общемъ строѣ легіона, свой строй въ 3 линіи въ глубину, съ резервами, поддерживавшими другъ друга. Такимъ образомъ въ римскомъ легіонѣ было 10 когортъ, каждая изъ

120 гастатовъ, 120 принциповъ, 60 тріаріевъ, 120 велитовъ и 30 всадниковъ, а всего изъ 420 чел. пѣхоты и 30 чел. конницы, но могла и дѣйствовать какъ самостоятельная тактическая единица, что доставляло большія выгоды и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ боевомъ порядкѣ обыкновенной римской консульской арміи римскіе легіоны находились въ серединѣ, 1-й на право, 2-й на лѣво, а легіоны союзниковъ — на крылахъ (alae), 1-й на правомъ, 2-й на лѣвомъ, почему послѣдніе часто назывались также аларіями (alares). Конница обыкновенно строилась на крайнихъ флангахъ обоихъ крылъ арміи, въ 1 или въ 2 линіи, но иногда, смотря по обстоятельствамъ или мѣстности, была помѣщаема впереди и позади пѣхоты, или между линіями, дѣйствуя небольшими отдѣленіями сквозь ихъ интервалы. Экстраординарныя же войска и аблекты союзниковъ составляли отдѣльные резервы арміи.

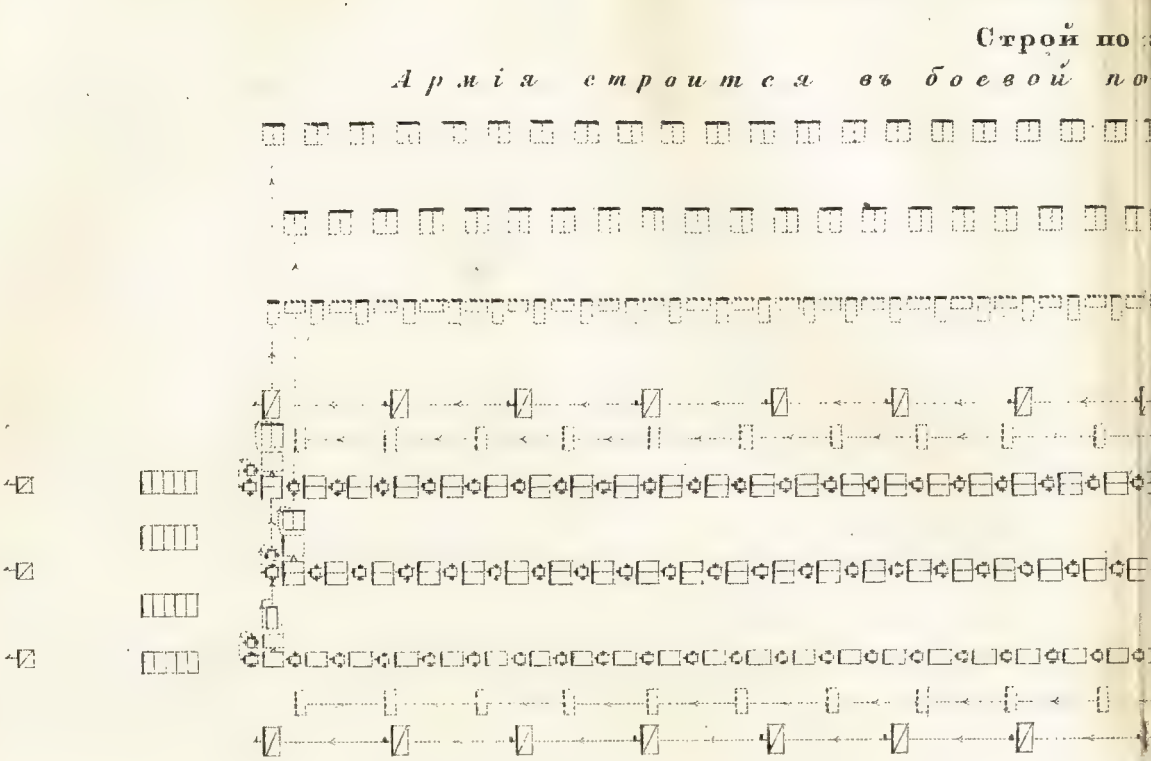
Таковъ былъ строй римскихъ легіоновъ и армій съ 279 — 275 гг. до конца 2-й пунической войны. Но послѣ онъ былъ нѣсколько измѣненъ тѣмъ, что въ 1-ю линію снова стали ставить, какъ прежде, принциповъ, во 2-ю — гастатовъ, за 2-ою — велитовъ. если они не были употребляемы впереди 1-й,—3-я же линія тріаріевъ была отодвинута далѣе назадъ. Это измѣненіе было основано на опытѣ, пріобрѣтенномъ во 2-й пунической войнѣ, а именно — что судьба боя зависитъ не только отъ пылкости и стремительности натиска и удара 1-й линіи, но и отъ ея выдержки, устойчивости и твердости.

Логистика (искуство производить въ извѣстномъ порядкѣ походныя движенія армій) была у римлянъ, до самаго сраженія при Каннахъ, въ довольно неудовлетворительномъ состояніи. Арміи ихъ переходили изъ одного лагеря въ другой безъ особеннаго порядка и надлежащихъ предосторожностей, отчего нерѣдко попадали въ засады или иного рода трудныя и опасныя положенія, подвергались внезапнымъ нападеніямъ и претерпѣвали неудачи и даже пораженія, какъ напримѣръ въ кавдійскихъ фуркулахъ или горныхъ ущельяхъ, при Тразименскомъ озерѣ и проч. Но за то, наученные опытомъ, римляне скоро и значительно усовершен-

ПОХОДНЫЕ ПОРЯДКИ

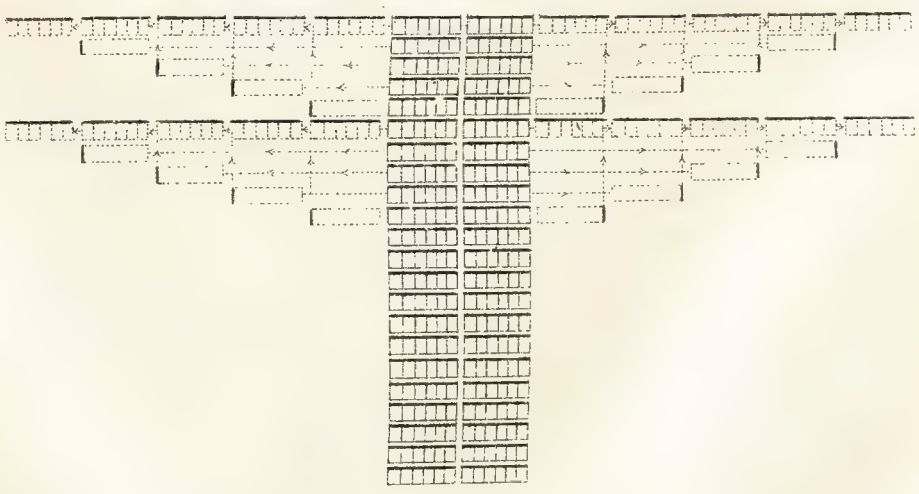
Строй по

Армія строится въ боевой по



по когортамъ

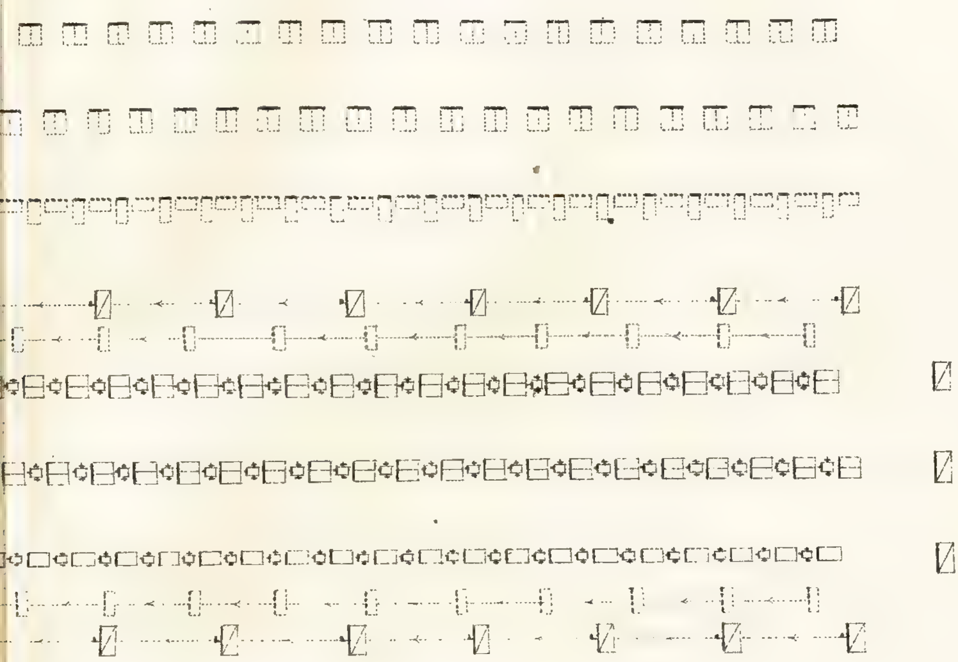
въ одну колонну, въ двѣ когорты во фронтъ.



РИМСКОЙ АРМІИ

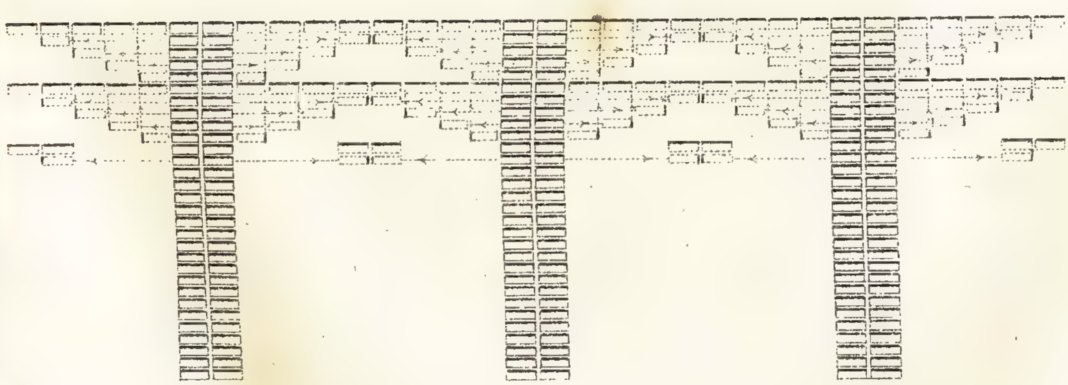
анипуламъ

ядокъ къ сторонѣ гастатовъ



по когортамъ

въ три колонны



Литографическое заведеніе А. Ильина по Б. Морской ул. д. №

ствовали эту часть своей тактики и этому первоначально и особенно были обязаны знаменитому диктатору Фабію Кунктатору или медлителю, послѣ сраженія при Каннахъ. Съ этого времени римскія арміи совершали походныя движенія, смотря по обстоятельствамъ, одною или нѣсколькими колоннами, рядами, отдѣленіями, по когортамъ, или линіями боеваго порядка. Впереди, въ видѣ передовой стражи (авангарда) обыкновенно шли экстраординарныя войска и часть велитовъ, а за ними, когда армія двигалась правымъ флангомъ—1-й легіонъ союзниковъ, съ тяжестями своими и передовой стражи позади, — потомъ 1-й римскій легіонъ, также съ своими тяжестями позади, — потомъ тяжести 2-го легіона союзниковъ и за ними самый этотъ легіонъ, съ тяжестями задней стражи (арріергарда), шедшей въ хвостѣ всей арміи и состоявшей изъ аблектовъ и остальной части велитовъ. Въ походныхъ движеніяхъ армій лѣвымъ флангомъ порядокъ былъ тотъ же, но только обратный. Конница шла обыкновенно при тяжестяхъ и наблюдала за порядкомъ въ нихъ. На походѣ, впередъ и по сторонамъ посылались легкія войска и большое число лазутчиковъ (speculatores) для развѣдыванія о непріятелѣ. При отступленіи же, экстраординарныя войска, съ находившимися при нихъ велитами, составляли заднюю стражу (арріергардъ).

Такъ передвигались римскія арміи изъ одного ночнаго лагеря въ другой. Устроеніе лагерей, расположеніе въ нихъ войскъ и исполненіе ими въ нихъ лагерной службы — изложены ниже (§ 128). Здѣсь же слѣдуетъ по порядку изложить образъ дѣйствій римскихъ армій въ бою.

Прежде всего нужно сказать, что римляне, справедливо убѣжденные въ несомнѣнномъ и важномъ преимуществѣ, въ физическомъ и особенно въ нравственномъ отношеніи, почина и наступательнаго образа дѣйствій въ бою передъ выжиданіемъ и оборонною, всегда имѣли правиломъ и обычаемъ — самимъ первымъ производить нападеніе. Приготовленія къ бою заключались въ слѣдующемъ: о намѣреніи своемъ напасть на непріятеля и вступить съ нимъ въ бой, полководецъ извѣщалъ армію, вывѣшивая передъ своею ставкою пурпуровую свою мантію (см. ниже § 127). По

этому знаку, войска немедленно приготовляли свое оружіе и подкрѣпляли себя пищей, затѣмъ полководецъ краткою рѣчью (allocutio) поощрялъ ихъ къ достойному, мужественному исполненію своего долга, и армія, выступивъ изъ лагеря, строилась впереди его въ боевой порядокъ, такъ какъ римляне всегда имѣли обыкновеніе сражаться въ бою въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи впереди своего укрѣпленнаго лагеря, какъ крѣпостцы и опорнаго пункта. По этой же причинѣ всѣ большія и малыя тяжести арміи, въ томъ числѣ поклажа (багажъ) воиновъ, въ походѣ носимая ими на себѣ, была оставляема въ лагерѣ, подъ охраной особенно назначаемой для того стражи.

По свидѣтельству Полибія и особенно Вегеція, боевыхъ порядковъ армій у римлянъ было вообще 7, а именно: 1-й—обыкновенный (fronte longa, quadro exercitu), въ видѣ 4-хъ-угольника съ длиннымъ фронтомъ, съ фронтальнымъ, параллельнымъ нападеніемъ; 2-й и 3-й—косвенные, съ праваго или лѣваго крыла,—4-й и 5-й—косвенные съ обоихъ крылъ, съ удержаніемъ центра на мѣстѣ (Сципіонъ африканскій при Илингѣ), 6-й — также косвенный, съ атакою однимъ крыломъ и съ удержаніемъ на мѣстѣ центра и другаго крыла,—и наконецъ 7-й—съ атакою одного крыла и съ обороною центра и другаго крыла за естественнымъ препятствіемъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что эти 7 римскихъ боевыхъ порядковъ Вегеція, о которыхъ въ новыя и новѣйшія времена было писано чрезвычайно много и весьма многими писателями, относятся болѣе къ слѣдующимъ періодамъ бо́льшаго развитія римскихъ тактики и вообще военнаго искуства, — и что эти 7 боевыхъ порядковъ были собственно только различные виды двухъ главныхъ родовъ оныхъ: прямаго и косвеннаго. Въ настоящемъ же періодѣ римляне употребляли большею частію прямой съ фронтальнымъ нападеніемъ пѣхоты и только конницею во флангъ и въ тылъ.

По построеніи въ боевой порядокъ, какъ означено выше, по 1-му сигналу трубъ и роговъ вся армія поднимала боевой кликъ (barritus), по бо́льшимъ или меньшимъ живости и громкости кото-

раго предводитель арміи могъ уже судить о нравственномъ состояніи духа войскъ и о вѣроятной участи боя. По 2-му сигналу трубъ и роговъ вся армія двигалась впередъ, а по 3-му производила самое нападеніе, бѣглымъ шагомъ, съ громкимъ крикомъ, удареніемъ копьями по щитамъ и при звукѣ всѣхъ музыкальныхъ орудій — столько же для устрашенія непріятеля, сколько и для ободренія и одушевленія собственныхъ войскъ.

Порядокъ, ходъ и образъ боя были вообще слѣдующіе: велиты разсыпались передъ фронтомъ арміи и начинали бой метаніемъ своихъ дротиковъ и частными (т. е. по частямъ) нападеніями, съ цѣлію утомить и разстроить непріятеля. По приближеніи же линейныхъ войскъ, они бѣгомъ отступали чрезъ промежутки (интервалы) между ними и одна часть удалялась за 3-ю линію тріаріевъ въ резервъ, а другая поддерживала гастатовъ и принциповъ, снабжала ихъ дротиками и гастами и выводила раненыхъ изъ строя.

По отступленіи велитовъ, первое нападеніе производила 1 я линія гастатовъ (позже принциповъ). Приблизясь къ непріятелю шаговъ на 10—12, они бросали въ него свои гасты, при чемъ переднія шеренги нѣсколько наклонялись, и затѣмъ немедленно производили ударъ въ мечи. Если они были отражены, то бѣгомъ отступали чрезъ промежутки 2-й линіи и строились за нею или и за тріаріями. Второе нападеніе производила такимъ же образомъ 2-я линія принциповъ (позже гастатовъ) и, если была отражена, бѣгомъ отступала чрезъ промежутки 3-й линіи тріаріевъ и строилась за нею либо сомкнутыми частями (колоннами) въ ея промежуткахъ. Между тѣмъ тріаріи въ 3-й линіи все время стояли на одномъ колѣнѣ, прикрываясь щитами отъ непріятельскаго метательнаго оружія, и если отраженные гастаты и принципы отступали за нихъ, то или одни, или въ совокупности со всѣми другими родами войскъ производили третье, послѣднее и рѣшительное нападеніе (res ad triarios rediit). Конница на флангахъ, въ началѣ и въ продолженіи боя, по общему въ древнія времена обычаю, производила стремительныя нападенія на находившуюся противъ нея непріятельскую конницу, и если опрокидывала ее, то или преслѣдовала или нападала на пѣхоту въ срединѣ непріятельской арміи

во флангъ и въ тылъ. Въ случаѣ пораженія непріятельской арміи, ее преслѣдовали конница и велиты, поддерживаемые экстраординарными войсками; линейная же пѣхота снова выстраивалась въ 3 линіи и шла впередъ за экстраординарными войсками. Въ случаѣ же отступленія римской арміи, его прикрывали велиты, конница, экстраординарныя войска и тріаріи.

Таковы были болѣе общіе и обыкновенные порядки, ходъ и образъ боя римскихъ армій въ полѣ; но они измѣнялись почти въ каждомъ сраженіи, болѣе или менѣе, въ частностяхъ, вслѣдствіе соображеній и распоряженій предводителей армій, сходно съ обстоятельствами, расположеніемъ непріятеля и мѣстностью, которую римляне всегда принимали въ соображеніе, гораздо болѣе, нежели другіе народы и даже греки. Оттого сраженія римлянъ, имѣя одинъ общій, главный характеръ, въ частности видоизмѣнялись болѣе или менѣе разнообразно.

§ 126.

Римскій легіонъ и римская тактика, преимущества и недостатки ихъ и сравненіе ихъ съ греческою фалангой и греческою тактикой.

Изъ изложеннаго выше можно уже составить себѣ понятіе о преимуществахъ и недостаткахъ тактическаго устройства римскихъ войскъ и армій въ настоящемъ періодѣ вообще, относительно къ тѣмъ народамъ, съ которыми римляне вели въ немъ войны, и въ особенности къ тому народу, который до этихъ поръ имѣлъ исключительное въ этомъ отношеніи первенство въ древнемъ мірѣ, именно къ грекамъ, съ которыми римляне пришли въ первое столкновеніе въ войнахъ: съ Пирромъ въ Италіи и позже съ Македоніей и Греціей. До этого столкновенія, въ войнахъ съ народами Италіи, даже въ продолжительной и упорной съ воинственными, храбрыми и небезъискусными самнитянами, и съ народами неиталійскими — полудикими, но воинственными, храбрыми и страшными галлами, и наконецъ съ карѳагенянами въ 1-й пунической войнѣ, тактическое

устройство римскихъ войскъ и армій явило несомнѣнное и рѣшительное превосходство, хотя и не обошлось безъ уроковъ, болѣе или менѣе—и подъ-часъ очень—жестокихъ. Но римляне были не такой народъ, чтобъ эти уроки, какъ бы ни были жестоки, прошли для нихъ даромъ и безъ слѣда. Напротивъ, чѣмъ болѣе они были жестоки, тѣмъ болѣе римляне извлекали изъ нихъ пользы для себя, и весь періодъ войнъ ихъ съ 343-го года — начала 1-й войны съ самнитянами—до войны съ Тарентомъ и Пирромъ (282—272) и особенно съ этой послѣдней до войны нумантійской включительно (140—133) былъ для римлянъ отличною военно-практическою школой, въ которой тактическое искуство ихъ возрасло, развилось, возмужало и окрѣпло на столько, что потомъ, на этомъ твердомъ и прочномъ основаніи, стало возноситься все выше и выше, распространяться все шире и далѣе, и легко и скоро повело — къ покоренію римлянами полъ-міра извѣстнаго въ древности.

Но самымъ любопытнымъ явленіемъ въ настоящемъ періодѣ есть—первое столкновеніе римлянъ съ греками въ военномъ отношеніи вообще и въ тактическомъ въ особенности. Тутъ уже лицомъ къ лицу стали двѣ тактическія системы и формы, старѣйшая—греческая, въ формѣ фаланги и новѣйшая—римская, въ формѣ легіона, и въ высшей степени любопытно и еще болѣе поучительно изслѣдовать, на чьей сторонѣ оказалось преимущество?

И такъ разсмотримъ сначала преимущества и недостатки римскихъ: системы, тактики и легіона вообще, а потомъ—сравнительно съ греческими въ формѣ фаланги.

Главными преимуществами первыхъ вообще были: 1) строй легіона въ 3 линіи съ резервами, съ тактическимъ дѣленіемъ его и вдоль фронта, и въ глубину (по когортамъ),—2) взаимныя подкрѣпленіе и смѣна линій, посредствомъ чего бой можно было возобновлять 3 раза и каждый разъ съ свѣжими, старѣйшими и лучшими войсками,—3) необыкновенныя: гибкость, ломкость и удободвижимость строя, не исключавшія необходимыхъ твердости и силы его и дѣлавшія его способнымъ ко всякаго рода передвиженіямъ и построеніямъ. а слѣдовательно и къ дѣйствіямъ на всякаго рода мѣстности, и ровной, и пересѣченной,—4) соединеніе и взаимная

связь разныхъ родовъ и частей войскъ въ легіонѣ и въ когортѣ, почему и тотъ и другая могли, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать какъ самостоятельныя тактическія единицы,—наконецъ 5) при всемъ этомъ превосходныя: вооруженіе и строевое обученіе римскихъ воиновъ. Копья гастатовъ (позже принциповъ), ловко метаемыя разомъ вдругъ на самомъ близкомъ разстояніи (10—12 шаговъ), уже въ самомъ началѣ боя приводили непріятеля въ замѣшательство и разстройство, а немедленно слѣдовавшій затѣмъ общій, быстрый и сильный ударъ въ мечи довершалъ пораженіе непріятеля. Если же непріятель успѣвалъ выдержать и отразить первый натискъ и ударъ, то долженъ былъ выдерживать, одинъ вслѣдъ за другимъ и одинъ сильнѣе другаго, второй и третій. То были три жестокихъ удара цѣлымъ фронтомъ трехъ линій легіона, наносимыхъ одинъ за другимъ, какъ молотомъ по наковальнѣ. Между тѣмъ шахматное расположеніе манипулъ и позже когортъ, облегчая смѣну линій и сквозныя атаки, препятствовали непріятелю проникать въ промежутки (интервалы), а если онъ и покушался на это и съ успѣхомъ, то разстройство одной или нѣсколькихъ манипулъ не могло имѣть особенно важнаго вліянія на цѣлый строй легіона и на судьбу цѣлаго боя; для не предвидимыхъ же и крайнихъ случаевъ всегда имѣлся въ готовности достаточный резервъ въ экстраординарныхъ войскахъ и аблектахъ.

За всѣмъ тѣмъ, строй по манипуламъ, какъ уже было сказано выше, оказалъ довольно важные недостатки, происходившіе отъ раздробленія войскъ на малыя и слабыя части — въ войнахъ съ такими народами, какъ галлы и позже испанцы. Они, въ стремительныхъ нападеніяхъ своихъ всею массою огромныхъ силъ своихъ, разомъ проникали въ промежутки и окружали манипулы во всѣхъ 3-хъ линіяхъ и иногда приводили цѣлую римскую армію въ разстройство. Это и побудило римлянъ перейти къ гораздо лучшему и выгоднѣйшему строю по когортамъ, о которомъ упомянуто выше, а иногда даже строить легіонъ въ видѣ фаланги, безъ промежутковъ, вводя манипулы или когорты 2-й линіи въ промежутки 1-й и вооружая переднія шеренги длинными копьями. Кромѣ того, шахматный строй легіона по манипуламъ и позже по ко-

гортамъ требовалъ, какъ непремѣннаго условія, отличнаго тактическаго, строеваго образованія и особенныхъ: сметливости, самоувѣренности и твердости, какъ одиночно отъ каждаго легіонера, такъ и отъ цѣлаго легіона вообще. И пока—какъ въ настоящемъ періодѣ—римскіе легіонеры и легіоны вполнѣ удовлетворяли этому условію, вслѣдствіе постояннаго съ молодыхъ лѣтъ и отличнаго военнаго практическаго образованія и строеваго обученія, римлянамъ нечего было опасаться и они во всякомъ трудномъ положеніи легко и скоро находили средства помогать себѣ и не только отражать непріятеля, но и окончательно наносить ему пораженіе. Но — это было только въ настоящемъ періодѣ: позже же, какъ увидимъ послѣ, многое въ этомъ отношеніи измѣнилось.

Первое столкновеніе римлянъ съ греками—съ Пирромъ и затѣмъ, въ 1-й пунической войнѣ, съ сицилійскими греками и съ карѳагенянами, строившимися и сражавшимися по греческой системѣ—впервые противупоставило лицомъ къ лицу римскій легіонъ и греческую фалангу. Въ первыхъ дѣйствіяхъ одного противъ другой, всѣ тактическія движенія и дѣйствія легіона были просты, несложны, немногочисленны, почти опредѣлительны на каждый случай. А когда обстоятельства выходили изъ ряду обыкновенныхъ, предводители римскихъ армій, самолично, по внушенію собственныхъ опытности и военныхъ дарованій, принимали сообразныя съ тѣмъ мѣры. Но во 2-й пунической войнѣ, въ дѣйствіяхъ противъ такого великаго полководца, какъ Аннибалъ, римляне изъ жестокаго для нихъ опыта скоро убѣдились, что имъ необходимо было внимательнѣе и глубже изучить трудную науку военнаго искуства и къ прежнимъ достоинствамъ своимъ въ ней присоединить именно болѣе утонченное искуство. И въ этомъ первое начало, первое основаніе положилъ у нихъ диктаторъ Фабій, превосходною, можно сказать образцовою своею системою чисто-оборонительнаго свойства, а дальнѣйшія развитіе и усовершенствованіе далъ ей Сципіонъ африканскій младшій, своею системою наступательно-оборонительнаго свойства, даровавшею римлянамъ побѣды при новомъ Карѳагенѣ и Илингѣ въ Испаніи и наконецъ при Замѣ въ Африкѣ. Съ тѣхъ поръ римская тактика стала уже всѣ быстрѣе,

болѣе и постоянно развиваться и совершенствоваться, и уже въ концѣ настоящаго періода, въ войнахъ съ Македоніей и Греціей, пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ греческой тактикой, а римскій легіонъ надъ македонскою и греческою фалангой. А когда это было совершено, тогда для римскаго оружія уже ничего не значило одолѣвать войска Азіи, Африки и Европы.

И такъ сопоставимъ римскій легіонъ и греческую фалангу и сличимъ ихъ преимущества и недостатки въ дѣйствіяхъ другъ противъ друга. И тутъ прежде всего бросается въ глаза совершенно противуположный, главный характеръ фаланги и легіона. У первой онъ былъ (какъ уже было объяснено въ I-й части, въ главѣ VI § 39) преимущественно оборонительный, стоя на мѣстѣ, или наступательный только на совершенно ровной и открытой мѣстности, на небольшихъ разстояніяхъ, во всей совокупности и тѣсной, неразрывной связи всѣхъ частей фаланги. Главный же характеръ римскаго легіона былъ преимущественно наступательный, но притомъ и оборонительный, иначе наступательно-оборонительный, потому что римскій легіонъ могъ съ одинаковыми: удобствомъ, силой и успѣхомъ дѣйствовать и наступательно, и оборонительно, на всякаго рода мѣстности, и ровной, и пересѣченной, на малыхъ и на большихъ разстояніяхъ, въ цѣлой совокупности своей и по частямъ. Фаланга не имѣла резервовъ и потому частное, какъ и общее, разстройство ея обыкновенно влекло за собою потерю сраженія и полное, совершенное пораженіе. Легіонъ же, напротивъ, построенный въ 3 линіи съ резервомъ, могъ три раза возобновлять бой съ свѣжими войсками. По вооруженію, греческій оплитъ съ своимъ длиннымъ копьемъ былъ способенъ только къ дѣйствію въ тѣсно-сомкнутомъ строѣ фаланги, а внѣ его вовсе не былъ способенъ ни къ какой оборонѣ, точно также какъ и греческій пилъ, совершенно безоружный. Римскій же воинъ, какъ легіонеръ, такъ и велитъ, могъ одинаково дѣйствовать и въ сомкнутомъ, и въ разсыпномъ строѣ. Наконецъ, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что греки ни временемъ, ни опытомъ не могли убѣдиться въ недостаткахъ своей тактической системы и, не смотря нато, что были весьма

образованнымъ народомъ и, въ числѣ всѣхъ наукъ, много занимались и военною, но, по своимъ народнымъ гордости и тщеславію, считая себя выше всѣхъ народовъ, никогда и ничего не измѣняли въ ней и не заимствовали у другихъ народовъ, и нѣкоторымъ образомъ считали это унизительнымъ для себя и потому всегда сохраняли свою тактическую систему все въ томъ же, односторонпемъ и несовершенномъ видѣ. Напротивъ римляне, народъ по преимуществу воинственный, никогда не пренебрегали и всегда были готовы заимствовать у другихъ народовъ, даже необразованныхъ, то, что́ находили въ ихъ военныхъ учрежденіяхъ практически полезнымъ и достойнымъ подражанія. Такъ они въ разныя времена измѣнили прежнія свои: длинныя копья—на короткія копья самнитянъ, короткіе мечи—на болѣе длинные, широкіе и обоюдоострые испанскіе, и небольшіе щиты на длинные, выпуклые щиты сабинянъ;—конницу свою послѣ войны съ Пирромъ они стали вооружать по образцу греческихъ катафрактовъ, а строй легіона въ видѣ фаланги постепенно измѣнили въ строй по центуріямъ, потомъ по манипуламъ и наконецъ по когортамъ.

Такимъ образомъ вообще должно сказать, что римскіе: легіонъ, тактика и тактическая система имѣли рѣшительное превосходство надъ греческими: фалангой и тактикой. Справедливость этого подтверждается исторіей и побѣдами, одержанными римлянами надъ македонянами и греками при Киноке́фалахъ, Пидпѣ, Магнесіи, Коринѳѣ и пр. Особенно сраженіе при Пиднѣ служитъ лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Македонская фаланга была построена къ бою на самой выгодной для него мѣстности — открытой равнинѣ. Предводитель римской арміи, консулъ Павелъ Эмилій, видя трудность одолѣть эту огромную, глубокую, тѣсно-сомкнутую массу войскъ, покрытую желѣзомъ и вооруженную длинными сариссами—прямымъ, фронтальнымъ нападеніемъ, приказалъ легіонамъ, послѣ нѣсколькихъ ложныхъ атакъ, отступать съ боемъ, производя частныя нападенія по когортамъ, дабы привесть фалангу въ утомленіе и разстройство, и вполнѣ достигъ своей цѣли. Фаланга, слѣдуя за отступавшими легіонами, разстроилась и разорвалась въ рядахъ, и римскія войска, ворвавшись въ промежутки ихъ, совершенно истребили всю фалангу.

§ 127.

Внутреннее устройство и духъ войскъ и армій.

Отъ тактическаго устройства римскихъ войскъ и армій обращаясь къ внутреннему, въ главѣ всего слѣдуетъ поставить военное образованіе и строевое обученіе, не только по поступленіи римскихъ гражданъ на дѣйствительную службу, но еще и до того.

Римляне уже заранѣе приготавливали своихъ молодыхъ гражданъ, моложе 17-ти лѣтъ, къ военной службѣ, но поступали въ этомъ совсѣмъ не такъ, какъ греки. Они не обучали ихъ военнымъ наукамъ и не ограничивались одними гимнастическими упражненіями, но давали имъ полное, военно-строевое образованіе, такъ чтобы они по достиженіи 17-ти лѣтъ немедленно могли поступать въ ряды войскъ, уже совсѣмъ готовыми къ службѣ въ нихъ. Они не содержали, подобно грекамъ, общественныхъ училищъ и преподавателей военныхъ наукъ, признавая это безполезнымъ для массы народа и даже вреднымъ въ отношеніи къ безпрекословному повиновенію воиновъ начальникамъ ихъ и къ строгому соблюденію воинскихъ подчиненности и порядка въ войскахъ. Такимъ образомъ, хотя они, какъ и греки, имѣли народный образъ правленія и были свободными гражданами республики, но, будучи народомъ преимущественно воинственнымъ и притомъ положительнымъ и практическимъ, въ войскахъ и военной службѣ соблюдали строгую дисциплину, основанную на подчиненности и повиновеніи и соединенную съ знаніемъ всѣми военно служащими только практически необходимаго и полезнаго въ строю. Усовершенствованіе же въ теоретическихъ военныхъ познаніяхъ тѣхъ изъ молодыхъ гражданъ, которые, по знатности происхожденія и рода, могли имѣть право на повышеніе и полученіе отличій, они предоставляли ихъ семействамъ, строго наблюдая только, чтобы всѣ молодые граждане, моложе 17-ти лѣтъ, собирались въ назначенное время на Марсовомъ полѣ, для военныхъ упражненій. Здѣсь, въ присутствіи военачальника и подъ руководствомъ опытныхъ воиновъ, ихъ обучали 1) военнымъ: стойкѣ, хожденію военнымъ шагомъ, бѣгу, взлѣзанію на валы и высоты, поодиночкѣ и цѣлыми отдѣленіями, безъ поклажи

и съ полной поклажей; 2) прыганію черезъ рвы и преграды, вольтижированію и плаванію; 3) дѣйствію разнаго рода оружіемъ, для чего въ землю вбивались толстые колья, въ которые обучавшіеся стрѣляли изъ луковъ, метали дротики и нападали на нихъ съ мечами, учась прикрывать себя щитами во всякомъ положеніи тѣла; при этомъ все вооруженіе было вдвое тяжелѣе обыкновеннаго для того, чтобы это послѣднее позже, въ дѣйствительномъ бою съ непріятелемъ, уже казалось гораздо легче; наконецъ 4) ношенію большихъ тяжестей, производству земляныхъ работъ, построенію укрѣпленныхъ лагерей, оборонѣ и атакѣ ихъ, и пр. т. п.

Такого же рода упражненіями, но еще болѣе усиленными, занимали воиновъ на дѣйствительной службѣ, какъ въ полѣ—въ лагеряхъ, такъ въ гарнизонахъ—въ городахъ, причемъ оказывавшіе особенное отличіе получали награды деньгами и подарками. Кромѣ того, военное начальство, справедливо признавая постоянную дѣятельность воиновъ самымъ лучшимъ средствомъ къ сохраненію ихъ здоровья, бодрости тѣлесной и душевной, доброй нравственности и истиннаго военнаго духа, занимало войска также производствомъ практическихъ походовъ усиленными переходами, въ полномъ вооруженіи и съ полной поклажей, разбивкой и укрѣпленіемъ полевыхъ лагерей, лагерною службой, примѣрными сраженіями и разными военными играми, а также употребляло ихъ на общественныя работы: построеніе амфитеатровъ, водопроводовъ, государственныхъ и военныхъ дорогъ (которыя всѣ были построены войсками) и пр. т. п.

Такого рода военными упражненіями римскихъ гражданъ, съ ранней молодости, римское правительство легко достигало необыкновенно скораго набора легіоновъ, совершенно готовыхъ къ немедленному выступленію въ поле и къ боевымъ дѣйствіямъ въ немъ, и возбуждающихъ невольное удивленіе способности римскихъ воиновъ безропотно переносить величайшіе, неимовѣрные труды, и зной, и холодъ, и непогоды, во всѣ времена года и (позже) во всѣхъ климатахъ. А между тѣмъ историки очень рѣдко упоминаютъ о болѣзняхъ, особенно заразительныхъ, въ римскихъ арміяхъ, и о потеряхъ отъ нихъ.

Строевыя эволюціи и построенія, бывшія въ употребленіи въ римскихъ войскахъ, были подобны греческимъ и состояли:

Въ пѣхотѣ (легіонной)—изъ разнаго рода движеній впередъ и назадъ, рядами или цѣлымъ фронтомъ, на право и на лѣво, шеренгами или флангами, изъ смыканія и размыканія рядовъ и шеренгъ, вздвоиванія, захожденій и т. п. Но, по свойству устроенія легіоновъ, значительности промежутковъ между манипулами, когортами и линіями и происходившимъ отъ того гибкости, ломкости и удободвижимости легіоннаго строя, всѣ эти эволюціи и построенія производились съ гораздо бо̀льшими удобствомъ и скоростью, нежели въ тяжеломъ и неповоротливомъ строѣ греческой фаланги. Къ тому же и римскій военный шагъ былъ болѣе или менѣе скорый, обыкновенный (gradus militaris) — по 120 шаговъ въ минуту, скорый (gradus plenus)—по 145-ти и бѣглый или бѣгъ (cursus), скорость котораго зависѣла отъ обстоятельствъ. Всѣ вообще строевыя эволюціи, построенія и движенія производились мѣрнымъ шагомъ въ ногу, подъ тактъ военной музыки (см. ниже).

Въ конницѣ—эволюціи, построенія и движенія вообще были проще и малосложнѣе, нежели въ пѣхотѣ. Но Сципіонъ африканскій младшій, по смерти отца и дяди своихъ назначенный начальникомъ римскихъ войскъ въ Испаніи, обратилъ особенное вниманіе на лучшія устройство и образованіе конницы. Полибій сохранилъ намъ весьма любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ эволюціяхъ, построеніяхъ и движеніяхъ, въ которыхъ Сципіонъ признавалъ необходимымъ упражнять римскую конницу во всѣхъ случаяхъ. Они заключались: для одиночныхъ всадниковъ—въ поворотахъ на право, на лѣво и кругомъ, въ ѣздѣ рядами и шеренгами, а для турмъ—въ заѣздахъ на право, на лѣво и кругомъ, въ движеніяхъ справа, слѣва или изъ середины по 1, 2, 3 и болѣе рядовъ или цѣлымъ фронтомъ, преимущественно вскачъ (галопомъ или въ карьеръ), въ построеніяхъ по декуріямъ и турмамъ фронтомъ въ интервалахъ или въ колонны, развертывавшія фронтъ, изъ котораго отдѣленія снова свертывались въ колонны,—въ движеніяхъ фронтомъ впередъ или на заднюю шеренгу назадъ, или флангами (шеренгами) направо или на лѣво и т. п.

Военныя музыкальныя орудія, бывшія въ употребленіи въ римскихъ войскахъ, носили названія: lituus, tuba,

tubicina, buccina и cornicen или cornus.—Lituus (соотвѣтствовалъ теперешнему горну, clairon) былъ составленъ изъ тонкаго дерева, обтянутаго кожей, издавалъ пронзительный звукъ и употреблялся для разныхъ сигналовъ, особенно въ конницѣ и въ бою.—Tuba и tubicina (мѣдныя трубы), до $2^1/_2$ футовъ длины, издавали звукъ болѣе густой, полный и громкій и употреблялись также для разныхъ сигналовъ,—краткихъ и продолжительныхъ, въ походѣ, лагерѣ и бою. Buccina въ родѣ теперешняго рожка (cornet, cornet à bouquin), и cornicen или cornus—въ родѣ теперешней валторны (waldhorn, cor-de-chasse). Вообще римляне употребляли эти музыкальныя орудія для сигналовъ къ исполненію разныхъ движеній въ строю подъ оружіемъ и въ лагерѣ, къ сбору рабочихъ, для аллокуцій (рѣчей предводителей армій къ войскамъ), къ молчанію и тишинѣ (нынѣ команда: смирно!), къ объявленію о наказаніи или казни, къ выступленію въ походъ, къ провозглашенію начала дневныхъ и ночныхъ стражъ, къ смѣнѣ карауловъ и часовыхъ, къ разводу въ лагерѣ, къ завтраку и ужину, и пр. т. п. Эти сигналы были, для каждой цѣли, различные и одни—краткіе, однозвучные, а другіе—болѣе продолжительные и многозвучные, составлявшіе даже цѣлыя аріи, изъ которыхъ главною и важнѣйшею былъ такъ называемый classicum. Только одинъ предводитель арміи имѣлъ право заставлять играть classicum и каждый изъ нихъ могъ имѣть и часто имѣлъ свой собственный такого рода сигналъ въ видѣ аріи. Кромѣ того военно-музыкальныя орудія въ римскихъ войскахъ служили для равномѣрности движеній, построеній и эволюцій въ тактъ и для одушевленія войскъ до и во время боя.

Военные музыканты—горнисты, трубачи и игравшіе на рогахъ—были распредѣлены по разнымъ отдѣленіямъ легіоновъ (центуріямъ, потомъ манипуламъ и когортамъ, и турмамъ) и при цѣлыхъ легіонахъ, а также при предводителяхъ армій, высшихъ и низшихъ частныхъ начальникахъ войскъ.

Знамена, подобныя теперешнимъ, употреблялись у римлянъ только какъ сигналы для набора войскъ (см. выше); въ строю же, вмѣсто нихъ, въ пѣхотѣ и конницѣ, имѣлись особенные отличительные

знаки (signa) или значки. Въ самыя первыя времена они были очень просты—клокъ сѣна, навязанный на вершинѣ копья, а потомъ носимое на вершинѣ особаго древка, рѣзное изображеніе сжатой кисти человѣческой руки (manus), отчего и произошло названіе манипула (manipula—полная горсть руки, т. е. горсть воиновъ). Но знакомъ легіона былъ римскій одноглавый орелъ, серебряный или вызолоченный, на вершинѣ древка, поперегъ котораго, подъ орломъ, была прикрѣплена разноцвѣтная ткань, съ нумеромъ легіона, когорты и манипулы. Легіонный орелъ всегда находился при 1-й манипулѣ тріаріевъ и былъ ввѣряемъ личноея примипилу (1-му центуріону 1-й манипулы). Поэтому линіи гастатовъ и принциповъ назывались также антесигнанами (antesignani), т. е. стоявшими впереди легіонныхъ знаковъ или орловъ. Знаки или штандарты конницы (vexillae) имѣли ткани огненнаго или ярко-краснаго цвѣта. Римляне признавали свои знаки и особенно орлы священными предметами, тщательно оберегали ихъ и потерю ихъ считали величайшимъ позоромъ для легіоновъ. Случалось, что предводители римскихъ армій, въ случаѣ упорства боя и колебанія побѣды, приказывали бросать орлы въ ряды непріятелей, дабы этимъ побудить свои войска къ выручкѣ ихъ во что бы то ни стало и тѣмъ рѣшить побѣду.

Военное начальствованіе въ римскихъ легіонахъ и арміяхъ имѣло свою правильную іерархію или чинопачаліе.

Въ римскихъ легіонахъ начальствующими чинами были:

Младшими снизу: 1) декуріоны (decuriones) или десятники (соотвѣтствовали нынѣшнимъ унтеръ-офицерамъ), начальствовавшіе 10-ю воинами или однимъ рядомъ каждый и составлявшіе 1-ю шеренгу манипулы. Кромѣ того при каждой манипулѣ состояли: одинъ знакопосецъ (signifer), носившій знакъ (signa) или значекъ манипулы, избираемый всегда изъ сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ и въ отличіе носившій шлемъ, покрытый шкурой львиной или медвѣжьей головы, и одинъ трубачъ; 2) подцентуріоны (duplicati, tergi ductores) или пятидесятники (соотвѣтствовали нынѣшнимъ субалтернъ-офицерамъ); они были назначаемы военными трибунами, по выбору цен-

туріоновъ, и стояли въ замкѣ за манипулами, которыя поэтому центуріоны могли смѣлѣе вести въ бой, не опасаясь безпорядка въ задпихъ шеренгахъ; 3) центуріоны (centuriones, ductores ordinum) или сотники (сотвѣтствовали нынѣшнимъ капитанамъ); они были назначаемы предводителями армій, по выбору военныхъ трибуновъ; въ каждой манипулѣ ихъ было по 2, старшій и младшій; первый стоялъ на правомъ, а второй на лѣвомъ флангѣ передней шеренги (декуріоновъ); старшій центуріонъ 1-й манипулы тріаріевъ назывался примипиломъ (primipilus, первое копье), пользовался достоинствомъ всадника, правомъ засѣдать въ военномъ совѣтѣ и другими почетными преимуществами, и ему исключительно ввѣрялось охраненіе легіоннаго орла;—при выборѣ центуріоновъ вообще, по свидѣтельству Полибія, обращали особенное вниманіе не только на ихъ мужество и храбрость, но и на твердость характера и военную опытность, такъ какъ главною обязанностью ихъ было соблюдать строгій военный порядокъ въ манипулахъ; центуріоны (какъ и всѣ вообще частные начальники въ легіонахъ) отличались разными украшеніями на шлемахъ и латахъ, и носили виноградныя трости, для немедленнаго наказанія виновныхъ рядовыхъ воиновъ.

Въ римской конницѣ каждою турмой начальствовалъ 1 декуріонъ и подъ нимъ 1 поддекуріонъ; старшій изъ декуріоновъ начальствовалъ всею римскою конницею римскаго легіона.

Средними военными чинами были военные трибуны (tribunes militum, соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ штабъ-офицерамъ); они были избираемы первоначально сенатомъ, а потомъ предводителями армій; въ римскомъ легіонѣ ихъ было сначала по 4: 1 старшій и 3 младшихъ, для начальствованія отдѣленіями линейной пѣхоты, потомъ по 6-ти, по одному старшему и одному младшему на каждую изъ 3-хъ линій, и наконецъ по 10-ти, по числу когортъ и по одному на каждую; старшіе изъ нихъ имѣли право засѣдать въ военномъ совѣтѣ и начальствовали легіономъ по очереди (если онъ не состоялъ подъ начальствомъ легата).

Легіонами и когортами союзниковъ начальствовали префекты

(praefecti); прочіе же частные начальники были тѣже, что и въ римскихъ легіонахъ.

Старшими чинами были легаты (legati—посланные), называвшіеся такъ потому, что первоначально были посылаемы сенатомъ въ арміи, въ качествѣ членовъ военнаго совѣта и для начальствованія арміями, въ случаѣ смерти или болѣзни ея предводителя; въ послѣдствіи же предводители армій сами избирали легатовъ изъ числа военныхъ трибуновъ и поручали имъ начальствованіе однимъ, двумя или болѣе легіонами либо отдѣльными отрядами войскъ (почему легаты соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ генераламъ).

Наконецъ высшую степень въ военномъ чинопачаліи занимали предводители армій, а именно, какъ и прежде, одинъ изъ двухъ консуловъ—если въ полѣ была одна армія, или оба—если были 2 арміи, начальствуя обѣими поочередно въ продолженіи сутокъ. Это имѣло большія неудобства и невыгоды и нерѣдко бывало причиной большихъ бѣдствій (какъ, напримѣръ, въ сраженіи при Каннахъ). А потому часто, въ особенно важныхъ или опасныхъ случаяхъ, римляне избирали диктаторовъ съ неограниченною властью. Первымъ диктаторомъ былъ Ларцій Флавъ, избранный въ 497 году, въ войнѣ съ латинянами. Съ тѣхъ поръ до начала войнъ съ самнитянами въ 343 году (въ 154 года) было избрано 33 диктатора, а въ настоящемъ періодѣ съ 343 го года до 133-го (въ 210 лѣтъ) 49, всего 82, изъ которыхъ въ настоящемъ періодѣ самыми замѣчательными были: Папирій Курсоръ въ 309 г., Фабій Максимъ въ 216 г. и Цецилій Метеллъ въ 204 г. Диктаторъ избиралъ себѣ самъ, а иногда сенатъ или народъ назначали ему товарища или помощника, съ званіемъ магистра или начальника конницы (magister equitum). Когда же, послѣ 2-й пунической войны, римляне стали вести войны внѣ Италіи, тогда главное начальствованіе надъ римскими и всѣми другими войсками въ покоренныхъ и подвластныхъ Риму обла. стяхъ ввѣрялось проконсуламъ, пропреторамъ или проквесторамъ, т. е. лицамъ, которыя, прослуживъ 1 годъ въ Римѣ въ званіяхъ консуловъ, преторовъ или квесторовъ (см.

ниже), были назначаемы намѣстниками означенныхъ выше областей, смотря по степени важности послѣднихъ, съ неограниченною властью, какъ военною, такъ и гражданскою, что́ чрезвычайно способствовало быстротѣ, рѣшительности и силѣ военныхъ предпріятій и дѣйствій римскихъ армій. По истеченіи же срока данной намѣстникамъ власти, они были обязаны давать римскому сенату отчетъ въ употребленіи ими этой власти и въ своихъ дѣйствіяхъ. Но, въ случаѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій ихъ, римскій сенатъ поступалъ гораздо благоразумнѣе греческихъ и карѳагенскаго правительствъ, рѣдко подвергая намѣстниковъ взысканіямъ, ибо справедливо опасался тѣмъ увеличивать важность неудачъ въ глазахъ войска и народа, унижать достоинство званія намѣстниковъ и ослаблять дѣятельность послѣднихъ опасеніемъ взысканія.

Отличительными яаружными знаками предводителей римскихъ армій были: пурпуровая мантія или багряница (paludamentum), богатое вооруженіе и пышная конская сбруя. Кромѣ того, ихъ сопровождали ликторы (lictores), учрежденные еще Ромуломъ оффиціальные служители высшаго начальства въ Римѣ. Они предшествовали сначала царямъ, а потомъ консуламъ, диктаторамъ и другимъ высшимъ должностнымъ сановникамъ Рима, и сопровождали ихъ, въ опредѣленномъ для каждаго числѣ (отъ 2-хъ до 12-ти), исполняли ихъ приказанія, связывали преступниковъ изъ римскихъ гражданъ, наказывали ихъ тѣлесно толстыми прутьями, казнили ихъ отсѣченіемъ головы и т. п., для чего носили связки прутьевъ вокругъ топора на длинномъ древкѣ.

Главное управленіе (нынѣ главный штабъ) римской арміи составляли: 1) квесторы (quaestores) или казначеи и интенданты армій; они занимали равную съ легатами степень и содѣйствовали предводителямъ армій въ подробностяхъ выдачи войскамъ жалованья, взиманія контрибуцій, распредѣленія добычи, раздачи одежды, вооруженія, продовольствія и вычетовъ за нихъ, и потому вѣроятно получали или сами вели строевые списки легіоновъ; имъ же ввѣрялось храненіе легіонныхъ орловъ въ Капитоліѣ въ мирное время и раздача ихъ, равно и вооруженія, а конницѣ и лошадей—по на-

борѣ легіоновъ; такъ какъ они были гражданскими сановниками въ Римѣ, то число ихъ было ограниченное и не всѣ арміи имѣли ихъ при себѣ; въ такомъ случаѣ предводитель армій ввѣрялъ исправленіе ихъ обязанностей одному изъ легатовъ; 2) контуберналы (contubernales), избираемые обыкновенно изъ молодыхъ людей знатнаго рода; они состояли при предводителѣ арміи, передавали приказанія и исполняли порученія его, научались военному дѣлу подъ личнымъ его руководствомъ и т. п. (соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ личнымъ адъютантамъ и состоящимъ по порученіямъ); 3) мензоры (mensores), цензоры (censores) и метаторы (metatores), измѣрявшіе и разбивавшіе лагери, и 4) антимензоры (antimensores) и антицензоры (anticensores), развѣдывавшіе дороги и мѣстность и назначавшіе мѣста подъ лагери (всѣ они соотвѣтствовали нѣкоторымъ образомъ нынѣшнимъ офицерамъ генеральнаго штаба); 5) либраріи (librarii) и фрументаріи (frumentarii), подчиненныя квесторамъ лица по храненію и раздачѣ продовольствія и фуража (соотвѣтствовали нынѣшнимъ чинамъ интендантскаго вѣдомства); наконецъ 6) авгуры (augures) или жрецы—прорицатели воли боговъ и успѣха или неуспѣха предпріятія или сраженія, по разнымъ примѣтамъ: по полету и крику птицъ, клеванію куръ, молніи и грому, внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и многимъ другимъ, грубымъ языческимъ суевѣріямъ, большею частію обманнымъ; ибо римляне, крайне суевѣрные, какъ и греки и всѣ вообще язычники, также опасались начинать войну или вступать въ бой, не испытавъ сначала, будто бы, воли ихъ боговъ, которая, разумѣется, всегда согласовалась, какъ и у грековъ, съ волею предводителей армій.

Жалованье римскимъ войскамъ производилось, какъ было означено выше (ч. I глава XVII § 104), съ 405—404 г., т. е. со времени начала войны съ веіентянами и осады города Веій, въ пѣхотѣ по 3 римскихъ асса (около $6^1/_2$ или 7 коп.), а въ конницѣ (съ 402-го года) по 9 ассовъ (около $19^1/_2$—21 коп.) въ сутки каждому воину, нижнимъ же частнымъ начальникамъ войскъ по 6 ассовъ (около 13—14 коп.) въ сутки каждому. Во 2-й пу-

ической войнѣ, послѣ сраженія при Тразименскомъ озерѣ, по случаю оскуденія государственной казны, цѣнность асса возвысилась съ $3^1/_3$ до 16 ассовъ въ римскомъ динаріѣ, но и жалованье возвысилось соразмѣрно съ 3—6—9 ассовъ до $5^1/_2$—11—$16^1/_2$, и въ такомъ размѣрѣ оставалось неизмѣннымъ до Юлія Цезаря. Но изъ жалованья производились опредѣленные вычеты за вооруженіе, продовольствіе, фуражъ, лошадей и пр. (см. ниже).

Одежда римскихъ воиновъ, весьма простая и одинаковая у простыхъ воиновъ и частныхъ начальниковъ войскъ, состояла: 1) изъ туники (tunica), носимой на тѣлѣ: она была изъ шерстяной ткани, узкой до пояса, широкой со складками отъ пояса до колѣнъ, съ разрѣзомъ на груди и опоясанной широкимъ кожанымъ ремнемъ (cingulum), на которомъ съ правой стороны висѣлъ мечъ; 2) изъ плаща, первоначально (при царяхъ) тоги (toga), а потомъ сагума (sagum) или собственно военнаго плаща, изъ грубой и толстой шерстяной ткани рыжеватаго цвѣта, сначала четвероугольнаго, а потомъ закругленнаго, длиною до колѣнъ и застегивавшагося на правомъ плечѣ или спереди; у частныхъ начальниковъ войскъ онъ былъ изъ болѣе тонкой ткани бѣлаго цвѣта и нѣсколько длиннѣе, а у предводителей армій—изъ пурпуровой или багряной ткани до пятокъ, съ бахрамою по краямъ, и назывался paludamentum (багряница); 3) изъ пенулы (penula) узкаго, съ прорѣзомъ только на верху для головы, плаща изъ толстой шерстяной ткани темнобураго цвѣта, съ откиднымъ наголовникомъ или капишономъ; онъ надѣвался часовыми и всѣми вообще въ ненастную, дождливую или холодную погоду; 4) изъ лацерны (lacerna), подобной пенулѣ, но изъ болѣе тонкой ткани разныхъ цвѣтовъ; 5) изъ леопы (leona), также подобной пенулѣ, но изъ болѣе толстой ткани, съ длиннымъ волосомъ, и носимой зимою въ большой холодъ. Въ конницѣ всадники носили обыкновенно туже одежду, что и пѣшіе воины, а въ праздники, въ церемоніяхъ и на парадныхъ смотрахъ бѣлыя тоги (trabea), съ пурпуровыми полосами въ длину и по краямъ. Обувью служили сандаліи (caligae), т. е. толстыя кожаныя подошвы, прикрѣплявшіяся къ ногамъ ремнями. Прибавимъ къ этому, что римскіе воины стригли коротко волосы и брили бороды.

О конской сбруѣ въ римской конницѣ уже было говорено выше

(§ 124). Тамъ же показано и вооруженіе, изъ котораго грудныя латы надѣвались на тунику, а ножныя на голую ногу.

Одежда и вооруженіе вообще и лошади римскимъ всадникамъ выдавались отъ правительства, частію—съ вычетами изъ жалованья и частію—въ счетъ добычи отъ непріятеля. Выдача ихъ и вычеты за нихъ изъ жалованья лежали на обязанности квесторовъ (см. выше). Но во время и послѣ 2-й пунической войны, по причинѣ вздорожанія цѣнъ, одежда выдавалась, кажется, безъ вычетовъ. Охраненіе оружія и замѣна утраченнаго или поврежденнаго въ походѣ возлагались на счетъ воиновъ, съ которыхъ производились за то вычеты изъ жалованья. Каждый родъ оружія выдѣлывался особыми оружейниками (позже на оружейныхъ заводахъ) и все оружіе хранилось въ особенныхъ складахъ (арсеналахъ), подъ вѣдѣніемъ квесторовъ.

Лошади римскимъ всадникамъ выдавались отъ правительства, но для этого требовалось, сверхъ условій ценза, и непремѣнное условіе безукоризненной нравственности. Съ этою цѣлію цензоры производили ежегодно 15-го іюля строгіе смотры римскимъ всадникамъ (equitum probatio). На этихъ смотрахъ, цензоры, на общественной площади, строго изслѣдывали нравственность и поведеніе всадниковъ, не прощая не только малодушія, но даже изнѣженности и нерадѣнія. Затѣмъ всѣ всадники, въ однообразной военной одеждѣ и въ строю, проѣзжали на своихъ лошадяхъ мимо цензоровъ, которые отбирали лошадей, дурно содержанныхъ, но уже не выдавали другихъ и тѣмъ лишали всадниковъ, въ наказаніе, чести служить въ конницѣ. По прослуженіи положеннаго срока 10-ти лѣтъ или походовъ, всадники возвращали своихъ лошадей цензорамъ. Квесторы производили опредѣленные вычеты съ нихъ изъ жалованья, за выданныя имъ лошади.

Продовольствіе и фуражъ выдавались квесторами, опредѣленными дачами, съ вычетомъ изъ жалованья. Обыкновенныя дачи были: зерноваго хлѣба пѣшему римскому воину—по 4 римскія мѣры (примѣрно отъ 2 до 3 четвериковъ) въ мѣсяцъ, а римскому всаднику—по 12-ти мѣръ (отъ 6 до 9 четвериковъ) для него и 2-хъ слугъ, и ячменя по 42 мѣры (отъ 20 до 30 четвериковъ) на 3 лошади; въ союзныхъ же легіонахъ: пѣшему воину—столько

же, сколько и римскому,—по конному, для него, 1 слуги и 2-хъ лошадей—только 8 мѣръ зерноваго хлѣба и 35 мѣръ ячменя. Иногда за раціонъ ячменя назначали опредѣленную цѣну и выдавали ее деньгами. Раціоны хлѣба выдавались воинамъ союзныхъ легіоновъ безплатно, но съ воиновъ римскихъ легіоновъ производились за нихъ вычеты изъ жалованья. Въ настоящемъ періодѣ, до междуусобій, римская мѣра хлѣба стоила 1 ассъ ($2^1/_6$—$2^1/_3$ копѣйки), такъ что суточное жалованье почти уплачивало мѣсячный раціонъ хлѣба. Раздача хлѣба въ зернѣ производилась на 8, 10, 15 и до 30-ти дней впередъ. Выданный въ натурѣ зерновой хлѣбъ римскіе воины (не зная еще употребленія печенаго хлѣба) сами толкли между каменьями, а позже мололи ручными мельницами, и пекли изъ него на угольяхъ лепешки либо варили родъ каши. При этомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что, по общему обычаю римлянъ, римскіе воины подкрѣпляли себя пищей обыкновенно только 2 раза въ день: утромъ—легкимъ завтракомъ, стоя, и ввечеру (въ 1-ю стражу, между 6-ти и 9-ти час.)—ужиномъ или вечерею (соена), сидя или лежа, передъ сраженіемъ же большею частію утромъ—болѣе полнымъ завтракомъ.

Сборъ продовольствія для людей и лошадей римскихъ армій производился частію контрибуціями или реквизиціями съ непріятельскаго и покореннаго края, частію же покупками либо подрядами на счетъ казны. Контрибуціи и реквизиціи производились квесторами и позже намѣстниками областей, которые отправляли собранные продукты въ склады (магазины) армій. Покупки же дѣлались назначаемыми сенатомъ сановниками, либо предводителями армій, либо, по ихъ распоряженію, квесторами.

Военныя тяжести, уже по самому названію своему у римлянъ (impedimenta, помѣхи, препятствія), прямо показываютъ, что послѣдніе имѣли вѣрное понятіе объ этой, столько же неизбѣжной, сколько крайне обременительной принадлежности армій въ походѣ. Поэтому-то они старались, по возможности, уменьшать перевозимыя и увеличивать переносимыя самими воинами военныя тяжести, и для того съ молоду пріучали римскихъ гражданъ носить на себѣ такія огромныя тяжести, которыя возбуж-

дають въ насъ теперь невольное удивленіе. Именно, римскій пѣшій воинъ носилъ на себѣ въ походѣ: 1) на правомъ плечѣ — 2 или болѣе кольевъ (палисадинъ) для укрѣпленія лагеря; 2) на концѣ этихъ кольевъ — привязанный къ нимъ мѣшокъ съ поклажей воина и съ зерновымъ хлѣбомъ на 14 дней или 2 недѣли; 3) щитъ. копье и до 7-ми легкихъ дротиковъ — въ лѣвой рукѣ. въ углубленіи щита, и 4) шлемъ на груди, на ремнѣ. Все это вмѣстѣ взятое и съ тяжестью грудныхъ и ножныхъ латъ составлявшее огромный вѣсъ, римскій пѣшій воинъ переносилъ на себѣ и въ палящій зной южнаго солнца, и въ густой пыли, и въ сильный вѣтеръ, и подъ проливнымъ дождемъ, и въ глубокую грязь! Впрочемъ разумное распредѣленіе носимыхъ тяжестей, съ всевозможнымъ равновѣсіемъ ихъ, облегчало нѣкоторымъ образомъ ношеніе ихъ. Въ случаѣ же внезапной встрѣчи съ непріятелемъ и необходимости немедленно вступить въ бой съ нимъ, римскому легіонеру стоило только сложить съ праваго плеча на землю колья съ поклажей и надѣть шлемъ — и онъ былъ мигомъ готовъ къ вступленію въ бой на-легкѣ, безъ поклажи. А иногда, если случалось обороняться противъ конницы, римскіе легіонеры складывали колья съ поклажей передъ собою и защищались за ними, какъ за валомъ.

Военныя же тяжести, перевозимыя за арміями на вьючныхъ лошадяхъ, мулахъ, лошакахъ или ослахъ, были громоздкія: ставки, лагерныя и кухонныя принадлежности, землекопныя орудія, разныя другія тяжести и т. п. Количество ихъ и вьючныхъ животныхъ подъ нихъ было въ точности опредѣлено и ограничено самою крайнею необходимостью (по 1 мулу или лошаку на центурію).

Все это дѣлало римскія арміи чрезвычайно способными къ быстрымъ и дальнимъ движеніямъ — преимущество, котораго не имѣли арміи ни одного изъ древнихъ народовъ, даже грековъ, особенно въ настоящемъ періодѣ.

Нестроевыми чинами и лицами, состоявшими при римскихъ арміяхъ, были: врачи, слуги или рабы частныхъ начальниковъ войскъ и всадниковъ, и 8 центурій (по 2 на легіонъ) военнорабочихъ: оружейниковъ, плотниковъ, кузнецовъ и т. п. Женщи-

намъ же было строго воспрещено закономъ находиться при арміяхъ.

Строжайшее соблюденіе строгихъ законовъ подчиненности, повиновенія и порядка военныхъ, основанныхъ на разумной системѣ наказаній и наградъ, было самою твердою и надежною опорою силы, побѣдоносности и непобѣдимости римскихъ армій въ лучшія времена римской республики—въ предъидущемъ и настоящемъ періодахъ. Только этимъ способомъ римскому правительству возможно было изъ народа грубаго, необразованнаго, своевольнаго, пылкаго и воинственнаго образовать войско правильно-устроенное, вполнѣ покорное и послушное, терпѣливое и воздержное. И римскіе легіоны и арміи были всегда непобѣдимы, доколѣ предводители ихъ соблюдали въ нихъ строгую военную дисциплину, и были побѣждаемы лишь тогда, когда предводители допускали малѣйшее ослабленіе ея. И въ этомъ отношеніи также римляне не имѣли не только равныхъ, но и подобныхъ себѣ въ числѣ всѣхъ народовъ древности, не исключая и грековъ, которые всегда, даже въ лучшія времена, отличались своеволіемъ, неповиновеніемъ, раздорами, буйствомъ и мятежнымъ духомъ.

По наборѣ римскихъ легіоновъ и раздачѣ вооруженія, каждый римскій воинъ въ строю былъ отмѣчаемъ своимъ именемъ, начертаннымъ на его щитѣ, вмѣстѣ съ нумеромъ его центуріи и позже когорты; сверхъ того, щиты каждой когорты были выкрашены однимъ цвѣтомъ. Ни одинъ воинъ не могъ быть употребляемъ на частную службу и былъ обязанъ исполнять только обязанности и работы полевой и лагерной военной службы. На разстояніи 1000 римскихъ шаговъ отъ Рима, предводитель римской арміи имѣлъ уже полное право жизни и смерти надъ чинами арміи и могъ самъ судить и осуждать ихъ безаппелляціонно, по бо́льшею частію производилъ военный судъ чрезъ военный совѣтъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ. Подъ властію его, военные трибуны назначали денежныя пени, принимали залоги (иногда гасты, что называлось censio hastaria) и какъ они, такъ и центуріоны, назначали тѣлесныя наказанія прутьями (римскимъ воинамъ), либо палками (союзнымъ или не-римскимъ). Ликторы же приводили въ испол-

неніе смертные приговоры предводителей армій — прутьями или отсѣченіемъ головы. Если военный совѣтъ приговаривалъ воина къ наказанію прутьями или палками (fustuarium), то предсѣдательствовавшій трибунъ прикасался къ нему палкой, и по этому знаку всѣ прочіе воины бросались на осужденнаго съ палками и каменьями, и если онъ успѣвалъ спастись отъ смерти, то уже никто, даже родственники, не могли принять его къ себѣ. По закону 12 скрижалей или таблицъ (449 г.), кто возбудилъ враговъ противъ отечества или предалъ непріятелю гражданъ, кто въ бою сражался безъ порядка, покидалъ свою часть войска, свою должность, свое мѣсто или военный постъ, свой войсковой знакъ, кто бросалъ или отдавалъ свое оружіе, кто возбуждалъ мятежъ — былъ наказываемъ смертію. Если цѣлая часть войска въ бою обращалась въ бѣгство, то была децимирована, т. е. 10 й человѣкъ, а иногда 8-й и даже 5-й былъ казнимъ смертію, а остальные помѣщались отдѣльно внѣ лагеря и получали, вмѣсто зерноваго хлѣба, ячмень.

Кто похищалъ въ свою пользу часть военной добычи—былъ присуждаемъ, сначала—къ изгнанію, потомъ—къ ссылкѣ и позже—къ возвращенію вчетверо болѣе похищеннаго и даже къ смерти.

Бѣглецы (дезертиры) внутри государства были наказываемы прутьями, привязываемы къ позорному столбу и продаваемы, а перебѣжчики къ непріятелю (удалявшіеся отъ лагеря на такое разстояніе, съ котораго нельзя было слышать звука трубъ) изъ римскихъ гражданъ были распинаемы на крестѣ, прочіе же—подвергаемы отсѣченію головы.

Явное неповиновеніе наказывалось смертію. Часовой, заснувшій или покинувшій свое мѣсто, и вообще всякое нарушеніе правилъ строевой, лагерной и полевой службы были наказываемы тѣлесно прутьями или палками (fustuarium), въ числѣ ударовъ по мѣрѣ вины.

Тому же наказанію были подвергаемы воры, лжесвидѣтели, распутники и т. п. Какъ вора наказывали и того, кто ложно присвоивалъ себѣ отличный боевой подвигъ.

За меньшіе же проступки воины были подвергаемы вычетамъ изъ жалованья, полнымъ или частнымъ (что называлось aere diritus).

Вообще военные законы и наказанія за военныя преступленія

и проступки у римлянъ были очень строги; главные виды наказаній были: смертная казнь, тѣлесныя наказанія, денежныя взысканія и посрамленія (demissio ignominiosa) или исключеніе изъ военной службы, присужденіе носить разодранную одежду, выставленіе къ позорному столбу и т. п.; — отъ этихъ наказаній не избавляли ни санъ, ни чинъ, ни знатность рода, ни даже число виновныхъ; наконецъ, этими строгими законами и наказаніями римляне и поддерживали въ своихъ войскахъ строгую военную дисциплину, какой не было ни у одного изъ народовъ древности, даже у грековъ.

Но — слѣдуетъ прибавить — въ настоящемъ періодѣ лучшихъ временъ римской республики, нравы въ ней были еще такъ просты и строги, честь такъ развита, а любовь къ отечеству и уваженіе къ закону и долгу такъ глубоки и сильны, что военныя преступленія и наказанія за нихъ были рѣдки, а военно-дисциплинарные законы—болѣе предупредительными, нежели карательными, ибо исполненіе всемъ и каждымъ въ римскомъ войскѣ своего долга имѣло побужденіемъ не страхъ наказаній, но тѣ возвышенныя и благородныя чувства, о которыхъ говорено выше.

Военныя награды, съ своей стороны, имѣли источникомъ своимъ тѣ же побужденія, необыкновенно возбуждая, поощряя и вознаграждая мужество, храбрость, любовь къ отечеству и его пользамъ и славѣ, уваженіе къ закону, долгу и чести, и всѣ лучшія военныя и гражданскія добродѣтели. Военныя награды вообще состояли: въ производствѣ въ высшій классъ войска или чинъ, въ увеличеніи жалованья, въ денежныхъ выдачахъ, въ пожалованіи богатаго почетнаго оружія, вѣнковъ изъ различныхъ растеній, серебряныхъ или золотыхъ вѣнцовъ, ожерелій, зарукавьевъ, (браслетовъ) и т. п., а также въ пожалованіи земель, пожизненныхъ пенсій, въ зачетѣ годовъ службы, въ освобожденіи отъ нея и т. п., и были назначаемы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ частямъ войскъ.

Тѣ, которые освобождали отрядъ войска, окруженный непріятелемъ, и тѣмъ спасали отечеству многихъ гражданъ его, получали головной вѣнокъ изъ свѣжей травы (позже изъ зо-

лота) а которые спасали жизнь римскаго гражданина или союзника — такой же вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, который имъ надѣвали на головы спасенные ими; кто первый всходилъ на стѣну непріятельскаго города получалъ вѣнокъ изъ древесныхъ листьевъ (позже изъ золота, съ зубцами); кто первый входилъ въ непріятельскій лагерь или укрѣпленіе — золотой вѣнецъ съ зубцами въ видѣ тына; кто оказывалъ необыкновенный подвигъ храбрости — простой золотой вѣнецъ, съ надписью, за какое именно отличіе; кто ранилъ непріятеля въ единоборствѣ — гасту безъ наконечника (hasta pura), а если убилъ его, то ожерелье, нарукавникъ или (всадникъ) конскую сбрую. Прочія почетныя награды за особенныя военныя отличія назначались предводителями армій и состояли въ серебряныхъ или золотыхъ ожерельяхъ, нарукавникахъ, цѣпяхъ, пряжкахъ и др. т. п. вещахъ, оружіи, лошадяхъ и пр.

Иногда римскихъ воиновъ награждали землями или освобожденіемъ отъ податей, отъ всѣхъ или нѣсколькихъ лѣтъ службы и т. п. Землями нерѣдко награждали тоже непріятельскихъ перебѣжчиковъ, какъ напримѣръ испанскихъ и нумидійскихъ, которые во 2-й пунической войнѣ получили земли въ Сициліи.

Денежныя, продовольственныя и фуражныя награды состояли въ единовременныхъ денежныхъ выдачахъ, въ прибавкѣ половины или полнаго жалованья или раціона и пр.

Военныя награды цѣлымъ частямъ войскъ состояли въ трофеяхъ на ихъ войсковые знаки и орлы, а иногда въ денежныхъ выдачахъ и пр. т. п.

Всѣ вообще военныя награды были провозглашаемы и раздаваемы всенародно и сопровождаемы похвальными рѣчами, а удостоенные ихъ— освобождаемы, по окончаніи сроковъ службы, отъ податей и занимали почетныя мѣста въ народныхъ собраніяхъ и на общественныхъ играхъ. Престарѣлые же и увѣчные (adynati) получали содержаніе отъ казны, ихъ поселяли въ римскихъ колоніяхъ, давали имъ должности въ подвластныхъ Риму областяхъ и т. п.

Но высшая степень военныхъ наградъ, равно способная и къ возбужденію, и къ удовлетворенію честолюбія, была удѣломъ пред-

водителей армій, ознаменовавшихъ себя болѣе или менѣе важными военными подвигами, успѣхами или побѣдами. Войска провозглашали ихъ императорами (imperator — повелитель, владыка), а сенатъ назначалъ имъ большой тріумфъ (triumphus) или малый (ovatio). Въ большомъ тріумфѣ полководецъ-тріумфаторъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, въ пурпуровой, шитой золотомъ мантіи, въѣзжалъ въ Римъ въ великолѣпной торжественной колесницѣ. Впереди его несли пріобрѣтенные имъ трофеи, богатѣйшую добычу и изображенія побѣжденныхъ или покоренныхъ имъ народовъ, областей и городовъ. Вокругъ его колесницы шли знатнѣйшіе плѣнники, а за нею слѣдовали войска его, воспѣвая его подвиги. Торжественное шествіе направлялось прямо въ Капитолій, гдѣ всенародно производилось жертвоприношеніе Юпитеру Капитолійскому, а затѣмъ слѣдовали всенародныя пиршества, игры и раздача даровъ войску и народу; тріумфальныя же врата, колонны и т. п. памятники передавали потомству имя и подвиги тріумфатора.

Малый тріумфъ, или овація, состоялъ только въ томъ, что тріумфаторъ въѣзжалъ въ Римъ верхомъ на лошади, безъ сопровожденія войскъ.

Въ числѣ военныхъ законовъ и наградъ замѣчательны также тѣ, которыми опредѣлялись образъ и порядокъ распредѣленія добычи, взятой съ боя у непріятеля. Въ случаѣ одержанія побѣды надъ непріятелемъ въ полѣ и взятія его лагеря или же города, военные трибуны выбирали извѣстное число воиновъ отъ каждой центуріи, манипулы и когорты, для сбора добычи и доставленія ея въ свои легіоны; остальныя затѣмъ войска оставались въ это время въ строю подъ оружіемъ. Военные трибуны собирали всю добычу вмѣстѣ и завѣдывали ея продажей квесторомъ и ея распредѣленіемъ войскамъ по назначенію предводителя арміи. При этомъ каждый воинъ получалъ только половину того, что ему слѣдовало, а другая половина хранилась въ складахъ при легіонныхъ орлахъ и знакахъ. Каждый легіонъ имѣлъ, по числу когортъ, 10 своихъ запасныхъ денежныхъ бурсъ или мѣшковъ, изъ которыхъ извѣстная часть составляла 11-ю бурсу или мѣшокъ для погребенія тѣлъ легіонеровъ. Въ распредѣленіи добычи, извѣстными, опредѣленными

частями, участвовали всѣ чины арміи, отъ предводителя ея до низшихъ, равно содержавшіе стражу, посланные на какія бы то ни было служебныя работы и даже больные.

Вообще для дѣленія военной добычи, пріобрѣтенной отъ непріятеля, существовали особыя правила или скорѣе обычаи, которые строго соблюдались. Именно — добыча дѣлилась на три части, которыя назначались: одна — для государственной казны, другая — предводителю арміи, а третья — частнымъ начальникамъ войскъ и самимъ войскамъ, въ опредѣленной соразмѣрности. Но когда начальниковъ и воиновъ стали награждать деньгами или землями, тогда военная добыча частію отчислялась въ государственную казну, а частію предоставлялась предводителямъ армій, которые нерѣдко употребляли ее на народныя игры, сооруженіе общественныхъ памятниковъ и зданій и т. п.

§ 128.

Кастраметація, фортификація и поліорцетика.

Съ самаго основанія Рима и начала его военнаго устройства, римляне имѣли уже обыкновеніе усиливать города и полевые станы свои искуственными укрѣпленіями. До Полибія ни одинъ изъ древнихъ историковъ не говоритъ однако о существовавшей у римлянъ системѣ укрѣпленія городовъ и становъ. Но несомнѣнно то, что это искуство процвѣтало у нихъ уже въ предъидущемъ періодѣ и началѣ настоящаго, свидѣтельствомъ чему служитъ, между прочимъ, изумленіе Пирра, когда онъ, въ войнѣ съ римлянами въ Италіи, въ первый разъ увидѣлъ укрѣпленный военный станъ ихъ и призналъ въ его строителяхъ высокую степень искуства. Первыя же обстоятельныя свѣдѣнія о построеніи, расположеніи и укрѣпленіи римскихъ полевыхъ становъ и о службѣ въ нихъ сообщаетъ Полибій, и по этимъ свѣдѣніямъ можно уже судить, до какой степени искуства и совершенства они дѣйствительно были доведены у римлянъ уже во времена пуническихъ войнъ. Можно рѣшительно

сказать, что въ этомъ отношеніи римляне превосходили всѣ народы древности и даже грековъ.

Гораздо позже Полибія, уже при императорѣ Адріанѣ, о римскихъ полевыхъ укрѣпленныхъ станахъ подробнѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, говоритъ другой римскій писатель, именно—Игинъ (Hyginus), бывшій граматикомъ или военнымъ землемѣромъ, слѣдовательно спеціалистомъ по этому предмету. Полибій кажется болѣе точнымъ и вѣрнымъ въ описаніи очертаній становъ, а Игинъ сообщаетъ многія профили укрѣпленій, которыя вѣроятно были въ употребленіи еще въ прежнія времена. Поэтому мы будемъ пополнять показанія одного, гдѣ можно и нужно, показаніями другаго и изложимъ по порядку: 1) выборъ мѣстности въ полѣ на походѣ, подъ лагери; 2) разбивку лагерей войсками; 3) фигуру и внутреннее расположеніе лагерей; 4) укрѣпленіе ихъ, и наконецъ 5) лагерную службу.

Въ походахъ въ военное время, римскія арміи, совершивъ дневной или усиленный переходъ, на ночь располагались непремѣнно въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Для расположенія ихъ римляне выбирали мѣстность преимущественно открытую и ровную, не пересѣченную, а на волнистой или холмистой старались располагать лагери на отлогихъ скатахъ небольшихъ высотъ, заднимъ фасомъ на вершинѣ ихъ. При этомъ они наблюдали, чтобы по близости не было господствующихъ высотъ ни такой мѣстности, пользуясь которою непріятель могъ бы скрытно и незамѣченно приблизиться къ лагерю, чтобы мѣстность подъ самымъ лагеремъ не была пересѣчена рѣчками, ручьями, сухими оврагами или рытвинами и т. п., не имѣла по близости недостатка въ водѣ и лѣсѣ для костровъ и варки пищи, въ подножномъ кормѣ для лошадей и пр. Но, въ случаѣ необходимости, они располагали лагери и на пересѣченной мѣстности, приноравливая къ ней расположеніе ихъ, съ соблюденіемъ означенныхъ выше условій.

Какъ только армія приближалась къ мѣсту, назначенному для ночлега, одинъ трибунъ и нѣсколько центуріоновъ отправлялись впередъ, выбирали мѣсто подъ лагерь, какъ означено выше, а затѣмъ самое возвышенное и удобное на немъ мѣсто для расположенія

преторія или ставки консула либо иного предводителя арміи, втыкали тутъ знамя и означали меньшими, разноцвѣтными значками главные углы лагеря и небольшими кольями или вѣхами подраздѣленія его. Все это производилось всегда однообразно, такъ какъ, за исключеніемъ особенныхъ, необыкновенныхъ случаевъ, размѣры были опредѣлены разъ навсегда неизмѣнные, что представляло немалое удобство и одинъ лагерь былъ совершенно подобенъ другому, только на другомъ мѣстѣ. Поэтому войска очень скоро и легко разбивали, укрѣпляли и устроивали внутри лагерь. Этому особенно много способствовало, между прочимъ, то, что каждый римскій легіонеръ въ походѣ носилъ на правомъ плечѣ, какъ было сказано выше, по 2 и болѣе острыхъ кольевъ (палисадинъ), въ 2—3 дюйма толщины, на нижней оконечности которыхъ оставлялись, для связки ихъ между собою, нѣсколько длинныхъ и гибкихъ вѣтвей. Эти колья втыкались на бермѣ лагернаго вала, наклонно къ полю, и доставляя твердость и крѣпость валу, имѣли значительное превосходство надъ толстыми кольями грековъ, съ многими короткими и острыми сучьями, почему греческіе воины не могли носить ихъ на себѣ, а въ случаѣ нападенія непріятеля, послѣдній легко вырывалъ ихъ.

Скорымъ и легкимъ разбивкѣ, укрѣпленію и устройству лагерей много способствовало также то, что римскіе воины уже съ молоду были пріучены ко всякаго рода тяжелымъ трудамъ и работамъ, въ томъ числѣ къ землекопнымъ вообще и по постройкѣ лагерей особенно, такъ что это всѣмъ имъ было дѣло не новое, а давно знакомое и обычное.

Если лагерь приходилось разбивать и устроивать вдали отъ непріятеля, то по приближеніи арміи къ мѣсту, избранному трибуномъ и центуріонами подъ лагерь, всѣ различные роды войскъ прямо вступали въ назначенныя имъ мѣста, снимали съ себя оружіе и поклажу и немедленно приступали къ земляным работамъ по укрѣпленію стана, а потомъ уже къ разбивкѣ и устройству его внутри. Если же лагерь приходилось устроивать вблизи или въ виду непріятеля, то часть войскъ выдвигалась впередъ для прикрытія работъ, а остальныя войска поспѣшно укрѣпляли сначала лагерь, а потомъ разбивали и устроивали его внутри.

Здѣсь необходимо прежде объяснить общую фигуру римскаго лагеря, внутреннія раздѣленія его и способы укрѣпленія его.

Кастраметація или постройка лагерей у римлянъ, совершеннѣйшая въ цѣлой древности, была единственною, основанною на разумныхъ началахъ. Римляне издревле избрали для своихъ лагерей форму правильнаго квадрата, справедливо признавая ее самою приличною и удобною для установленія и соблюденія правильности и порядка. Лагерь обыкновенной римской консульской арміи изъ 4-хъ легіоновъ имѣлъ по 2150 футовъ въ каждомъ боку квадрата. Но не всегда одинаковая числительная сила легіоновъ заставляла иногда увеличивать либо уменьшать длину боковъ. Лагерь раздѣляла, во всю ширину его, главная дорога (via principalis) или улица въ 100 футовъ ширины, на двѣ части: претентурную (praetentura) или переднюю и бо́льшую, и ретентурную (retentura) или заднюю и меньшую. Въ первой располагались легіоны, а въ другой военачальники, экстраординарныя войска, аблекты, площади для сбора войскъ и иныя,—разныя принадлежности лагеря, тяжести и пр. Въ серединѣ ретентурной части и, по возможности, на возвышенномъ мѣстѣ, находился преторій (praetorium), квадратное, въ 200 футовъ въ боку, мѣсто, въ серединѣ котораго помѣщалась ставка предводителя арміи, а за нею ставки состоявшихъ при немъ чиновъ и прислуги. Впереди преторія, вдоль его передняго фаса и главной дороги, помѣщались ставки трибуновъ и префектовъ, лицомъ къ начальствуемымъ ими легіонамъ, занимая 50 футовъ въ глубину. Съ правой стороны преторія, въ разстояніи 100 футовъ отъ него, помѣщались ставки квестора, его помощниковъ и квесторій (quaestorium) или площадь, на которой квесторъ раздавалъ воинамъ жалованье и продовольствіе, а съ лѣвой стороны — ставки легатовъ, контуберналовъ, мензоровъ и пр. и форумъ (forum) или площадь, служившая мѣстомъ для рынка. Улицы въ 50 футовъ ширины отдѣляли квесторій и форумъ съ боковъ отъ ставокъ конницы и пѣхоты аблектовъ, волонтеровъ и ветерановъ (ablecti, voluntares et veterani equites et pedites), изъ которыхъ конница была обращена фронтомъ къ преторію, а пѣхота къ валу. Позади преторія, квесторія и форума

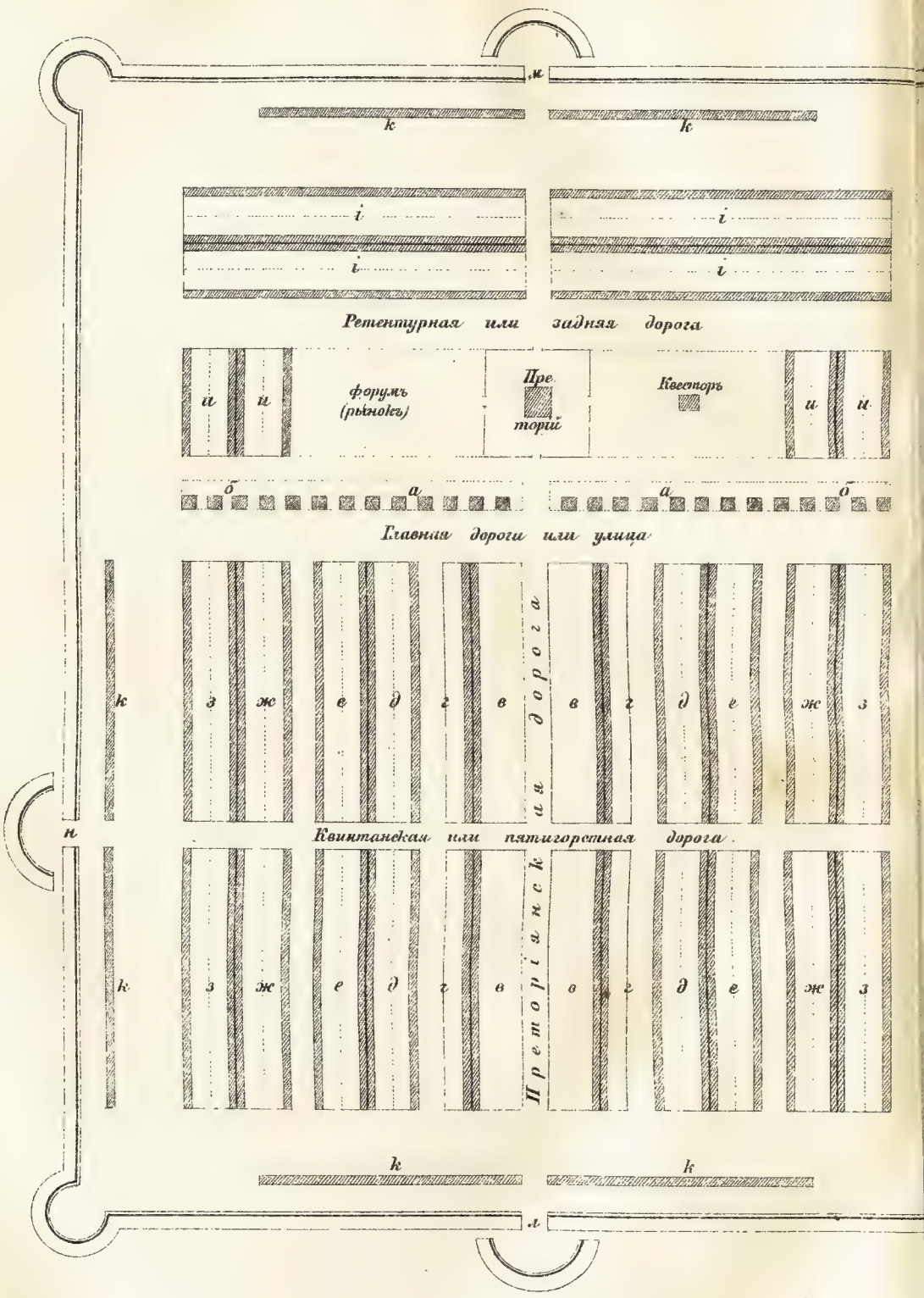
пролегала ретентурная или задняя дорога или улица въ 100 футовъ ширины. За нею въ серединѣ помѣщались конница и пѣхота экстраординарныхъ войскъ, обращенныя: первая — къ преторію, а вторая — къ валу; на флангахъ же ихъ оставлялись пустыя мѣста для помѣщенія вспомогательныхъ войскъ, если они были при арміи, для походныхъ больницъ и т. п.

Въ претентурной части помѣщались легіоны, римскіе въ серединѣ, а союзные по сторонамъ, тѣ и другіе въ когортныхъ колоннахъ, такъ что манипулы и турмы одинаковыхъ нумеровъ были на одной линіи. Подъ каждую ставку полагалось по 10 футовъ въ длину и ширину, а подъ каждую манипулу (исключая тріаріевъ) и турму по 100 футовъ, въ томъ числѣ мѣсто для склада оружія и поклажи, а въ конницѣ и для коновязей; манипулы же тріаріевъ занимали только 50 футовъ въ глубину.

Отъ преторія къ серединѣ передняго фаса лагеря пролегала продольная, перпендикулярная къ главной дорогѣ или улицѣ, преторіянская (via praetoriana), въ 50 футовъ ширины. По обѣимъ сторонамъ ея и фронтомъ къ ней помѣщалась римская легіонная конница, позади ставокъ этой послѣдней, тыломъ къ нимъ— ставки тріаріевъ, фронтомъ къ этимъ — отдѣленныя отъ нихъ параллельными преторіанской дорогѣ или улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, боковыми дорогами или улицами въ 50 футовъ ширины, ставки принциповъ, а тыломъ къ этимъ — ставки гастатовъ, также отдѣленныя дорогами или улицами въ 50 футовъ ширины отъ ставокъ легіоновъ союзниковъ, расположенныхъ далѣе на правой и на лѣвой сторонахъ, точно такъ же, какъ и римскіе легіоны. Но какъ конницы союзниковъ, за отчисленіемъ экстраординарныхъ войскъ и аблектовъ, было больше, а пѣхоты меньше, нежели въ римскихъ легіонахъ, то турмы занимали порожнія мѣста манипулъ.

Претентурная часть была раздѣлена въ глубину на двѣ равныя половины дорогою или улицею въ 50 футовъ ширины, параллельною главной и называвшеюся пятигорстною (quintana), потому что пролегала позади пятыхъ манипулъ.

Въ расположеніи манипулъ ставки центуріоновъ составляли 1-ю


м
к
к
к
i
i
i
i
Ретентурная или задняя дорога
и
и
форумъ (рынокъ)
Пре
торій
Квесторъ
и
и
б
а
а
б
Главныя дороги или улица
к
з
ж
е
д
г
в
в
г
д
е
ж
з
Via Decumana
Квинтанская или пятигорспная дорога
н
к
з
ж
е
д
г
в
в
г
д
е
ж
з
Via Praetoria
к
к
л

ЛАГЕРЬ

РИМСКОЙ КОНСУЛЬСКОЙ АРМІИ

а Палатки трибуновъ

б ——— префектовъ

в Конница римская

г Тріаріи

д Принципы

е Гастаты

ж Конница союзниковъ

з Пѣхота союзниковъ

и Аблекты, волонтеры и ветераны

і Экстраординарныя, вспомогательныя и союзныя войска

к Велиты

л Преторіянскія ворота

м Декуманскія ———

н Главныя правыя ——

о ——— лѣвыя ———

Масштабъ

50 100 200 300 400 500 600 700 800 *римскихъ футовъ*

Картографическое Заведеніе А. Ильина по Б. Мас. ул. д. № 1/2

линію, и 1-ыя манипулы и турмы были обращены фронтомъ къ валу, а 10-ыя — къ главной дорогѣ.

Между самыми крайними ставками и валомъ, по обѣимъ сторонамъ лагеря оставлялось пустое пространство въ 200 футовъ ширины, для помѣщенія плѣнныхъ, добычи и части велитовъ (другая часть которыхъ помѣщалась при манипулахъ линейной пѣхоты), для свободныхъ: входа и выхода войскъ или построенія ихъ, въ случаѣ нападенія непріятеля на лагерь и пр. Тутъ же, вѣроятно, устроивались и кухни.

Каждый лагерь имѣлъ четверо воротъ: 1) преторіянскія (porta praetoriana) или переднія, въ которыя войска выходили въ походъ или для боя; 2) декуманскія (porta decumana) или заднія, въ которыя выносили нечистоты и выводили преступниковъ на казнь; 3) и 4) главныя, правыя и лѣвыя, боковыя (porta principalis dextra et sinistra), служившія также для входа и выхода войскъ. Но кромѣ этихъ воротъ устроивалось еще нѣсколько небольшихъ выходовъ на случай вылазокъ.

Таковы были: общая фигура лагеря обыкновенной римской консульской арміи, внутреннее его раздѣленіе и расположеніе въ немъ войскъ, начальниковъ, чиновъ, лицъ и разныхъ принадлежностей арміи, улицъ, площадей и воротъ. Описаніе ихъ было необходимо для предварительнаго ознакомленія съ ними прежде изложенія порядка и способа укрѣпленія лагеря, которое, какъ сказано выше, предшествовало внутреннему устройству: въ порядкѣ работъ, лагерь прежде всего былъ укрѣпляемъ снаружи, а потомъ уже устроиваемъ внутри.

Въ отношеніи къ укрѣпленію римскихъ лагерей, прежде всего нужно сказать, что они были двоякаго рода: временные или обыкновенные (castra), устроиваемые на 1 или болѣе ночлеговъ,— и долговременные или постоянные (castra stativa), на болѣе или менѣе продолжительное время.

Временные лагери были укрѣпляемы небольшимъ земляным валомъ, укрѣпленнымъ дерномъ, съ тыномъ или палисадомъ на бермѣ вала (см. выше) и со рвомъ впереди, шириною въ 5 футовъ и глубиною въ 3. Долговременные же лагери имѣли профили

болѣе значительные, болѣе высокій земляной валъ, съ одеждой и зубцами изъ дерна, плетня и фашинъ, и со рвомъ впереди, шириною въ 10 футовъ и глубиною въ 7. Позже иногда на фасахъ и углахъ устроивали возвышенныя, полукруглыя укрѣпленія, доставлявшія фланговую и перекрестную оборону и на нихъ ставили, кромѣ стрѣлковъ и пращниковъ, также и метательныя орудія. Но въ этомъ періодѣ, послѣдняго рода лагери устроивались еще очень рѣдко. Въ тѣхъ и другихъ лагеряхъ главныя ворота и малые выходы были прикрываемы подвижными заставами и небольшими, отдѣльными, полукруглыми укрѣпленіями съ валомъ и рвомъ.

Устройство и содержаніе въ исправности различныхъ частей внѣшнихъ укрѣпленій лагеря лежали на обязанности расположенныхъ вдоль и близъ нихъ частей войскъ, именно: передняго и задняго фасовъ—римскихъ легіоновъ, а боковыхъ—союзныхъ. Каждая манипула ихъ имѣла свою, назначенную ей часть внѣшняго укрѣпленія лагеря, при вступленіи въ него прямо шла къ ней и устроивала ее, а потомъ наблюдала за цѣлостью и исправностью ея, подъ отвѣтственностью старшаго центуріона этой манипулы.

Когда лагерь былъ совершенно укрѣпленъ и готовъ снаружи (а это дѣлалось очень скоро), тогда войска прежде всего присягали, что ничего не похитятъ вокругъ него, но все найденное ими доставятъ дневальному по легіону трибуну. Затѣмъ каждый легіонъ отряжалъ по 2 манипулы для разбивки ставокъ предводителя арміи, легатовъ и другихъ начальствующихъ лицъ, для снабженія ихъ водою, дровами и пр. Всѣ остальныя же войска, между тѣмъ, разбивали прочія ставки, уравнивали дороги и приводили весь лагерь внутри въ надлежащій порядокъ (что́ также дѣлалось очень скоро). Вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ вездѣ ставились караулы и часовые. Караулы у преторія, палатокъ легатовъ, квестора, трибуновъ и въ прочихъ мѣстахъ ретентурной части содержали легіоны по очереди, при манипулахъ—сами манипулы, а при воротахъ (stationes justae), на валу (custodiae) и впереди лагеря (stationes)—велиты. Полный караулъ состоялъ изъ 1 декуріона и 8 рядовыхъ воиновъ, потому что римляне раздѣляли день (съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера) на 8 частей и смѣняли часовыхъ черезъ каждые 3 часа.

Ночное же время раздѣлялось на 3 стражи: 1-ю — отъ 6 часовъ вечера (захожденія солнца) до 9 часовъ вечера, 2-ю—отъ 9 часовъ до полуночи, 3-ю—отъ полуночи до 3 часовъ утра (разсвѣта) и 4-ю—отъ 3 до 6 часовъ утра (восхожденія солнца). Поэтому и караулы раздѣлялись на дневные (exubii) и ночные (vigiliae).

Каждое утро легаты, трибуны и префекты союзниковъ собирались къ преторію, для полученія приказаній и лозунга, которые передавались,посредствомъ назначенныхъ для того дощечекъ (tesserae), центуріонамъ 10-хъ манипулъ и турмъ; эти центуріоны передавали дощечки центуріонамъ 9-хъ манипулъ и турмъ и такъ далѣе до 1-хъ, а отъ нихъ онѣ тѣмъ же порядкомъ возвращались къ трибунамъ.

Въ полдень, впереди преторія, производился разводъ, на которомъ декуріоны получали приказанія и по нѣсколько дощечекъ съ нумерами карауловъ, которые были обязаны передавать объѣздамъ или рундамъ.

Объѣзды или рунды производились конницей по очереди, а именно: декуріоны 1-хъ турмъ — въ 1-й день, 2-хъ — во 2-й и такъ далѣе, назначали для объѣздовъ по 4 всадника, которые, получивъ отъ дневальныхъ трибуновъ дощечки съ написанными на нихъ приказаніями и назначивъ очередь между собою, съ наступленіемъ вечера (6-ти часовъ) собирались у палатки примипила. По сигналу о начатіи ночныхъ объѣздовъ, очередной всадникъ, въ сопровожденіи другихъ, объѣзжалъ, въ назначенной для его легіона части лагеря, всѣ посты внутри, на валу и при воротахъ. Если онъ находилъ ихъ въ исправности, то отбиралъ отъ караульныхъ декуріоновъ по одной изъ переданныхъ послѣднимъ дощечекъ съ нумеромъ караула; въ противномъ же случаѣ призывалъ въ свидѣтели своихъ товарищей и, не отбирая дощечки, ѣхалъ далѣе. Послѣ 1-го очереднаго всадника, посты такимъ же порядкомъ объѣзжали 2-й, 3-й и 4-й. Съ наступленіемъ же утра (въ 6 часовъ) всѣ ночные конные объѣздчики передавали отобранныя ими дощечки дневальнымъ трибунамъ, которые такимъ образомъ и узнавали, которые караулы были исправны или неисправны.

Употребленіе пищи въ лагерѣ производилось два раза въ день:

утромъ—легкій завтракъ стоя, а вечеромъ (въ 1-ю стражу)—полный ужинъ или вечеря (соепа), сидя или лежа.

Снятіе лагеря и выступленіе изъ него производились по 3 сигналамъ: по 1-му — воины сбрасывали и складывали палатки, по 2-му — укладывали ихъ на повозки и навьючивали на вьючныхъ животныхъ поклажу, а по 3-му—строились и выступали изъ лагеря.

Въ фортификаціи, какъ полевой, такъ и долговременной, и въ поліорцетикѣ, римляне, уже до пуническихъ войнъ и особенно въ продолженіе и послѣ нихъ, сдѣлали еще бо́льшіе успѣхи, нежели прежде. Нѣтъ сомнѣнія, что они многое въ нихъ заимствовали у италійскихъ и сицилійскихъ грековъ, но, какъ обыкновенно и во всемъ другомъ, съ собственными военно-практическими примѣненіями и усовершенствованіями, болѣе или менѣе разнообразными по обстоятельствамъ. Всѣ римскіе города въ Италіи были уже правильно ограждены высокими и толстыми (до 50-ти футовъ) каменными стѣнами, съ выдававшимися впередъ круглыми или четвероугольными башнями на фасахъ и преимущественно на исходящихъ углахъ, одна отъ другой на разстояніи полета стрѣлы (около 90 саженъ), для перекрестнаго обстрѣливанія пространства впереди. Башни эти значительно господствовали надъ стѣнами, для того, чтобы изъ нихъ можно было дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятелю, атаковавшему городскія стѣны. На вершинѣ стѣнъ были устроиваемы широкіе ходы, прикрытые со стороны поля небольшими, выдававшимися наружу, каменными валами съ зубцами и навѣсными бойницами. Впереди стѣнъ и башенъ былъ устроиваемъ широкій и глубокій, сухой и, если было можно, преимущественно водяной ровъ. А внутри укрѣпленныхъ городовъ, большею частію на возвышенныхъ и неудободоступныхъ мѣстахъ, были сооружаемы внутреннія крѣпостцы или городскіе замки (цитадели), укрѣпляемые точно такъ же, какъ и самые города. Словомъ—долговременная фортификація у римлянъ, въ этомъ періодѣ,

въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ, имѣла тотъ же видъ, что и у грековъ и всѣхъ вообще народовъ древности (какъ означено было въ 1-й части Всеобщей Военной Исторіи древнихъ временъ), съ нѣкоторыми только частными измѣненіями по духу и характеру римлянъ.

Точно также слѣдуетъ сказать и о состояніи въ это время у римлянъ поліорцетики, которая, въ способахъ, средствахъ и формахъ своихъ, имѣла общій древности вообще и этому періоду въ частности характеръ (уже изображенный также въ 1-й части Всеобщей Военной Исторіи древнихъ временъ). Замѣтимъ только, что поліорцетика, какъ и фортификація, полевая и долговременная, достигли у римлянъ наибольшихъ развитія и совершенства своихъ въ слѣдующихъ періодахъ: римскихъ междоусобій и въ первыя времена имперіи. Въ настоящемъ же періодѣ онѣ продолжали только постепенно развиваться и совершенствоваться и изъ нихъ выше всѣхъ стояла полевая фортификація и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря нѣкоторымъ искуснымъ римскимъ полководцамъ, также и поліорцетика. Такъ, напримѣръ, осады римлянами, во время пуническихъ войнъ, Лилибея — диктаторомъ Корунканіемъ, Сиракузъ—Марцелломъ въ Сициліи и Карѳагена въ Африкѣ и Нуманціи въ Испаніи—Сципіономъ младшимъ африканскимъ, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ древности. Въ нихъ въ особенности, какъ и вообще въ осадахъ, произведенныхъ въ этомъ періодѣ римлянами, яснѣе всего усмотрѣть можно сочетаніе полевыхъ фортификаціонныхъ и осадныхъ работъ разнаго рода и вида, и успѣхи, сдѣланные въ нихъ римлянами. Такъ, напримѣръ, при обложеніи Нуманціи, Сципіонъ устроилъ циркумъ-и контръ-валаціонныя линіи до 11-ти верстъ въ окружности, состоявшія изъ вала, вышиною въ 10 и толщиною въ 8 футовъ, прикрытаго толстымъ, наклоннымъ тыномъ, изъ бруствера съ зубцами и изъ возвышенныхъ укрѣпленій (или бастіоновъ) вдоль валовъ линій, для помѣщенія въ нихъ наблюдательныхъ карауловъ, стрѣлковъ и метательныхъ орудій. Легіоны были расположены въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ лагеряхъ между линіями, а тамъ, гдѣ линіи прерывались болотами, были устроены земляныя насыпи съ такими же валами. Для пресѣченія же сообщеній жителей Нуманціи съ окрестностями по р.

Дуріи (нынѣ Дуро), на ней были устроены пловучія укрѣпленія (эстакады), а на обоихъ берегахъ—отдѣльныя укрѣпленія (форты). Жители Нуманціи, послѣ продолжительной и упорной обороны, погибли частію отъ голода, частію въ произведенной ими большой, отчаянной вылазкѣ; оставшіеся же зажгли городъ и сгорѣли въ огнѣ.

Метательныя орудія (tormenta) употреблялись римлянами въ этомъ періодѣ исключительно только при осадахъ и оборонѣ городовъ. Изъ нихъ катапульты (catapultae) употреблялись уже и прежде, со времени осады Веій, а въ настоящемъ періодѣ стали употребляться и баллисты (ballistae).

Стѣнобитныя орудія и машины также употреблялись въ этомъ періодѣ римлянами при осадахъ городовъ, но еще рѣдко и очень простыя и несложныя, какъ-то: тараны, сначала самые простые (terebrae), изъ бревна съ желѣзною бараньею головою на концѣ, а потомъ усовершенствованные (aries: simplex—на рукахъ и pensilis—на канатахъ или цѣпяхъ), открытые, а потомъ закрытые черепахой (testudo arierata) или подвижною башней (turis arierata). Но послѣднія, болѣе усовершенствованныя и сложныя, принадлежатъ уже болѣе къ послѣдующимъ періодамъ.

Въ настоящемъ же періодѣ, вообще можно сказать, главными поліорцетическими средствами для взятія непріятельскихъ городовъ или принужденія ихъ къ сдачѣ, римлянамъ служили преимущественно тѣсныя обложенія посредствомъ сомкнутыхъ кругомъ, циркумъ-и контръ-валаціонныхъ линій, съ большими профилями и въ которыхъ наибольшія важность и значеніе имѣли различнаго рода и вида полевыя фортификаціонныя работы.

§ 129.

Образъ и искуство веденія войны.—Состояніе военнаго устройства и военнаго искуства вообще.

Образъ и искуство веденія римлянами войны вообще въ этомъ періодѣ были въ полномъ согласіи съ военнымъ устройствомъ и

военными учрежденіями Рима, съ устройствомъ тактическимъ и внутреннимъ римскихъ войскъ, и въ особенности съ духомъ, побужденіями и стремленіями римскаго народа и съ политикою римскаго правительства, сосредоточивавшагося въ римскомъ сенатѣ.

Стремленіе къ завоеваніямъ, прирожденное Риму по самому происхожденію и началу его, обнаружилось уже съ самыхъ первыхъ временъ существованія его. Подъ правленіемъ царей часто обуздываемое миролюбивою политикой ихъ, оно, съ учрежденіемъ народнаго правленія уже сдѣлалось не только существенною потребностью римской республики, но даже и необходимымъ условіемъ политическаго бытія ея. Ибо только обращеніемъ на внѣшнія дѣла вниманія и силъ народа, необыкновенно пылкаго, страстнаго, безпокойнаго, воинственнаго и алчнаго къ славѣ, власти и еще болѣе къ обогащенію добычей, и удовлетвореніемъ этихъ сильнѣйшихъ страстей его, правительство римское могло соблюдать въ государствѣ внутреннія благоустройство и безопасность. Кромѣ того, ежегодная смѣна консуловъ въ Римѣ, а во время и послѣ пуническихъ войнъ—и намѣстниковъ въ покоренныхъ областяхъ и странахъ, постоянно побуждала тѣхъ и другихъ къ новымъ войнамъ, какъ къ вѣрнѣйшему средству пріобрѣтенія славы, богатства, уваженія согражданъ, общественныхъ и государственныхъ отличій, наградъ, достоинствъ и съ ними значенія и силы.

Поэтому римское правительство тщательно искало поводовъ къ войнѣ, объявляло ее за малѣйшія, дѣйствительныя или мнимыя, оскорбленія чести государства и народа римскихъ или нарушеніе правъ и выгодъ ихъ, искусно вмѣшивалось во внутреннія дѣла чужихъ народовъ и въ международныя между ними отношенія, причемъ обыкновенно покровительствовало слабѣйшимъ противъ сильнѣйшихъ, дабы, скрывая свои властолюбивые виды подъ наружными побужденіями великодушія и справедливости, ослабить сильнѣйшихъ и наконецъ покорить и тѣхъ, и другихъ. Въ борьбѣ же съ большими и сильными государствами или съ союзами нѣсколькихъ государствъ противъ Рима, оно приводило въ дѣйствіе всѣ способы и средства своей политики для того, чтобы, слѣдуя правилу divide et impera (раздѣляй и властвуй), раздѣлить и ослабить силы про-

тивниковъ, одолѣть и покорить послѣднихъ порознь, одного за другимъ. А въ средствахъ къ тому оно не было разборчиво и всѣ они были пригодны и служили для достиженія его цѣли. Оно возмущало народы, обѣщая имъ свободу, привлекало часть своихъ противниковъ и подкупомъ, и ласкательствами, и значительностью и блескомъ предлагаемыхъ вознагражденій, и терпѣливо переносило оскорбленія и частныя неудачи и потери, отлагая мщеніе до болѣе благопріятныхъ: времени, случая и обстоятельствъ. На опаснѣйшаго же врага оно устремляло совокупность всѣхъ своихъ силъ, средствъ и способовъ, и до тѣхъ поръ не прекращало войны, пока не достигало полнаго и совершеннаго одолѣнія противника и собственнаго торжества. Если же побѣжденный противникъ былъ вынуждаемъ смириться и просить мира, то оно соглашалось на это, но на такихъ условіяхъ, которыя имѣли цѣлію довершить его истощеніе, изнеможеніе и ослабленіе до самой крайней степени. Оно отнимало у него лучшія его области, флотъ, сухопутные и морскіе военные склады и запасы, либо до крайности ограничивало число сухопутныхъ войскъ и морскихъ судовъ его, истощало государственные доходы и казну его непомѣрными денежными контрибуціями, запрещало ему объявлять войну и заключать миръ и союзы безъ согласія римскаго сената и предоставляло себѣ право рѣшать важнѣйшія внѣшнія и даже внутреннія дѣла его *).

Втайнѣ рѣшивъ вести войну съ тѣмъ или другимъ народомъ или государствомъ, оно, еще до объявленія ея установленнымъ порядкомъ, всячески старалось втайнѣ же, тщательно и обстоятельно развѣдывать о военныхъ силахъ, средствахъ и способахъ этого народа или государства, о расположеніи умовъ въ нихъ, о личности, способностяхъ и характерѣ ихъ полководцевъ, о свойствахъ страны ихъ, словомъ — о всемъ, что ему необходимо было знать для того, чтобы сообразовать съ этимъ свои политическія и военныя дѣйствія. Сообразно съ тѣмъ, оно составляло общее предначертаніе войны и

*) Замѣчательно, что политика Рима языческаго съ 754 года передъ Р. Х. до IV вѣка по Р. Х. и Рима христіанскаго съ VI вѣка по Р. Х. до настоящаго времени - была та же, т. е. по теперешнему выраженію — іезуитская.

первоначальныхъ военныхъ дѣйствій, и хранило его въ величайшей тайнѣ, стараясь между тѣмъ вводить противника въ заблужденіе ложными слухами, движеніями и дѣйствіями. А между тѣмъ въ Римѣ, у союзниковъ и подвластныхъ народовъ набирались войска, на выгоднѣйшихъ мѣстахъ учреждались склады продовольствія (horrea), подвижные склады оружія (armentaria), оружейные заводы (fabricae) и т. п.

Коль скоро всѣ предварительныя приготовленія къ войнѣ были совершенно кончены, тогда римскій сенатъ объявлялъ ее противнику посредствомъ феціаловъ или жрецовъ (о которыхъ уже было говорено въ 1-й части настоящаго труда), съ извѣстными обрядами. Они требовали отъ имени сената и народа римскихъ удовлетворенія за нанесенное имъ оскорбленіе или за нарушеніе ихъ правъ и выгодъ. Въ случаѣ отказа, одинъ изъ феціаловъ бросалъ на землю противника окровавленное копье, что и служило знакомъ торжественнаго объявленія войны и называлось clarigatio. Когда же владычество римлянъ стало распространяться за предѣлы Италіи, тогда обрядъ объявленія войны исполнялся на такъ называемомъ бранномъ или военномъ полѣ (agger hostilis) за стѣнами Рима. По объявленіи войны, немедленно отворялись, до окончанія ея, двери Янусова храма — и римскія арміи двигались въ поле.

Выше было уже сказано, что въ обыкновенныхъ случаяхъ нормальная сила римской консульской арміи не превышала числа 4-хъ легіоновъ, 2-хъ римскихъ и 2-хъ союзныхъ, потому что римляне признавали истинную силу арміи не въ числѣ войскъ, а въ ихъ хорошемъ устройствѣ, мужествѣ и храбрости, и въ военныхъ дарованіяхъ и искуствѣ главнаго предводителя ихъ. Но въ случаяхъ особенной важности или опасности, или когда необходимо было вести войну съ однимъ или нѣсколькими сильными противниками, римляне выставляли въ поле нѣсколько армій, число легіоновъ въ которыхъ достигало иногда значительнаго числа. Такъ въ войнѣ противъ галловъ (226—220 г.), послѣ 1-й пунической войны, Римъ выставилъ 5 армій и 2 легіона (всего 22 легіона), не считая множества вспомогательныхъ войскъ, а во 2-й пунической войнѣ

и послѣ нея число римскихъ армій и легіоновъ въ полѣ часто бывало и еще значительнѣе и постепенно увеличивалось по мѣрѣ распространенія завоеваній римлянъ внѣ Италіи (въ Африкѣ, Испаніи, Македоніи, Греціи и на Востокѣ). Но тогда римляне большею частію увеличивали число союзныхъ и вспомогательныхъ войскъ въ 1-й линіи, области же народовъ, выставлявшихъ эти войска, занимали собственно римскими войсками, въ видѣ резервовъ, чѣмъ содержали эти народы въ должномъ повиновеніи, обезпечивали край и сообщенія въ тылу дѣйствовавшихъ армій и, ведя войны болѣе союзными и вспомогательными войсками, сберегали собственныя свои войска и силы своего народа, которыхъ иначе, безъ опасенія истощенія ихъ, было бы недостаточно для веденія Римомъ его частыхъ, почти непрерывныхъ, многихъ и кровопролитныхъ войнъ.

Образъ и искуство веденія войны римлянами до пуническихъ войнъ были подобны свойственнымъ и грекамъ до временъ Филиппа и Александра Македонскихъ. Объемъ, размѣры и характеръ римскихъ войнъ этого времени не могли быть особенно значительными и важными, по ограниченности и политическихъ, и военныхъ цѣлей, и театровъ войнъ, и военныхъ дѣйствій, и числа и силы римскихъ армій, и географическихъ свѣдѣній. Но уже 1-я и особенно 2-я пуническія войны значительно расширили область войны у римлянъ, и она, соразмѣрно съ увеличеніемъ важности и значенія политическихъ и военныхъ цѣлей и театровъ ея, числа и силы римскихъ армій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ расширеніемъ области географическихъ свѣдѣній, стала принимать все бо́льшіе размѣры и получать все бо́льшія значеніе и важность. Но и тогда, какъ и прежде, основныя начала веденія римлянами войны были чрезвычайно смѣлы, рѣшительны и вѣрны, хотя и весьма просты и несложны. И въ войнѣ, какъ и въ бою, выше всего ставя преимущество предупрежденія и предначинанія (иниціативы) и самыя рѣшительныя наступательныя дѣйствія совокупностью всѣхъ силъ, съ цѣлію рѣшительнаго же боя въ открытомъ полѣ, римляне устремляли свои арміи изъ собственныхъ предѣловъ въ непріятельскіе, прямо туда, гдѣ находилось непріятельское войско, и сразу старались разбить его въ бою или инымъ образомъ нанести ему рѣшительный ударъ.

И въ этомъ имъ чрезвычайно способствовали и малочисленность ихъ армій и военныхъ тяжестей при нихъ, и необыкновенная удободвижимость ихъ, и быстрота ихъ движеній, и особенно обычай каждую ночь располагаться въ укрѣпленныхъ лагеряхъ и сражаться впереди ихъ или недалеко отъ нихъ — все такія важныя преимущества, которыхъ не имѣли даже греки. Имѣя въ каждомъ укрѣпленномъ лагерѣ своемъ какъ бы родъ подвижной крѣпостцы, образовавшей, съ собранными въ ней военными запасами, твердый и прочный опорный пунктъ, римляне не имѣли надобности устроивать въ тылу своихъ армій, въ цѣломъ краю или цѣлой странѣ, особенное мѣстное основаніе дѣйствій, ни путей дѣйствій отъ него, ни сообщеній съ нимъ, и обезпечивать ихъ и свои фланги и тылъ дѣйствіями въ полѣ или искуственными преградами. А потому они имѣли преимущество дѣйствовать въ любомъ направленіи съ одинаковыми: скоростью, смѣлостью и рѣшительностью. На случай же неудачи, они всегда имѣли за собою, вблизи — надежное убѣжище въ своихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, въ которыхъ могли обороняться, какъ въ крѣпостцахъ, а вдали, въ видѣ резервовъ — свои собственныя, римскія войска въ областяхъ союзниковъ или данниковъ.

Такимъ образомъ, въ образѣ и искуствѣ веденія войны римлянами главное, важнѣйшее значеніе имѣла, какъ всегда и повсюду въ древности, тактика, сильными вспомогательными средствами которой была полевая фортификація, или, иными словами, бой въ открытомъ полѣ, но подкрѣпленный и усиленный въ тылу укрѣпленнымъ лагеремъ и рѣшавшій на поляхъ сраженій судьбу армій, народовъ и государствъ. Поэтому, совокупивъ все, что выше было сказано о состояніи у римлянъ въ это время тактики, кастраметаціи, фортификаціи и поліорцетики и объ образѣ и искуствѣ веденія ими войны, мы получимъ общее понятіе о современномъ состояніи у нихъ всего военнаго искуства, которое уже и въ этомъ періодѣ значительно развилось и усовершенствовалось, а въ слѣдующемъ достигло наивысшей степени и рѣшительно превосходило состояніе его у всѣхъ народовъ древности и даже у грековъ и македонянъ, до и послѣ Филиппа и Александра македонскихъ. Болѣе 6-ти вѣковъ сряду (754—133), постепенно, шагъ за шагомъ, по

постоянно, непрерывно подвигаясь впередъ, проходили римляне всю опытную, практическую, военную и боевую школу военнаго искуства во всѣхъ его отрасляхъ, видахъ и отношеніяхъ. И уже послѣ 2-й пунической войны они вышли изъ нея, можно сказать, вполнѣ готовыми на войну съ цѣлымъ, извѣстнымъ тогда міромъ. Но и тогда они не остановились на пути, но продолжали идти впередъ все къ большему и большему совершенству, высшей степени котораго и достигли именно въ слѣдующемъ, мрачномъ періодѣ послѣдняго и смутнаго времени римской республики. Военное же устройство и военныя учрежденія ихъ, напротивъ, въ настоящемъ періодѣ достигли самой высшей степени своего развитія и совершенства, а въ слѣдующемъ начали уже приходить въ упадокъ. Такимъ образомъ оба эти періода, каждый въ своемъ отношеніи, вмѣстѣ взятые, составляютъ три вѣка наибольшаго развитія и совершенства военныхъ: устройства, учрежденій и искуства у римлянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того, наибольшаго же развитія ихъ государственной силы и власти и расширенія предѣловъ ихъ государства отъ Атлантическаго океана до внутренней Азіи. Уже и въ настоящемъ періодѣ до начала междуусобій, они покорили всю Италію, острова Сицилію, Сардинію и Корсику, значительныя части Галліи, Испаніи и Африки, и наконецъ Иллирію, Македонію и Грецію, хотя и послѣ трудныхъ, тяжелыхъ и кровопролитныхъ войнъ и нерѣдко — сильныхъ пораженій и даже опасности, грозившей самому политическому бытію римской республики со стороны галловъ, Пирра и особенно Аннибала. Вникая внимательно въ причины такого торжества оружія ихъ надъ всѣми ихъ противниками, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что онѣ заключались въ необыкновенномъ и рѣшительномъ превосходствѣ римлянъ надъ всѣми другими современными народами, не въ томъ или другомъ родѣ и видѣ военныхъ: устройства, учрежденій и искуства преимущественно, но въ совокупности всѣхъ ихъ вообще, удивительнымъ образомъ соглашенныхъ и соединенныхъ между собою, сосредоточенныхъ и устремленныхъ къ одной общей, главной цѣли, къ которой стремился Александръ Великій, но которой достигли римляне, именно — завоеванію

извѣстнаго тогда міра! Нельзя, по истинѣ, не изумляться тому глубокому уму и практическому смыслу, съ которыми у римлянъ всѣ части ихъ военныхъ: устройства, учрежденій и искуства, отъ главнѣйшихъ до мельчайшихъ, и всѣ вмѣстѣ въ общей совокупности, были соображены, согласованы и устремлены къ одной цѣли. Не удивительно, что и въ древнія, и въ новыя времена онѣ возбуждали къ себѣ такія восторженныя чувства восхищенія и восхваленія. Вегецій, удивляясь вѣрной соразмѣрности всѣхъ составныхъ частей римскаго легіона, приходитъ въ нѣкоторый восторгъ, говоря: «Должно быть, что учрежденіе легіона внушено мудростью, превыше человѣческой!» А Іосифъ Флавій выражается объ этомъ предметѣ съ большею еще силой. «Если разсмотрѣть»—говоритъ онъ—«до какой степени римляне изучали военное искуство, то нельзя не согласиться, что великое могущество, до котораго они достигли, было не даромъ счастія, но наградою ихъ мудрости. Они не ждали войны для того, чтобы упражняться во владѣніи оружіемъ; не видно, чтобы они, усыпленные на лонѣ мира, начинали приводить въ движеніе руки только тогда, когда необходимость пробуждала ихъ; никогда они не прерываютъ своихъ военныхъ упражненій, какъ будто оружіе родилось вмѣстѣ съ ними и входило въ составъ ихъ тѣлесныхъ членовъ,—и эти военныя игры суть глубокомысленное изученіе образа битвъ. Каждый день каждый воинъ производитъ опыты силы и мужества, а то дѣйствительныя битвы не представляютъ ему ничего новаго и труднаго; привыкнувъ сохранять свои ряды въ строю, воины римскіе никогда не знаютъ разстройства и безпорядка въ нихъ, никогда страхъ не омрачаетъ ихъ разсудка, никогда усталость не истощаетъ ихъ силъ. Они увѣрены въ побѣдѣ, ибо увѣрены, что встрѣтятъ непріятелей, непохожихъ на нихъ, и можно было бы сказать, не опасаясь ошибиться, что ихъ упражненія суть битвы безъ пролитія крови, а битвы — кровопролитныя упражненія». Замѣтимъ, что это говорили не язычники, но одинъ (Вегецій)—христіанинъ, а другой (Іосифъ Флавій)—іудей. А какъ отзываются о томъ же греческіе и римскіе писатели, особенно Полибій и Титъ Ливій, можно нѣкоторымъ образомъ представить себѣ по приведеннымъ словамъ

Вегеція и Іосифа Флавія. Титъ Ливій, между прочимъ (кн. IX, гл. 17—20), разсматриваетъ очень любопытный вопросъ, именно—что было бы, еслибы Александръ Великій прожилъ долѣе и, обративъ свои завоеванія отъ Востока на Западъ, пришелъ въ столкновеніе съ римлянами, и по этому случаю подробно разбираетъ, кто изъ нихъ остался бы побѣдителемъ. Дѣйствительно—вопросъ любопытный и занимательный, подающій поводъ къ сравненію грековъ и римлянъ въ отношеніи къ военному дѣлу вообще. Греки, по высокой образованности своей, стояли рѣшительно въ главѣ цивилизаціи древняго міра и превосходили въ ней всѣ народы его и самихъ римлянъ. Народъ необыкновенно остроумный, они не только практически усовершенствовали военное искуство, но и создали полную его теорію или военную науку, столь же необходимую, по ихъ мнѣнію, для успѣха на войнѣ, сколько и отличныя: устройство, образованіе и храбрость войска и военныя дарованія его предводителя. А между тѣмъ военная система ихъ, достигнувъ извѣстныхъ предѣловъ, не пошла далѣе и осталась въ томъ же видѣ, ни отъ кого ничего не заимствуя и никогда ни въ чемъ не измѣняясь. Римляне же, народъ столько же, а въ лучшія времена республики гораздо менѣе образованный и даже вовсе необразованный, обладалъ другими преимуществами, въ которыхъ, въ военномъ отношеніи, далеко превосходилъ ихъ, а именно—простымъ и здравымъ практическимъ смысломъ, всецѣло устремленнымъ къ сплоченію всего римскаго народа въ одно военное тѣло, одушевленное строжайшими: благоустройствомъ, порядкомъ и военной дисциплиной. Они не изучали военной науки и сами не создали ея, но за то постоянно изучали военное дѣло во всѣхъ его тонкостяхъ, изучили его практически до совершенства, вознесли его на верхъ искуства—и при самомъ первомъ столкновеніи ихъ, хотя неученыхъ, но вооруженныхъ легіономъ, съ греками, хотя и учеными, но вооруженными фалангой, мигомъ сокрушили ихъ и вскорѣ безъ особеннаго труда покорили и Македонію, и Грецію. А побѣдивъ и покоривъ македонянъ и грековъ, они уже не встрѣчали достойныхъ себя противниковъ ни на дальнемъ Востокѣ, ни на Западѣ Европы—доколѣ ихъ государственное и военное устройство не стало быстро

клониться къ упадку Но до тѣхъ поръ, пока оно сохранялось нарушимымъ и его одушевлялъ духъ лучшихъ временъ римской республики, римляне, въ военномъ отношеніи, были рѣшительно первымъ и единственнымъ народомъ древняго міра!

Поэтому-то военая исторія ихъ безспорно, безусловно, во всѣхъ отношеніяхъ, вполнѣ и всегда достойна тщательнаго изученія—даже и въ нашъ, гордый своими успѣхами и изобрѣтеніями вѣкъ, въ которомъ многому и весьма многому еще можно не безъ пользы научиться у римлянъ.

§ 130.

Морскія военныя силы и искуство.

Для довершенія картины военныхъ: устройства и искуства у римлянъ въ настоящемъ періодѣ, остается еще сказать нѣсколько словъ о состояніи у нихъ въ это время морскихъ военныхъ силъ и искуства, тѣмъ болѣе, что въ этомъ періодѣ они являются уже дѣятелями не на одной твердой землѣ, но и на морѣ, и сразу же съ не менѣе замѣчательными успѣхами и славой.

До 1-й пунической войны, занятые войнами съ народами Италіи, они не имѣли надобности во флотѣ. Но потребность въ немъ оказалась неминуемою уже въ 1-ю пуническую войну, цѣлію которой было завоеваніе Сициліи, для чего необходимо было перевозить туда войска и содержать постоянныя сообщенія съ Римомъ и Италіей. И тутъ нельзя не удивляться, съ какими энергіею и скоростью римляне — народъ военно-сухопутный — создали такой флотъ, что уже въ 260 г. (въ 5-й годъ войны) одержали, подъ предводительствомъ консула Дуиллія, первую свою побѣду надъ карѳагенянами на морѣ, а 3 года спустя, въ 257 г. (въ 8-й годъ войны)—вторую, съ огромнымъ флотомъ, подъ предводительствомъ консула Регула, состоявшимъ изъ 350-ти триремъ, на которыхъ было 140,000 войскъ и гребцовъ! Съ этого времени они уже постоянно имѣли на моряхъ флоты, съ которыми во время 1-й пунической войны перенесли войну въ Африку, довершили завоеваніе Сициліи,

покорили острова Сардинію, Корсику и другіе въ западной части Средиземнаго моря, а потомъ съ помощію своихъ флотовъ перенесли войну въ Испанію, Африку, Македонію и Грецію.

Въ самомъ началѣ 1-й пунической войны (въ 264—261 гг.) они перевозили свои войска изъ Италіи въ Сицилію на морскихъ судахъ, собираемыхъ ими, вмѣстѣ съ гребцами, у жителей приморскихъ береговъ покоренной ими Италіи — этрусковъ и особенно греческихъ поселенцовъ южной Италіи или Великой Греціи. Но вскорѣ, съ свойственною имъ прозорливостью, они убѣдились, что для вытѣсненія карѳагенянъ изъ Сициліи имъ необходимо было побѣдить ихъ на собственной ихъ стихіи — морѣ и затѣмъ въ собственной ихъ странѣ — Африкѣ, подъ стѣнами самаго Карѳагена. Разъ рѣшившись на это, они не пощадили ничего для созданія средствъ къ тому — и возложили всю обязанность и все бремя выставленія для нихъ одного флота за другимъ на своихъ приморскихъ, италійскихъ и греческихъ, союзниковъ въ Италіи, которые крайне потерпѣли отъ этого и были разорены въ конецъ. Полибій утверждаетъ, будто одна карѳагенская трирема, доставшаяся римлянамъ, послужила имъ образцомъ для построенія своего флота. Но это должно принимать не за иное, какъ за риторическую прикрасу, употребленную Полибіемъ, въ увлеченіи, для восхваленія и возвеличенія римлянъ. Они нимало не нуждались въ этомъ и безъ этого совершили, созданіемъ флота, необыкновенный подвигъ. Владѣя всѣми приморскими берегами Италіи, населенными торговыми мореходцами, и находясь въ союзѣ съ Сиракузами и Мессаной (или Мессеной) въ Сициліи, они не могли не имѣть понятія о кораблестроеніи, ни недостатка въ кораблестроителяхъ, ни принять взятую карѳагенскую трирему за образецъ для построенія такихъ же триремъ у себя. Римскій сенатъ просто приказывалъ приморскимъ союзникамъ выставлять флоты — и они выставляли ихъ, хотя и цѣною своего разоренія. Гораздо удивительнѣе то, что предводителями своихъ флотовъ сенатъ римскій назначалъ не грековъ и не этрусковъ, а римлянъ, совершенно незнакомыхъ съ морскимъ дѣломъ и однако одерживавшихъ морскія побѣды. Хотя въ 260 г. одинъ римскій консулъ Сципіонъ, съ 17-ю триремами, былъ окруженъ и

взятъ въ плѣнъ карѳагенянами, но за то другой консулъ Дуиллій одержалъ надъ ними полную и совершенную побѣду, помощію изобрѣтеннаго имъ вóрона (corvus) или большаго крюка, которымъ римскія триремы сцѣплялись съ карѳагенскими на абордажъ и римскіе воины сражались съ карѳагенскими на ихъ триремахъ точно также, какъ на сухомъ пути. Карѳагеняне, вовсе не ожидавшіе этого и занятые исключительно маневрированіемъ, были разбиты, но послѣ того изобрѣли, кажется, средство противудѣйствовать Дуилліеву вóрону и обращать его въ ничто; по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи о немъ уже не упоминается болѣе въ исторіи. Три года спустя (257) истощеніе средствъ принудило римлянъ составить чрезвычайно смѣлый, но и рѣшительный планъ — перенести войну прямо въ Африку, поручивъ исполненіе его консуламъ Манлію и Регулу, уже съ 350-ю триремами и 140,000 войскъ и гребцовъ на нихъ, какъ сказано выше. Консулы отчасти прикрѣпили свои триремы одну къ другой, дабы удержать ихъ въ тѣсномъ соединеніи и сдѣлать безпомощнымъ искусство карѳагенянъ въ маневрированіи, построили весь свой флотъ клиномъ или угломъ, прорвали растянутую дугою линію карѳагенскаго флота, разбили его, частію потопили, частію взяли въ плѣнъ и проложили себѣ путь въ Африку (см. выше, гл. XIX, § 119). Когда въ 255 г. римскій флотъ погибъ у береговъ Сициліи отъ бури, римскій сенатъ началъ сооружать новый флотъ и умножилъ число морскихъ поселеній, учрежденныхъ въ началѣ войны и которыя были обязаны нести всѣ повинности военно-морской службы, за что навсегда получили совершенное освобожденіе отъ военно-сухопутной службы (sacrosanctam vacationem). Какое напряженіе силъ на морѣ употребили римляне и что́ это стоило имъ, можно усмотрѣть изъ того, что со времени экспедиціи Регула въ 257 г. до 253 г. (въ 5 лѣтъ времени) они лишились 700 триремъ! Приморскіе же города и поселенія были до того истощены и разорены, что уже не въ состояніи были выставлять ни морскихъ судовъ, ни гребцовъ, и потому сенатъ римскій былъ вынужденъ прекратить на время войну на морѣ. Но въ 250 г. римляне выставили новый флотъ, для того, чтобы обложить съ моря осажденный ими съ сухаго пути Лилибей въ Сициліи. А въ 249 г. кон-

сулъ Аппій Клавдій Пульхеръ вступилъ при городѣ Дрепанѣ (Drepanum), въ Сициліи, въ морское сраженіе съ карѳагенскимъ флотомъ—и былъ разбитъ, причемъ погибло 117 судовъ и 20,000 человѣкъ! И во второй разъ истощеніе средствъ принудило римлянъ отказаться отъ войны на морѣ. Наконецъ въ 247 г., вслѣдствіе смѣлыхъ, рѣшительныхъ и крайне разорительныхъ для римлянъ, наступательныхъ дѣйствій Амилькара Барки въ Сициліи и даже на берегахъ Италіи, римская аристократія, сенаторы и всадники положили построить флотъ на свой счетъ и исполнили это сообща. Предводитель этого новаго флота,Лутацій Катулъ,въ 241 г. совершенно неожиданно явился у береговъ Сициліи, обложилъ съ моря Лилибей и Дрепанъ и вскорѣ, при островѣ Эгузѣ, противъ Лилибея, разбилъ высланный Карѳагеномъ флотъ, изъ котораго 50 судовъ было потоплено, а 90 взято въ плѣнъ. Эта рѣшительная побѣда на морѣ, съ бо́льшимъ еще искуствомъ, нежели счастіемъ, одержанная Лутаціемъ Катуломъ, положила конецъ 1-й пунической войнѣ.

Послѣ нея римская политика вышла уже изъ предѣловъ Италіи и кругъ ея сталъ постепенно расширяться во всѣ стороны, слѣдовательно — на окружавшихъ Италію моряхъ Средиземномъ и Адріатическомъ и на окружавшихъ Грецію, и за этими морями. И потому съ этого времени римлянами уже почти постоянно выставляются на этихъ моряхъ флоты, какъ на сухомъ пути выставлялись арміи. Помощію этихъ флотовъ они тотчасъ послѣ 1-й пунической войны завладѣли Сардиніей и другими островами Средиземнаго моря, во время 2-й пунической войны перенесли войну въ Испанію и Африку, а послѣ нея—въ Иллирію, Македонію, Грецію и далѣе на Востокъ. Вотъ картина начала и постепеннаго развитія морскихъ военныхъ силъ у римлянъ и господства ихъ на моряхъ, способная возбудить не меньшее удивленіе, чѣмъ быстрое возрастаніе ихъ военно-сухопутныхъ силъ и господства на твердой землѣ.

Что касается до устройства римскихъ флотовъ, внѣшняго и внутренняго, то первое (строеніе, снаряженіе, дѣйствія судовъ, снабженіе ихъ гребцами и проч.) было подобно современному,

общеупотребительному у италійскихъ и сицилійскихъ грековъ, карѳагенянъ и другихъ приморскихъ народовъ, а второе основывалось на общихъ съ военно-сухопутными силами законахъ. По своему обычаю — ничѣмъ не пренебрегать у чужихъ народовъ и заимствовать у нихъ все практически-лучшее и полезнѣйшее, римляне и въ отношеніи къ строенію, снаряженію, управленію и дѣйствію своихъ военно-морскихъ судовъ и проч. дѣлали такого рода заимствованія и у грековъ, и у карѳагенянъ, и у иллирійцевъ, которые считались отличными кораблестроителями и мореходцами, но всѣ ихъ заимствованія носили, какъ и въ сухопутномъ войскѣ, печать римскаго здраваго, практическаго смысла. Главнымъ видомъ и главною силой ихъ флотовъ были триремы, но послѣ 2-й пунической войны у нихъ уже стали строиться военно-морскія суда и съ бо́льшимъ числомъ рядовъ веселъ, особенно въ 5 (квинкверемы). Отношеніе гребцовъ и воиновъ на каждомъ военномъ суднѣ вообще было, какъ и у карѳагенянъ, какъ 3: 2, то есть, на $^2/_3$ первыхъ была $^1/_3$ послѣднихъ. Начальствованіе флотами ввѣрялось большею частію предводителямъ перевозимыхъ на нихъ сухопутныхъ армій или отрядовъ войскъ, но иногда (въ этомъ періодѣ очень рѣдко) особымъ предводителямъ (duumviri). Флоты римскіе, какъ и другіе современные, совершали или быстрые переѣзды не очень большихъ пространствъ (изъ Италіи или Сициліи въ Африку, Испанію, Иллирію, Македонію и Грецію), или же болѣе дальнія плаванія вдоль береговъ, при чемъ каждую ночь пристава́ли къ берегу и иногда римляне вытаскивали на него суда и ограждали ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ;—продовольствіе же перевозилось за флотами на перевозныхъ круглыхъ судахъ. Въ морскихъ сраженіяхъ римляне вообще маневрированію предпочитали сцѣпленіе на абордажъ и бой на судахъ, подобный сухопутному, для рѣшенія побѣды въ немъ оружіемъ. А въ войнѣ вообще, обладая бо́льшимъ превосходствомъ на сухомъ пути, нежели на морѣ, они старались, гдѣ и когда только можно было, рѣшать войну сухопутными арміями, лишь при содѣйствіи флотовъ, а не наоборотъ, и во всякомъ случаѣ войну сухопутную предпочитали морской.

Бо̀льшія подробности о военно-морскихъ силахъ и искусствѣ у римлянъ будутъ приведены въ изложеніи слѣдующихъ двухъ періодовъ наибольшаго развитія и совершенства тѣхъ и другаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ВОЙНЫ РИМЛЯНЪ СЪ 343-го ПО 264-й ГОДЪ.

I. Войны съ самнитянами, другими народами Италіи и галлами (343—290).—§ 131. Географическій обзоръ древней Италіи и народовъ, обитавшихъ въ ней. § 132. 1-я самнитская война (343—340). § 133. Война съ латинянами и кампанцами (339—327).—§ 134. 2-я самнитская война (326—305). — § 135. Война съ этрусками и умбрами (311—299). — § 136. 3-я самнитская война и война съ этрусками, умбрами и галлами (299—290).—§ 137. Заключеніе. II. Война съ Тарентомъ и Пирромъ (281—272). § 138. Война съ Тарентомъ и Пирромъ (281—272). § 139. Заключеніе.

Источники: древніе: Діонисій, Титъ Ливій, Аппіанъ, Плутархъ и изъ новыхъ и новѣйшихъ историческихъ пособій: Gronowii или Graevii Thes. antiquit. roman. graecar (для хронологіи) и означенные выше въ введеніи I-й части.

I.

Войны съ самнитянами, другими народами Италіи и галлами. (343 — 290).

§ 131.

Географическій обзоръ древней Италіи и народовъ, обитавшихъ въ ней.

Приступая къ изложенію военной исторіи войнъ римлянъ, начавшихся въ Италіи и изъ нея распространившихся во всѣ стороны внѣ ея предѣловъ, необходимымъ кажется предварительно представить краткій географическій обзоръ древней Италіи и народовъ,

обитавшихъ въ ней, особенно самнитянъ, войнами съ которыми и открывается настоящій періодъ.

Границами древней Италіи были: на сѣверѣ Альпы, на западѣ и на югѣ Средиземное море (mediterraneum vel internum mare), а на востокѣ Адріатическое (adriaticum mare). Наибольшее протяженіе ея въ длину отъ сѣвера къ югу было въ 150 географическихъ миль (1050 верстъ), наибольшая ширина у подошвы Альповъ въ 100 миль (700 верстъ), а въ серединѣ полуострова—26 миль (182 версты), площадь—9,750 квадратныхъ миль (68,250 квадратныхъ верстъ). Хребтомъ Аппеннинскихъ горъ, направляющимся съ сѣвера на юго-востокъ, а потомъ на юго-западъ, она раздѣлялась на двѣ неравныя половины, изъ которыхъ сѣверо-восточная была страна ровная, открытая и плодородная, а юго-западная—изрѣзанная горами, съ узкими горными долинами и небольшими приморскими равнинами. Въ первыя времена Рима, Аппеннинскій хребетъ былъ покрытъ густыми лѣсами. Главными рѣками были: Падъ (Padus, нынѣ По), Атезисъ (Athesis, Adige), изливающіяся въ Адріатическое море, и Тибръ (Tiberis, Tibre) въ Средиземное море. Почва была одною изъ плодороднѣйшихъ въ Европѣ, особенно на равнинахъ, но во многихъ горныхъ частяхъ неудобною къ воздѣлыванію. Пока Средиземное море служило главнымъ путемъ торговли, Италія, по своему положенію, казалась важнѣйшею страною для этой части свѣта; но она очень мало пользовалась этой выгодой въ древности.

Она дѣлилась на 3 части: I. верхнюю или сѣверную—отъ Альповъ до двухъ рѣчекъ Рубикона и Макры, — но только южная половина ея была обращена въ римскую провинцію послѣ 1-й пунической войны, между 225 и 222 годами, а сѣверная до Альповъ послѣ 2-й пунической войны; право же гражданства она получила и причислена къ остальной Италіи только со временъ Юлія Цезаря;—II. среднюю или собственную Италію, отъ Рубикона и Макры до рѣкъ Силара и Френто, и III. нижнюю или южную, иначе Великую Грецію, отъ Силара и Френто до южныхъ береговъ и мысовъ моря.

I. Верхняя или сѣверная Италія заключала въ себѣ:

1) Галлію цизальпинскую или предъ-альпійскую и 2) Лигурію.

1) Галлія цизальпинская (Gallia Cisalpina aut Togata), названная такъ въ противуположность трансальпинской или заальпійской или собственной Галліи, потому что была населена большею частію галльскими племенами. Она обнимала обширную равнину, пересѣченную рѣкою Падомъ (По) на двѣ половины: сѣверную — Галлію транспаданскую или за-паданскую (Gallia Transpadana), которая заключала въ себѣ также Венецію (Venetia), Карнію и Истрію, и южную — Галлію циспаданскую или предъ-паданскую.

Въ транспаданской Галліи, обитаемой галльскими племенами тавриновъ, инсубровъ и цензмановъ, главныя рѣки были: Падъ (Padus), съ сѣверными притоками: Дуранціей (Durantia, нынѣ Дурія, Дореа или Дюрансъ), Тицинъ (Ticinus, Тессинъ), Аддуа (Addua, Adda), Оллій (Ollius, Олліо), Минцій (Mincius, Минчіо) и другія меньшія. Рѣка Атезисъ (Athesis, Адижъ), Медоакъ (Medoacus, Brenta), Піава (Piavis, Піаве), Тилавентъ (Tilaventus, Тальяменто) и Сонцій (Sontius, Изонцо) изливались въ Адріатическое море. Озера въ ней были Вербанское (Verbanus, Лаго Маджіоре), Ларійское (Larius, Лаго ди Комо) и Бенакское (Benacus, Лаго ди Гарда).

Въ циспадапской Галліи, обитаемой галльскими племенами боіевъ, сеннионовъ и лингоновъ, главныя рѣки были, сверхъ Пада, южные притоки его: Танаръ (Tanarus, Танаро), Требіа (Trebia, Требія), Таръ (Tarus, Таро) и др.

Города въ цизальпинской Галліи вообще произошли большею частію изъ римскихъ колоній или поселеній, учрежденныхъ римлянами по мѣрѣ завоеванія ими этой страны и большею же частію до сихъ поръ сохраняютъ свои прежнія названія, именно: къ югу отъ Пада (образовавшіеся ранѣе) Равенна, Бононіа (Вопопіа, Болонья), Мутина (Модена), Парма, Плаценція (Піаченца) и др., а къ сѣверу отъ Пада (образовавшіеся позже) Мантуа, Кремона, Бриксіа (Брешіа), Медіоланъ (Mediolanum, Миланъ), Тицинъ (Ticinum, Павія), Августа Тавриновъ (Augusta Taurinorum, Туринъ) и другіе къ востоку отъ Атезиса (Адижа), образовавшіеся еще позже.

2) Лигурія, называвшаяся такъ по обитавшимъ въ ней издревле лигурійскимъ племенамъ антеменовъ, статіелловъ и апуановъ, обнимала приморскій край между рѣками Варомъ (Varus, Var) и Макрой. Городами въ ней были: главнымъ и очень древнимъ—Генуа (Genua), Ницея (Ницца) и Аста (Асти).

II. Средняя или собственная Италія, между рѣками Рубикономъ и Макрой и рѣками Силаромъ и Френто, заключала въ себѣ 6 областей: Этрурію, Лаціи и Кампанію на западѣ и Умбрію, Пиценъ и Самній на востокѣ.

1) Этрурія (Etruria, Tuscia, Tyrrhenia) отдѣлялась на сѣверѣ рѣкой Макрой отъ Лигуріи, а на югѣ рѣкой Тибромъ отъ Лаціи и Умбріи. Главною рѣкою въ ней былъ Арнъ (Arnus, Arno), а озерами: Тразименское (Lago di Perugia) и Вольсинійское. Этрурія, страна преимущественно гористая, только близъ береговъ моря равнинная, была отечествомъ и средоточіемъ весьма древняго и, во времена до усиленія Рима, могущественнаго и процвѣтавшаго народа этрусковъ, образовавшагося вѣроятно изъ смѣшенія древнихъ туземныхъ племенъ магелловъ, вольсинійцевъ, тарквинянъ, фалисковъ, церитянъ и веіентянъ, и греческихъ колоній, изъ коихъ отъ послѣднихъ этруски заимствовали ихъ письмена, но не ихъ искуства; богатствомъ же и роскошью своими они были обязаны морской торговлѣ. Города въ Этруріи были: между Макрой и Арномъ—Пизы (Pisae, Pisa), Пистоіа (Pistoria, Pistoia), Флоренція (Florentia),Фесулы (Fiesolae); между Арномъ и Тибромъ—Волатерры (Volaterrae, Volterre), Вольсиній (Volsinium, Bolseno) на озерѣ этого имени, Клузій (Clusium, Chiusi), Арреція (Arretium, Arrezzo), Кортона (Cortona), Перузія (Perusia, Perudgia) близъ озера того же имени или Тразименскаго, Фалеры (Falerii, Falari) и богатый городъ Веіи (Veii). Эти 12 главныхъ городовъ имѣли каждый своего вождя или старѣйшину (Lucumo) и хотя находились въ тѣсныхъ связяхъ и отношеніяхъ между собою, но не образовали кажется одного общаго союза.

2) Лаціи (Latium), собственно страна латиновъ или латинянъ, отъ Тибра на сѣверѣ до мыса цирцейскаго (Circeii) на югѣ, называлась древнимъ Лаціемъ (Latium vetus); — но въ послѣд-

ствіи къ нему присоединилась и страна отъ цирцейскаго мыса до рѣки Лириса (Liris) и названа новымъ Лаціемъ (Latium novum), такъ что Лацій вообще заключался между рѣками Тибромъ, Арномъ и Лирисомъ, Тирренскимъ моремъ и Аппеннинами. Главными рѣками были: Аніо (Anio, Teverone) и Алліо (Allio), впадающія въ Тибръ, и Лирисъ (Liris, нынѣ Garigliano) въ Средиземное море. Средоточіемъ латиновъ или латинянъ (Latini) былъ древній Лацій; такъ какъ ими преимущественно былъ основанъ Римъ, то латинскіе: нація и языкъ и сдѣлались господствующими въ Италіи. Но возлѣ латинянъ обитали въ Лаціѣ многія небольшія горскія племена, одни—герники, сабиняне, эквы и марсы на востокѣ, другія—волски, рутулы и аврунки—на югѣ. Города въ древнемъ Лаціѣ были: главный—Римъ (Roma), другіе—Тибуръ (Tibur, Tivoli), Тускулъ (Tusculum), Альба-Лонга (Alba Longa), Остіа (Ostia), Лавиній (Lavinium), Анцій (Antium), Габіи (Gabiae), Велитры (Velitrae)—главный городъ волсковъ, и др. меньшіе, а въ новомъ Лаціѣ: Фонди (Fondi), Террацине или Анксуръ (Terracine, Anxur), Арпинъ (Arpinum), Минтурнъ (Minturnes) и Формій (Formies).

3) Кампанія (Campania), между р. Лирисомъ на сѣверѣ и р. Силаромъ на югѣ, плодороднѣйшая, но вулканическая страна вдоль Тирренскаго моря, получившая свое названіе отъ обитавшаго въ ней племени Кампановъ (Campani).—Рѣки: Лирисъ, Вультурнъ (Vulturnus, Voltorno)и Силаръ (Silarus, Selo).—Огнедышащая гора—Везувій. Города: главный—Капуа (Capua), Линтернъ (Linternum), Кумы (Cumae), Неаполь (Neapolis, Napoli) или новый городъ (Новгородъ), Геркуланъ (Herculanum), Помпеи (Pompeii), Стабіи (Stabiae), Нола (Nola), Суррентъ, (Surrentum, Sorrento), Салернъ (Salernum) и пр.

4) Умбрія (Umbria), между р. Рубикономъ на сѣверѣ, р. Эзисъ (Aesis, Gesano), отдѣлявшею ее на югѣ отъ Пицена, и р. Наръ (Nar, Nero), на югѣ же—отъ сабинянъ.—Населявшіе ее умбры въ древности разселились въ большей части Италіи.—Города: Ариминъ (Ariminum, Rimini), Сполецій (Spoletium, Spoletto), Нарніа (Narnia, Narni), Окрикулъ (Ocriculum, Otricoli) и др.

5) Пиценъ (Picenum, нынѣ Marche d'Ancone или Анконская

мархія), между р. р. Эзисомъ на сѣверѣ и Атерномъ (Aternus, Pescara) на югѣ; равнинная и плодородная страна, обитаемая пиценгами. Города: Анкона (Ancona) и Аскулъ-Пиценъ (Asculum Picenum, нынѣ Ascoli).

6) Самній (Samnium, нынѣ Аббруццы), горная страна на востокѣ вдоль Адріатическаго моря, отъ р. Атарна (Atarnus) до р. Френто (Frento, н. Fortore) на югѣ, и къ западу по другую сторону Аппенниновъ—до Этруріи, Лаціи и Кампаніи.—Главное племя — самнитяне, другія меньшія — марруцины и пелигны на сѣверѣ, френтаны на востокѣ, гирпины на югѣ и др. — Рѣки: Сагръ (Sagrus, н. Sangro) и Тифферн̀ъ (Tiffernus, н. Biferno). Города: Беневентъ (Beneventum, н. Benevento), Каудій (Caudium)—главные; кромѣ ихъ, городовъ было мало. Такъ какъ воздѣлываніе земли въ этой горной странѣ требовало большихъ и тяжелыхъ трудовъ, то самнитяне были народъ грубый и очень воинственный, однако занимались и земледѣліемъ, и скотоводствомъ. Страна ихъ, по чрезвычайно гористымъ свойствамъ своимъ, была весьма труднодоступна.

III. Нижняя или южная Италія, иначе Великая Греція, названная такъ по множеству находившихся въ ней, преимущественно по берегамъ морей, греческихъ поселеній. Она заключала въ себѣ 4 области, 2 на западѣ: Луканію и Бруттій, и 2 на востокѣ: Апулію и Калабрію.

1) Луканія (Lucania), большею частію горная страна, между р р. Силаромъ на сѣверѣ и Лаусомъ (Laus, н. Lao) на югѣ, и между Тирренскимъ моремъ и Тарентинскимъ заливомъ, называлась такъ по обитавшему въ ней племени луканов̀ъ (Lucani), отрасли авзоновъ (Ausones), главнаго племени южной Италіи. Города: Пестъ или Поссидонія (Poestum, Posidonia, нынѣ въ развалинахъ), Геліа или Веліа (Helia, Velia), Сибарисъ (Sibaris), въ послѣдствіи Туріи (Thurii) и Копіи (Copiae), Гераклеа (Heraclea), Метапонтъ (Metapontum) и др.

2) Бруттій (Bruttium, нынѣ Калабрія), югозападная оконечность южной Италіи, въ видѣ узкаго полуострова, отъ р. Лауса до мыса Регія (Rhegium, н. Reggio), а на востокѣ до р. Брандана

(Brandanus). Горная страна, обитаемая внутри бруттіями, полудикою отраслью авзоновъ, а на всемъ протяженіи морскихъ береговъ занятая богатыми греческими поселеніями. Города: Козенція (Cosentia, н. Cosenza), Пандозія Регій (Pandosia Rhegium, н. Reggio), Мамертъ (Mamertum, н. Opido), Петилія (Petilia, н. Stromboli) и др.

3) Апулія (Apulia, н. Пулліа или Капитаната и область Бари), равнинная, плодородная и пастбищная страна вдоль Адріатическаго моря, до Япигійскаго мыса, между р. р. Френто и Бранданомъ и Аппеннинами. Рѣки: Ауфидъ (Aufidus, н. Ofanto) и Цербалъ (Cerbalus). Она дѣлилась: 1) на Апулію Даунійскую (Apulia Daunia) на сѣверѣ и 2) на Апулію Пеуцетійскую (Apulia Peucetia) на югѣ, отдѣленныя одна отъ другой р. Ауфидомъ. Города: въ первой—Сипонтъ (Sipontum), Луцеріа (Luceria) и др., а во второй—Барій (Barium. н. Bari), Канны (Cannae), Венузіа (Venusia), Канузій (Canusium, н. Canossa), Пеуцеціа (Peucetia) и др.

4) Калабрія (Calabria) или Мессапія (Messapia), небольшой, узкій полуостровъ составлявшій юговосточную оконечность южной Италіи, между Тарентинскимъ заливомъ и Адріатическимъ моремъ, и оканчивавшійся Япигійскимъ мысомъ. Она подраздѣлялась на Япигійскую и Мессапійскую или Салентійскую. Города: Брундузій (Brundusium, н. Brindisi), Тарентъ (Tarentum), Гидрунтъ (Hydruntum, н. Otranto), Галлиполь (Gallipolis, н. Gallipoli) и др.

Принадлежавшими къ Италіи считаютъ также 3 большіе острова: Сицилію, Сардинію и Корсику. Но по завоеваніи ихъ римлянами въ 1-й и послѣ 1-й пунической войны, они не входили въ составъ Италіи, а только составляли подвластныя Риму провинціи. Хотя берега ихъ были заняты иноземцами, преимущественно греками, но внутри ихъ обитали туземныя племена, изъ числа которыхъ главнымъ и болѣе извѣстнымъ было племя сикуловъ (Sicules), перешедшее изъ Италіи въ Сицилію и давшее ей свое названіе.

1) Сицилія (Sicania, Trinacria), съ мысами: Пелоромъ (Pe-

lorum, н. Faro di Messina), Пахиномъ (Pachynum, н. Capo Passaro) и Лилибеемъ (Lilybaeum, Capo di Marsallo), горами: Этной, Эрикс (Erix, н. Monte San-Giuliano) и Маро (Maro, н. Mandonia), озерами: Пергуза (Pergusa) и Камарина (Camarina, н. Lago di Camarina), рѣками: Симетъ (Symaethus, н. Джіаретта),двумя рѣками Гимерами (Hymera, н. Fiume grande и Fiume Salto) и Гипса (Hypsa, н. Vilici),—и городами: Сиракузами (Siracusae)—главнымъ, Мессаной (Messana, н. Мессина), Тавроменіемъ (Tauromenium, н. Taormina), Катаной (Catana), Агригентомъ (Agrigentum, н. Girgenti), Лилибеемъ (Lilybaeum), Панормомъ (Panormus, н. Palermo), Гимерой (Hymera), Аргиріемъ (Argyrium, н. Argirona) и др.

2) Сардинія (Sardinia); въ ней рѣки: Тирсъ (Thyrsus, н. Tirso), Терминъ (Terminus, н. Coguinas), Сепръ (Saeprus, н. Fumendosa), и города: Нара (Nara), Валенція (Valentia), Каралисъ (Caralis, н. Cagliari), Корносъ (Cornos, н. Corneto), Олбіа (Olbia) и др.

3) Корсика (Cyrnus), съ мысомъ Священнымъ (Sacrum promontorium, н. Capo Corso),—горами: Ауреусъ (Aureus mons),—рѣками: Тавола (Tavola, н. Galo) и Ротаномъ (Rotanus, н. Tavignano),—и городами: Маріано (Mariano), Алеріа (Aleria), Клуній (Clunium, н. Sta Catarina), Урциній (Urcinium, н. Ajaccio) и др.

Сверхъ того меньшіе острова: 1) Мелита (Melita, н. Мальта),—2) Гаулъ (Gaulus, н. Gozzo),—3) близъ Сициліи—Эольскіе или Вулканскіе (н. Липарскіе): Липари, Стронгиле (Strongyle, н. Stromboli),—Эгатскіе: Форбанція (Forbantia, н. Levanzo), Карпаріа (Carparia, н. Fivagnana),—Косура (Cosura, н. Pantalarea);—4) въ Тирренскомъ морѣ: Капреи (Capreae, н. Capri), Прохите (Prochyte, н. Procida), Энарія (Aenaria, н. Ischia), Пондатарія (Pondataria, н. Ventotiene), Понція (Pontiat. н. Ponza), Ильва (Ilva, н. Эльба), Планазія (Planasia, н. Pianosa, — и 5) въ Адріатическомъ морѣ острова Діомеде, н. Tremiti).

§ 132.

1-я самнитская война (343—340).

Въ ч. I главѣ XVII §§ 107—114 уже были изложены ходъ и характеръ войнъ, веденныхъ римлянами отъ основанія Рима до начала войнъ съ самнитянами въ 343 году, и объяснено, что всѣ эти войны были преимущественно оборонительнаго, въ политическомъ отношеніи, свойства, потому что послѣ взятія Веій Римъ внутри былъ въ особенности сильно потрясаемъ распрями патриціевъ и плебеевъ, а извнѣ, сверхъ нападеній народовъ средней Италіи (тарквинянъ, герниковъ и др.), подвергался еще нашествіямъ галловъ. Но съ ходомъ времени римляне восторжествовали надъ этими народами, утвердили власть свою надъ сосѣдними и въ 343 году уже были въ состояніи предпринять первую наступательную войну свою противъ самнитянъ.

Эта 1-я война ихъ съ самнитянами продолжалась 4 года (343—340), но за нею послѣдовали 2-я (326—305) и 3-я въ соединеніи съ войною противъ этрусковъ, умбровъ и галловъ (299—290), и всѣ эти три войны имѣли уже несравненно бо́льшія, нежели прежнія войны, значеніе и важность, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Если предъидущія войны имѣли цѣлію поддержаніе и утвержденіе власти римлянъ надъ ближайшими сосѣдними народами средней Италіи, то войны съ самнитянами, напротивъ, послѣ 50-ти лѣтней борьбы, положили римлянамъ путь къ покоренію всей Италіи и, такимъ образомъ, положили основаніе будущему величію Рима. Въ нихъ развилась вполнѣ вся необыкновенная политическая и военная сила Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно развилось военное искуство у римлянъ, вслѣдствіе частію силы ихъ противниковъ, частію бо́льшихъ: обширности размѣровъ и пространства, трудности и продолжительности этихъ войнъ, частію необходимости римлянамъ въ нихъ сражаться и въ равнинныхъ, и въ горныхъ странахъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ самнитскія войны римлянъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

1-я самнитская война произошла по слѣдующимъ причинамъ:

Выше (§ 131) уже было сказано, что Самній была страна горная, мало способная къ воздѣлыванію земли, но представляла нѣкоторыя удобства для скотоводства. Жители ея, грубые, но весьма храбрые и воинственные горцы, жили частію воздѣлываніемъ земли, частію скотоводствомъ, большею же частію, по тѣснотѣ жительства и скудости жизни въ горахъ, или переселялись въ сосѣднія земли, или производили набѣги на нихъ съ цѣлію пріобрѣтенія добычи и средствъ къ жизни. Поэтому военное дѣло у нихъ находилось вообще въ томъ же состояніи, что и у сосѣднихъ народовъ Италіи и даже у римлянъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—даже стояло и выше (свидѣтельствомъ чего можетъ служить то, что римляне заимствовали у нихъ полукопья и еще нѣкоторыя военныя учрежденія). Словомъ — изъ всѣхъ народовъ средней Италіи, воинственные и храбрые самнитскіе горцы были наиболѣе сильными и достойными римлянъ противниками ихъ.

Когда, съ увеличеніемъ народонаселенія въ Самніи, самнитянамъ стало тѣсно въ ней, часть ихъ переселилась въ Кампанію и отняла эту страну у этрусковъ. Съ ходомъ времени, иные: мѣстность, климатъ и образъ жизни измѣнили нравы и обычаи этихъ переселенцевъ и прервали связи ихъ съ горскими единоплеменниками въ Самніи. Вскорѣ самнитяне напали на Теанъ, главный городъ кампаннскаго племени сицидинцевъ, а кампанцы приняли ихъ подъ свою защиту. Но воинственные самнитяне были сильнѣе кампанцевъ, и послѣдніе въ 344 г. прибѣгли къ покровительству Рима. Римскій сенатъ, имѣя политикой—защищать слабыхъ противъ сильныхъ, но не начинать войны, не имѣя на то законнаго права, потребовалъ подданства кампанцевъ, которые и согласились лучше покориться Риму, нежели самнитянамъ. Тогда римскій сенатъ потребовалъ, чтобы самнитяне не притѣсняли римскихъ подданныхъ—кампанцевъ и, вслѣдствіе несогласія самнитянъ на такое вмѣшательство, объявилъ имъ въ 343 году вой-

ну. По обычаю римлянъ первымъ начинать войну, немедленно оба консула съ своими арміями были посланы: Валерій Корвъ—въ Кампанію, а Корнелій Коссъ—въ Самній. Валерій занялъ на горѣ Гаврѣ, близъ Кумъ, сильный мѣстностью лагерь и, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ самнитскими войсками, имѣвшихъ цѣлію извѣдать военныя качества послѣднихъ, вышелъ изъ своего лагеря, вступилъ въ бой и одержалъ полную побѣду. Самнитяне въ слѣдующую же ночь отступили, бросивъ свой лагерь, который и достался римлянамъ. Въ тоже время Корнелій Коссъ, по своей непредусмотрительности и неосторожности, расположилъ свою армію въ горахъ Самнія. при Беневентѣ, невыгоднымъ образомъ и тѣмъ едва не подвергнулъ ее пораженію. Но легіонный трибунъ Децій спасъ римскую армію отъ пораженія и былъ главнымъ виновникомъ пораженія самнитянъ. За это консулъ наградилъ его золотымъ вѣнцомъ и 100 быками, а каждаго изъ его воиновъ—однимъ быкомъ. Вслѣдъ затѣмъ оба консула вмѣстѣ одержали при Суессулѣ третью побѣду надъ самнитянами. вышедшими изъ своихъ горъ, при чемъ бо́льшая часть ихъ арміи была истреблена въ собственномъ лагерѣ.

Такимъ образомъ, съ самаго начала, сразу римляне нанесли самнитянамъ три жестокіе удара и, вытѣснивъ ихъ изъ Кампаніи, освободили послѣднюю. Но когда, по просьбѣ кампанцевъ, въ Капуѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ Кампаніи на зиму были оставлены римскіе гарнизоны, тотъ изъ нихъ, который остался въ Капуѣ, составилъ заговоръ завладѣть этимъ богатымъ и роскошнымъ городомъ и поселиться въ немъ. Консулъ Марцій (342) открылъ этотъ заговоръ и успѣлъ удалить зачинщиковъ; но часть арміи возстала, силой принудила частнаго землевладѣльца Квинкція стать во главѣ ея и двинулась къ Риму. Валерій Корвъ, избранный въ диктаторы, вышелъ изъ Рима съ арміей на встрѣчу мятежникамъ и успѣлъ склонить ихъ къ добровольной покорности. Тѣмъ не менѣе это событіе побудило привернатовъ и волсковъ Анція разорить земли союзныхъ съ Римомъ городовъ Норбы, Леццы и Сатрика. Вслѣдствіе того римскій сенатъ объявилъ имъ войну и послалъ противъ нихъ консула Плавція (341—340). Онъ

разбилъ сначала привернатовъ и взялъ ихъ городъ, а затѣмъ обратился къ Сатрику и разбилъ волсковъ, которые отступили къ Анцію.

Между тѣмъ удары, нанесенные римлянами самнитянамъ, не поколебали ихъ мужества, и они только очистили равнины и заключились въ своихъ горахъ. Консулъ Эмилій (341—340), не найдя ихъ въ открытомъ полѣ, разорилъ ихъ земли. Но вскорѣ римскій сенатъ, въ виду враждебнаго расположенія латинянъ, призналъ нужнымъ заключить съ самнитянами миръ (340), по которому они не потеряли ни малѣйшей части своихъ земель и даже вступили въ союзъ съ римлянами, между тѣмъ какъ кампанцы присоединились къ латинянамъ.

§ 133.

Война съ латинянами и кампанцами (339—327).

Латиняне желали перемѣнъ въ отношеніяхъ своихъ къ Риму и для достиженія ихъ сочли самымъ благопріятнымъ временемъ войну его съ самнитянами. Они потребовали, чтобы городамъ ихъ были даны равныя съ Римомъ права, что долженствовало обратить его не болѣе какъ въ столицу римско-латинскаго союза. Римскій сенатъ отвергнулъ эти требованія и, заключивъ миръ съ самнитянами, объявилъ войну латинянамъ. Самнитянамъ, вступившимъ въ союзъ съ Римомъ, сенатъ позволилъ вести войну съ сицидинцами, которые, вслѣдствіе того, вступили въ союзъ съ латинянами, а примѣру ихъ послѣдовали и всѣ кампанцы, старинные враги самнитянъ.

Римлянамъ предстояла трудная и упорная война, потому что латиняне и кампанцы, бывши союзниками ихъ, имѣли одинаковое съ ними вооруженіе и военное устройство и не уступали имъ въ мужествѣ, храбрости и искуствѣ, и притомъ возстали за свои права. Но это не озаботило римлянъ: консуламъ Манлію Торквату и Децію Мусу съ ихъ арміями было поручено въ 339 г. вести войну противъ латинянъ и кампанцевъ, и они пройдя, черезъ земли марсовъ и пе-

лигновъ, расположились лагеремъ при Капуѣ, гдѣ собрались соединенныя силы непріятелей. Такъ какъ послѣдніе прежде сражались вмѣстѣ съ римлянами и хорошо знали всѣ ихъ военные обычаи, то консулы приказали соблюдать въ своемъ лагерѣ строжайшую дисциплину и запретили римскимъ воинамъ сражаться порознь внѣ рядовъ. Но сынъ консула Манлія, посланный съ отрядомъ для развѣдыванія, встрѣтилъ отрядъ непріятельской конницы, начальникъ котораго такъ раздражилъ его своими насмѣшками, что сынъ Манлія забылъ о запрещеніи, вступилъ въ единоборство и побѣдилъ своего врага. По возвращеніи его въ лагерь, Манлій собралъ всю свою армію и объявилъ, что подвигъ его сына радуетъ его, какъ отца, но какъ консулъ, онъ обязанъ наказать сына, какъ ослушника, и приказалъ казнить его—такова была въ это время строгость военной дисциплины у римлянъ.

Вскорѣ послѣ того близъ Капуи и горы Везувія между римлянами и союзными латинянами и кампанцами произошла упорная и жестокая битва, продолжавшаяся долго безъ рѣшительнаго успѣха. Наконецъ консулъ Децій Мусъ, видя, что армія его, составлявшая лѣвое крыло, начала колебаться, прибѣгнулъ къ старинному обычаю, существовавшему у римлянъ, именно—къ примирительной смерти за всѣхъ (devotio). облачась въ свою сенаторскую одежду, онъ сталъ ногами на обнаженный мечъ, произнесъ за главнымъ жрецомъ установленную форму заклинанія и затѣмъ лично бросился въ ряды непріятелей и въ жестокомъ бою съ ними нашелъ свою смерть. Это самопожертвованіе его такъ подѣйствовало на его войска, что они усугубили свои усилія — и римляне одержали полную и совершенную побѣду. Разбитые союзники отступили къ городамъ Минтурны и Весціѣ, а Манлій преслѣдовалъ ихъ и вторично разбилъ при Трифанѣ между Минтурномъ и Синуессой, такъ что армія союзниковъ были почти совершенно истреблена. Латиняне и кампанцы покорились, но не на долго. Лишенные своихъ земель, они снова возстали. Но въ 338 г. консулъ Публилій разбилъ латинянъ на Сенектанской равнинѣ, а консулъ Эмилій съ другой стороны опрокинулъ латинянъ и союзныхъ съ ними жителей Тибурна, Пренесты, Велитръ и Ла

нувія въ городъ Педъ (Pedum), но не осадилъ ихъ къ немъ, а воротился съ арміей въ Римъ, требуя тріумфа, дарованнаго Публилію и, по отказѣ въ немъ, возсталъ съ народомъ противъ сената, вслѣдствіе чего Публилій былъ назначенъ диктаторомъ.

Въ 337 г. консулы Фурій Камиллъ и Мэній получили приказаніе покорить городъ Педъ. Мэній разбилъ при р. Астурѣ жителей городовъ Ариція, Велитръ и Лануція, спѣшившихъ на помощь Педу, а Камиллъ въ тоже время разбилъ подъ стѣнами его тивуртинянъ и вслѣдъ затѣмъ взялъ этотъ городъ открытымъ приступомъ. Затѣмъ оба консула прошли черезъ весь Лаціи по всѣмъ направленіямъ, покорили всѣ ихъ города и, воротясь въ Римъ, были удостоены тріумфа. Древній союзъ латинскихъ городовъ былъ уничтоженъ. Велитры, Анціи и другіе города, оказавшіе упорнѣйшее сопротивленіе, были жестоко наказаны: жители Велитръ были изгнаны изъ города и земли ихъ розданы римскимъ поселенцамъ, а Анціи былъ лишенъ правъ судоходства и носы (rostra) судовъ его послужили къ украшенію ораторской каѳедры въ Римѣ, отъ которыхъ она и получила названіе ростральной (Rostra). Нѣкоторые города Лаціи и Кампаніи получили полныя права римскаго гражданства, а другіе только по имени, безъ пользованія этими правами. Такимъ образомъ въ три года времени война эта была рѣшена совершеннымъ обращеніемъ Лаціи и Кампаніи въ подвластныя Риму области, и другимъ народамъ средней Италіи внушено, какъ опасно было возставать противъ Рима и мѣряться съ нимъ силами.

§ 134.

2-я самнитская война (326—305).

Во время войны римлянъ съ латинянами и кампанцами, самниты сначала помогали римлянамъ, но подъ конецъ стали снова втайнѣ вооружаться противъ нихъ и становиться во враждебныя отношенія къ нимъ. Поводы къ возобновленію войны накоплялись болѣе и болѣе, и наконецъ два послужили главными, а именно—римляне основали

свою колонію Фрегеллы въ горахъ и на земляхъ самнитянъ, а послѣдніе поставили свой гарнизонъ въ Неаполѣ—греческомъ городѣ. Жители его, тяготясь этимъ, вступили въ переговоры съ Римомъ — и Неаполь былъ первый греческій городъ въ Италіи, покорившійся ему въ 326 г.—Самнитяне же возстали противъ этого и особенно противъ заложенія Фрегелль на ихъ земляхъ—и слѣдствіемъ была самнитская война, продолжавшаяся 21 годъ (326—305).

Самнитяне были такими опасными врагами для римлянъ, что послѣдніе противупоставили имъ лучшаго и опытнѣйшаго полководца своего, Папирія Курсора, вмѣстѣ съ другимъ консуломъ Петиліемъ. Они двинулись въ Самній и получили въ подкрѣпленіе вспомогательныя войска жителей Луканіи и Апуліи, никогда еще дотолѣ не бывшихъ въ союзѣ съ Римомъ. Но часть жителей Апуліи держала сторону самнитянъ. Война противъ послѣднихъ была ведена римлянами съ большими напряженіемъ силъ, энергіей и успѣхомъ: города Аллифы, Каллифы и Руфры были покорены, а земли самнитянъ жестоко разорены. Тарентинцы, уже давно съ завистью взиравшіе на успѣхи римлянъ, побудили луканянъ отложиться отъ послѣднихъ и присоединиться съ ними и съ сосѣдними вестинянами къ самнитянамъ.

Вслѣдствіе того, въ 325 г. консулъ Брутъ двинулся противъ вестинянъ, а консулъ Фурій Камиллъ противъ самнитянъ. Но вскорѣ болѣзнь послѣдняго побудила его избрать Папирія Курсора диктаторомъ, а Папирій избралъ себѣ начальникомъ конницы (товарищемъ) Фабія Максима. Но, вслѣдствіе неблагопріятныхъ предзнаменованій, Папирій вскорѣ воротился лично въ Римъ для того, по словамъ Тита Ливія, чтобы снова расположить къ себѣ боговъ, а Фабію Максиму приказалъ между тѣмъ, въ отсутствіи его, стоять на мѣстѣ и не вступать въ бой. Но Фабій Максимъ, по той или другой причинѣ, не исполнилъ этого приказанія, вступилъ съ самнитянами въ бой, разбилъ ихъ при Имбриніѣ и донесъ объ этой побѣдѣ не диктатору, а сенату. Первый объявилъ послѣднему, что такое нарушеніе уваженія къ сану диктатора и военной дисциплины заслуживаетъ строгаго наказанія и, воротясь въ лагерь, приго-

ворилъ Фабія Максима къ смертной казни. Только бѣгство Фабія ночью въ Римъ спасло его отъ казни; но диктаторъ преслѣдовалъ его даже въ самомъ сенатѣ и даровалъ ему жизнь только вслѣдствіе изъявленія имъ безусловной покорности, но отрѣшилъ его отъ должности и назначилъ на его мѣсто Папирія Красса. Эта строгость также служитъ характеристикой строгихъ военныхъ нравовъ и обычаевъ римлянъ въ это время.

Но неумолимая строгость диктатора возбудила противъ него неудовольствіе римскаго войска и, когда въ 324 г. диктаторъ воротился къ нему и вступилъ въ бой съ самнитянами, войска нарочно помѣшали ему одержать побѣду, дабы лишить его тріумфа. Но Папирій Крассъ умѣрилъ его строгость и необыкновенною заботливостью своею о раненыхъ снискалъ себѣ любовь всего войска. Благодаря этому, самнитяне въ другой битвѣ были разбиты на голову и принуждены просить мира, но имъ дано было только перемиріе на годъ.

Въ 323 г. апулійцы отложились совершенно отъ союза съ Римомъ, а самнитяне нарушили перемиріе. Вслѣдствіе того консулы Каій Сулпицій и Квинтъ Авлій разорили ихъ земли, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія.

Въ 322 г. самнитяне предприняли большія вооруженія, а въ Римѣ былъ избранъ въ диктаторы Авлъ Корнелій и съ отличнымъ войскомъ посланъ въ Самній. Послѣ 8-часовой, упорной и жестокой битвы, самнитяне были разбиты и обращены въ бѣгство, понеся огромный уронъ, въ томъ числѣ самаго полководца своего, и силы ихъ до того были сокрушены, что они даже выдали римлянамъ зачинщика войны, Брутула Папія.

По свидѣтельству другихъ писателей, побѣду эту одержали консулы Фабій Максимъ и Фулвій, а Авлъ Корнелій избранъ въ диктаторы уже послѣ того.

Въ 321 г. мирные переговоры съ самнитянами не повели ни къ чему и война была возобновлена. Самнитяне избрали предводителемъ искуснаго и храбраго Каія Понтія, который прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: посредствомъ высланныхъ имъ воиновъ своихъ, переодѣтыхъ пастухами, онъ распустилъ ложный слухъ,

будто войска самнитянъ находятся въ Апуліи и осаждаютъ союзный съ Римомъ городъ Луцерію, уже близкую къ паденію, а самъ между тѣмъ расположилъ все свое войско скрытно въ засадѣ, въ лагерѣ близъ Каудія. Согласныя показанія перехваченныхъ пастуховъ-лазутчиковъ побудили консуловъ Ветурія Кальвина и Постумія Альба идти на помощь Луцеріи кратчайшею дорогой, которая вела черезъ горное ущелье между высокими, покрытыми лѣсомъ горами, имѣвшее при входѣ и выходѣ очень тѣсные проходы, извѣстные подъ названіемъ Каудійскихъ фуркулъ (furcae Caudinae) или тѣснинъ. Но когда римскія арміи вступили въ нихъ, то передовыя войска ихъ встрѣтили засѣки, преграждавшія имъ движеніе впередъ. Единственнымъ спасеніемъ было скорѣе воротиться назадъ и выйдти изъ ущелья: но и выходъ въ тылу былъ уже прегражденъ, и въ тоже время горы по обѣимъ сторонамъ ущелья покрылись самнитянами. Такъ какъ римлянамъ было невозможно вступить въ бой съ самнитянами въ ущельѣ и притомъ у нихъ оказался недостатокъ въ продовольствіи, то консулы и были вынуждены вступить въ переговоры съ самнитянами. Понтій пришелъ въ затрудненіе, какъ ему воспользоваться своимъ успѣхомъ и утвердить за своимъ отечествомъ рѣшительный перевѣсъ, и изъ всѣхъ способовъ, представлявшихся ему, избралъ худшій и безполезный. По заключеніи договора, по которому консулы обязывались очистить всѣ самнитскія владѣнія, разрушить всѣ заложенныя въ нихъ римлянами колоніи свои и признать независимость Самнія, римскія войска были принуждены положить оружіе, выдать 600 всадниковъ заложниками въ вѣрности исполненія договора римскимъ сенатомъ и затѣмъ, въ одной нижней одеждѣ, имѣя консуловъ впереди, пройдти подъ игомъ (двумя столбами съ перекладиной, въ родѣ висѣлицы) въ знакъ рабства—величайшее безчестіе, какое только можно было нанести римскому войску и самому Риму! Ночью, тайно, вступили обезчещенные легіоны въ Римъ и на другой день, передъ полнымъ собраніемъ сената, Постумій предложилъ—всѣхъ, подписавшихъ унизительный договоръ, заключенный притомъ безъ религіознаго освященія посредствомъ феціала, выдать нагими и связанными самнитянамъ, дабы возста-

новить честь римскаго оружія, не нарушая однако святости договора. Но Понтій и самнитяне не приняли ихъ и потребовали или исполненія договоровъ во всей точности, или же возвращенія римскаго войска въ Каудійское ущелье. Римляне, успокоивъ себя исполненіемъ установленныхъ формальностей, отвергли требованіе самнитянъ и война возобновилась тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, что римляне хотѣли отмстить за нанесенное имъ оскорбленіе, а самнитяне за оказанное противъ нихъ вѣроломство.

Между тѣмъ нѣкоторые союзники Рима воспользовались его несчастіемъ для попытки возстанія противъ него: городъ Сатрикъ присоединился къ самнитянамъ. Фрегеллы, съ помощію ихъ, взяты ночнымъ нападеніемъ, Луцерія также досталась въ ихъ руки, а въ Кампаніи составленъ заговоръ противъ Рима.

Вслѣдствіе того, въ 320 г. консулъ Папирій двинулся въ Апулію, для освобожденія Луцеріи и содержавшихся въ ней 600 римскихъ всадниковъ-заложниковъ, а консулъ Публилій — въ Самній для наблюденія. Этимъ силы самнитянъ были раздѣлены: та часть, которая напала на Публилія, была разбита имъ такъ, что бросила свой лагерь и бѣжала къ Луцеріи, а римляне, въ ожесточеніи, истребили всѣхъ оставшихся въ лагерѣ и даже всю ихъ добычу и преслѣдовали бѣжавшихъ до Луцеріи. Здѣсь произошла новая, жестокая битва, въ которой римляне произвели между самнитянами жестокое кровопролитіе, прекращенное ими только изъ уваженія къ участи римскихъ заложниковъ. Отсюда Публилій обратился противъ нѣкоторыхъ племенъ Апуліи, вѣрность которыхъ была сомнительна, и покорилъ ихъ въ одинъ походъ. А Папирій голодомъ принудилъ Понтія и самнитянъ въ Луцеріи къ сдачѣ и въ числѣ 7,600 чел., въ одномъ нижнемъ платьѣ, пройдти подъ игомъ; въ Луцеріѣ же онъ овладѣлъ огромною добычей, взялъ обратно всѣ орлы, знаки и оружіе, отнятые у римлянъ въ Каудійскомъ ущельѣ, и освободилъ 600 римскихъ всадниковъ-заложниковъ.

Въ 319 г. была съ успѣхомъ продолжаема война противъ отложившихся союзниковъ. Консулъ Папирій взялъ городъ Сатрикъ, истребилъ въ немъ самнитскій гарнизонъ и казнилъ зачинщиковъ от-

ложенія изъ числа жителей Сатрика. Въ тоже время другой консулъ Авлій разбилъ ферентинцевъ и взялъ съ нихъ заложниковъ въ вѣрности.

Не смотря на нѣкоторую темноту въ римской исторіи этого времени, всѣ главные факты ея согласны и свидѣтельствуютъ въ особенности объ отличныхъ качествахъ Папирія Курсора, какъ полководца, и о необыкновенныхъ: силѣ тѣла и духа его, твердости, мужествѣ и терпѣніи въ преодолѣніи всѣхъ трудностей войны и строгости соблюденія имъ военной дисциплины. Титъ Ливій говоритъ даже, что его именно римляне назначили бы противъ Александра В., въ случаѣ, еслибы послѣдній, покоривъ Азію, обратилъ свое оружіе противъ Европы!

Въ 318 г. самнитянамъ, просившимъ мира, дано было только два года перемирія. Въ Апуліи жители Теана и Канузія покорились консулу Плавтію и дали заложниковъ, а Ферентъ былъ взятъ и окончательно вся Апулія покорена и усмирена. Въ Луканіи же консулъ Эмилій взялъ приступомъ гор. Нерулъ.

Въ 317 г., въ то время, когда диктаторъ Эмилій осаждалъ Сатикулу, самнитяне возстали за освобожденіе этого союзнаго съ ними города, но были разбиты. Другой диктаторъ Фабій Максимъ продолжалъ (316) осаду, и снова прибывшіе на помощь городу самнитяне были разбиты въ конномъ дѣлѣ и отражены, а городъ Сатикула сдался. Но въ тоже время самнитяне взяли приступомъ союзный съ римлянами гор. Плистія. Диктаторъ немедленно двинулся противъ гор. Соры въ Кампаніи, жители котораго умертвили римскихъ поселенцевъ и стали на сторону самнитянъ. Войско послѣднихъ послѣдовало за диктаторомъ и было атаковано имъ, но безъ рѣшительныхъ результатовъ. Съ приближеніемъ начальника конницы, Каія Фабія, съ новою арміею изъ Рима, диктаторъ вторично напалъ на самнитянъ и разбилъ ихъ на голову. Лагерь ихъ былъ взятъ и разграбленъ, а тѣ изъ нихъ, которые попали между двухъ римскихъ армій, были истреблены. Затѣмъ обѣ арміи воротились къ Сорѣ и овладѣли ею посредствомъ измѣны (въ 314 г.).

Въ 314 г. римляне обратили войну въ земли аввоновъ, по-

дозрѣваемыхъ въ намѣреніи отложиться. Три города ихъ, Авзоны, Минтурны и Весція были переданы римлянамъ измѣной и строго наказаны, а Луцерія, занятая римскимъ гарнизономъ, была взята приступомъ, и всѣ жители ея и самнитяне въ ней истреблены.

Такъ какъ въ Кампаніи были обнаружены слѣды заговора противъ Рима, то избранъ былъ диктаторъ Маиній и это тотчасъ смирило Кампанію. Самнитяне же, въ ожиданіи возстанія ея, расположились при Каудіѣ, дабы тотчасъ отнять у римлянъ Капую. Консулы Петилій и Сулпицій послѣдовали за ними и на равнинахъ Кампаніи, послѣ упорнаго и жестокаго боя съ ними, нанесли имъ рѣшительное пораженіе и до 30.000 чел. урона (послѣднее кажется слишкомъ преувеличено римскими писателями). Затѣмъ консулы зимой (314—313) осадили гор. Бовіанъ. Диктаторъ Петилій, прибывшій сюда, двинулся къ взятому самнитянами гор. Фрегелламъ, отнялъ его и потомъ обратился противъ Нолы въ Кампаніи и покорилъ и этотъ городъ.

Въ 312 г., вслѣдствіе вооруженій, предпринятыхъ этрусками, избранъ былъ диктаторъ Сулпицій, но какъ этруски остались спокойными, то ни противъ нихъ, ни противъ самнитянъ въ этомъ году войны не было.

Въ 311 г. консулъ Юній взялъ у самнитянъ приступомъ гор. Клувію, а потомъ Бовіанъ, и въ первомъ истребилъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ за измѣну, а второй предалъ войску на разграбленіе. На походѣ отсюда, со множествомъ добычи, черезъ лѣсъ, онъ попалъ въ засаду, устроенную самнитянами, и былъ окруженъ ими, но такъ одушевилъ войска свои, что разбилъ самнитянъ, нанесъ имъ огромный уронъ и воротился съ добычей въ Римъ.

Въ 310 г. консулъ Марцій Рутилъ взялъ у самнитянъ гор. Аллифы приступомъ. Но гребцы и воины съ римскаго флота, посланнаго въ Кампанію подъ начальствомъ Корнелія, высадившись у Помпеи и бросившись грабить край и жителей, были большею частію истреблены послѣдними. А самнитяне, услыхавъ, будто другой консулъ Фабій погибъ съ войскомъ въ цѵминійскихъ лѣсахъ, въ Этруріи (см. ниже § 135), положили напасть на Марція и раз-

бить его и идти прямо на Римъ. Но Марцій двинулся на встрѣчу имъ и между нимъ и самнитянами произошелъ жестокій бой, въ которомъ римляне понесли большой уронъ, многіе всадники, трибуны и легатъ были убиты, а консулъ раненъ, и побѣда осталась за самнитянами.

Въ 309 г. Папирій Курсоръ былъ снова избранъ въ диктаторы и, разбивъ умбровъ и этрусковъ (см. ниже § 135), обратился противъ двинувшихся на встрѣчу ему самнитянъ и, при особенномъ содѣйствіи магистра конницы и легатовъ, разбилъ ихъ, опрокинулъ въ ихъ лагерь, взялъ его приступомъ и былъ награжденъ тріумфомъ.

Въ 308 г. консулъ Фабій взялъ у самнитянъ гор. Нуцерію, разбилъ ихъ въ полѣ и покорилъ союзныхъ съ ними марсовъ и пелигновъ.

Въ 307 г. проконсулъ Фабій разбилъ самнитянъ при гор. Аллифы, принудилъ спасшихся въ свой лагерь къ сдачѣ и проходу подъ игомъ, а союзники ихъ, особенно герники, были въ числѣ 7.000 обращены въ рабство и отосланы въ Римъ.

Въ 306 г. раздраженные герники объявили войну Риму, а самнитяне взяли Калатію и Сору и истребили въ нихъ римскіе гарнизоны. Вслѣдствіе того консулъ Публій Корнелій былъ посланъ противъ самнитянъ, а другой консулъ Марцелій противъ герниковъ. Послѣдніе въ три дня были выбиты изъ трехъ лагерей и послѣ 20-дневнаго перемирія покорились Марцію со всѣми принадлежавшими къ нимъ племенами. Затѣмъ Марцій поспѣшилъ на помощь Публію Корнелію, обложенному въ его лагерѣ самнитянами. Послѣдніе были разбиты съ большимъ для нихъ урономъ убитыми и плѣнными, и принуждены выдать римлянамъ на 3 мѣсяца зернового хлѣба и на каждаго римскаго воина по нижней одеждѣ. Послѣ того Марцій воротился въ Римъ и былъ награжденъ тріумфомъ, а Публій Корнелій остался въ Самніѣ.

Въ 305 г. консулы Постумій и Минуцій были посланы противъ самнитянъ, вторгавшихся въ Кампанію. Постумій разбилъ ихъ при гор. Тифернѣ и соединился съ Минуціемъ при Бовіанѣ, гдѣ оба консула одержали вторичную и рѣшительную побѣду и

взяли 47 знаменъ или знаковъ, весь лагерь и самаго полководца самнитянъ и затѣмъ отняли у нихъ города Бовіанъ, Сору, Арпинъ и Цезенію.

Этимъ и кончилась 2-я война римлянъ съ самнитянами, потому что въ 304 г. консулъ Публій Семпроній съ арміей прошелъ черезъ весь Самній по всѣмъ направленіямъ, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія, и, вслѣдствіе усмиренія самнитянъ, прежній союзъ Рима съ ними былъ возобновленъ.

2-я война съ ними, какъ изъ предъидущаго видно, была ведена съ необыкновенными, съ обѣихъ сторонъ, развитіемъ и напряженіемъ силъ, упорствомъ, ожесточеніемъ, энергіей, рѣшительностью, постоянствомъ и искуствомъ, но римляне, на сторонѣ которыхъ оказался значительный перевѣсъ въ этомъ, окончательно одержали верхъ. Успѣхъ ежегодно былъ на ихъ оторонѣ и они наносили самнитянамъ одинъ за другимъ жестокіе удары и огромный уронъ, хотя цифры его—отъ 20 до 30,000 убитыми въ каждомъ сраженіи—явно преувеличены римскими историками. Доказательствомъ служитъ то, что самнитяне ничего не потеряли изъ своихъ владѣній.

2-я война съ самнитянами замѣчательна въ отношеніи къ римлянамъ тѣмъ, что обнаружила у нихъ многихъ отличныхъ полководцевъ, въ главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ Папирій Курсоръ, доказала превосходное военное устройство Рима и послужила римскимъ арміямъ и войскамъ отличною военною практическою школой для послѣдующихъ войнъ.

§ 135.

Война съ этрусками и умбрами (311—299).

Въ 15-мъ году 2-й самнитской войны, именно 311-мъ, римляне вступили въ войну и съ этрусками и умбрами. Первые изъ нихъ, образовавшіе обширный союзъ между собою, извѣстный подъ названіемъ этрускаго, хотѣли воспользоваться войною Рима съ

самнитянами, для того чтобы возстать противъ него и сокрушить его, и уже въ 312 г. начали вооружаться. Но союзъ ихъ далеко не имѣлъ такой твердости и силы, чтобы съ малѣйшею надеждой на успѣхъ вступить въ борьбу съ Римомъ, утвержденнымъ на такихъ твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ. И потому война съ этрусками и умбрами, хотя и продолжалась 12 лѣтъ, но была соединена съ сильными пораженіями и этрусковъ, и умбровъ, и кончилась расторженіемъ этрускаго союза и покореніемъ и Этруріи, и Умбріи римлянами.

Война была открыта этрусками въ 311 году—осадою союзнаго съ Римомъ города Сутрія. Посланный туда консулъ Эмилій вступилъ съ ними въ жестокую, упорную и кровопролитную битву, въ которой обѣ стороны сражались съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и потерпѣли большой уронъ, особенно этруски, у которыхъ вся 1-я линія легла на мѣстѣ.

Въ 310 г. этруски снова осадили Сутрій и снова на помощь ему двинулась римская армія консула Фабія. Этруски двинулись на встрѣчу ему, но были разбиты и укрылись въ близлежавшемъ криминійскомъ горномъ хребтѣ, покрытомъ такимъ густымъ, дремучимъ и непроходимымъ лѣсомъ, что Титъ Ливій сравниваетъ его съ славившимися въ его времена герцинскими лѣсами. Передъ этими горами и лѣсами Фабій остановился и выслалъ лазутчиковъ, которые проникли до самыхъ камертійскихъ умбровъ и заключили съ ними союзъ. Тогда Фабій, путемъ, которымъ никогда еще дотолѣ не проходило ни одно войско, прошелъ чрезъ криминійскій хребетъ до земель умбровъ, принудилъ послѣднихъ присоединить къ нему свои войска, прошелъ по всѣмъ направленіямъ чрезъ плодоносныя и цвѣтущія земли Этруріи, разорилъ ихъ, истребилъ нѣсколько выступившихъ противъ него отдѣльныхъ частей этрускихъ войскъ и затѣмъ воротился въ свой лагерь.

Вслѣдствіе того этруски и сосѣднія племена произвели поголовное вооруженіе, собрали при Сутріѣ многочисленное войско и напали на Фабія, но были отражены и на другой день атакованы въ собственномъ лагерѣ и частію истреблены, частію взяты въ плѣнъ, при чемъ римляне овладѣли богатою добычею въ ихъ лагерѣ

Послѣ такого пораженія, послы этрускихъ городовъ просили мира и союза, но имъ дано было только 30 лѣтъ перемирія.

Въ 309 г. диктаторъ Папирій Курсоръ сначала разбилъ въ небольшомъ дѣлѣ умбровъ, а затѣмъ, въ кровопролитномъ и рѣшительномъ сраженіи при Вадимонскомъ озерѣ, на голову разбилъ этрусковъ, нанесъ имъ уронъ до 60.000 (?) чел. убитыми и взятыми въ плѣнъ, взялъ ихъ лагерь и въ немъ богатую добычу. А когда онъ затѣмъ обратился противъ самнитянъ, проконсулъ Фабій, оставшійся въ Этруріи, довершилъ при Перузіи пораженіе оставшихся войскъ этрусковъ. Эти двѣ рѣшительныя побѣды имѣли слѣдствіемъ совершенное сокрушеніе вооруженныхъ силъ этрусковъ и распаденіе ихъ союза. Съ тѣхъ поръ они, хотя и продолжали еще сопротивляться, но уже не общими силами, а каждый городъ отдѣльно и, разумѣется, одни за другими были покорены.

Такъ въ 308 г. консулъ Децій продолжалъ удачно вести войну съ ними, принудилъ ихъ просить мира и имъ дано перемиріе на одинъ годъ, за уплату годоваго жалованья римской арміи.

Вслѣдъ затѣмъ умбры отложились отъ Рима, произвели поголовное вооруженіе и грозили идти къ Риму. Но Децій усиленными переходами поспѣшилъ на помощь ему, а консулъ Фабій быстро двинулся изъ Самнія къ Меваніи въ Умбріи и, атакованный умбрами прежде, нежели успѣлъ укрѣпить свой лагерь, принудилъ ихъ положить оружіе и покорилъ всѣ племена Умбріи.

Четыре года послѣ того (307—304) этруски и умбры оставались въ спокойствіи. Въ 303 же году въ Умбрію былъ посланъ отрядъ римскихъ войскъ, для очищенія ея отъ разбойниковъ, а въ 301 году диктаторъ Валерій двинулся противъ этрусковъ, возбужденныхъ жителями Арреція къ возобновленію войны противъ Рима. Отправясь въ Римъ для отправленія религіозныхъ обрядовъ, онъ поручилъ начальство надъ арміей своему магистру конницы Семпронію. Послѣдній, производя фуражировку, попалъ въ засаду и былъ позорно прогнанъ въ свой лагерь. Диктаторъ поспѣшилъ изъ Рима въ армію, двинулся въ земли города Руссилъ и въ сраженіи съ этрусками нанесъ имъ новое и рѣшительное пораженіе. Съ условіемъ выдачи римской арміи за два года жалованья и

за два мѣсяца зернового хлѣба, онъ позволилъ имъ отправить въ Римъ пословъ для переговоровъ о мирѣ; но имъ дано было только два года перемирія.

Въ 300 г. консулъ Апулей осадилъ городъ Неквинъ въ Умбріи, но, по причинѣ сильнаго мѣстоположенія его, не могъ взять его приступомъ.

Только въ 299 г. удалось консулу Фулвію овладѣть этимъ городомъ посредствомъ тайнаго соглашенія съ частію жителей. Для наблюденія за Умбріей, въ ней была заложена римская колонія, въ послѣдствіи носившая названіе Нарніи. Этруски же были удержаны отъ войны съ Римомъ вторженіемъ въ Этрурію галловъ; однако въ ихъ земли была послана римская армія, которая разорила ихъ, не встрѣтивъ сопротивленія. Съ другою арміей консулъ Сципіонъ вступилъ съ этрусками, при Волатеррахъ, въ сраженіе, прекращенное только ночью, въ продолженіи которой этруски бросили свой лагерь, и онъ достался римлянамъ съ богатою въ немъ добычей.

§ 136.

3-я самнитская война и война съ этрусками, умбрами и галлами (299—290).

Успѣхи и завоеванія римлянъ, грозившіе покорить всю Италію, побудили всѣхъ народовъ ея, еще независимыхъ отъ Рима, самнитянъ, этрусковъ и умбровъ, въ 299 г. соединиться и возстать противъ него общими силами. Такимъ образомъ война эта имѣла опаснѣйшій для Рима характеръ, но послужила только къ необыкновеннымъ напряженію и развитію имъ энергіи и силъ своихъ и окончательно доказала все превосходство военнаго устройства его.

Въ 299 г., какъ было изложено выше, консулъ Фулвій въ Умбріи взялъ гор. Неквинъ и заложилъ римскую колонію, а другая римская армія разорила Этрурію и консулъ Сципіонъ разбилъ этрусковъ и взялъ ихъ лагерь.

Въ 298 г. римскій сенатъ заключилъ союзъ съ жителями Луканіи и Пицена и послалъ въ Самній консула Фулвія, который разбилъ самнитянъ при Бовіанѣ и взялъ приступомъ этотъ городъ и гор. Ауфидена.

Въ 297 г. Римъ обратилъ всѣ свои силы противъ самнитянъ. Консулы Фабій и Децій вторглись съ двухъ сторонъ въ Самній и первый изъ нихъ разбилъ, хотя и съ большими усиліями, при гор. Тифернѣ самнитянъ и истребилъ или взялъ въ плѣнъ до 5.000 ихъ, а Децій разбилъ при гор. Малевентѣ апулійцевъ, шедшихъ на помощь самнитянамъ; затѣмъ оба консула соединились и разорили Самній.

Въ 296 г. Децій совершенно вытѣснилъ войска самнитянъ изъ Самнія въ Этрурію, взялъ приступомъ сильный мѣстностью и укрѣпленіями самнитскій гор. Мурзанцію, а затѣмъ города Ромулею и Ферентинъ и въ нихъ множество плѣнныхъ и богатую добычу.

Между тѣмъ этруски вооружились на защиту самнитянъ, и находившійся въ Этруріи консулъ Аппій Клавдій призвалъ на помощь консула Волумнія изъ Самнія. Соединясь въ Этруріи, они на голову разбили соединенное войско этрусковъ и самнитянъ, нанесли ему большой уронъ и взяли его лагерь. Затѣмъ Волумній, на обратномъ пути въ Самній, напалъ на самнитскія войска, вторгнувшіяся въ союзныя съ Римомъ Кампанію и фалернскія земли и захватившія въ нихъ огромную добычу, разбилъ ихъ и частію истребилъ, частію взялъ въ плѣнъ, а добычу отнялъ.

Въ 295 г. этруски, умбры, самнитяне и галлы соединились и расположились въ двухъ отдѣльныхъ лагеряхъ при Клузіѣ, на границахъ Этруріи и Умбріи. Консулъ Фабій Максимъ, избранный въ 5-й разъ, прибывъ съ арміей въ римскій лагерь въ Этруріи, тотчасъ приказалъ сорвать тынъ, за которымъ Аппій Клавдій дотолѣ держалъ свою армію въ лагерѣ, и ежедневно перемѣнялъ мѣста расположенія лагеря, дабы пріучить войска къ усиленнымъ движеніямъ и трудамъ. Затѣмъ, лично отправясь въ Римъ для совѣщанія съ сенатомъ, онъ поручилъ начальство надъ войсками пропретору Сципіону. По неосторожности послѣдняго, римскія войска

при Клузіѣ были внезапно атакованы сеннонскими галлами и почти совершенно истреблены. При вѣсти объ этомъ, оба консула, Фабій Максимъ и Децій Мусъ, избранный въ 4-й разъ, двинулись съ двумя новыми арміями въ Этрурію, пропреторъ Фулвій съ другими двумя арміями былъ выставленъ въ ватиканскихъ земляхъ для наблюденія, а проконсулъ Волумній съ своею арміею остался въ Самніѣ. Такимъ образомъ Римъ уже выставилъ разомъ 5 армій въ составѣ 20 легіоновъ или 92-100 т. войскъ. Означеннымъ выше размѣщеніемъ римскихъ армій силы непріятелей были разъединены: этруски отдѣлились и пошли на защиту своихъ земель, опустошаемыхъ римлянами. А Фабій немедленно двинулъ свою и Дециеву арміи въ бой, который и произошелъ при гор. Саниціѣ или Сентинѣ, и былъ чрезвычайно упорный, жестокій и продолжительный. Побѣда долго колебалась, но наконецъ была рѣшена въ пользу римлянъ осторожностью Фабія и самопожертвованіемъ (devotio) Деція Муса, подобно отцу своему въ сраженіи при Везувіи. 25.000 союзниковъ были убиты, 8.000 взяты въ плѣнъ и лагерь ихъ достался римлянамъ, которые и съ своей стороны потеряли болѣе 9.000 чел. убитыми и множество раненыхъ. Между тѣмъ Фулвій успѣшно дѣйствовалъ въ Этруріи, бѣжавшіе изъ подъ Саниція самнитяне были большею частію истреблены пелигнами, а Волумній въ Самніѣ обложилъ другое войско самнитянъ на горѣ Тифернѣ и нанесъ ему пораженіе.

Эти сильные удары, одновременно нанесенные римлянами союзникамъ, особенно побѣда въ кровопролитной битвѣ при Сентинѣ, сокрушили союзъ и силы враговъ Рима. Однако война тѣмъ не кончилась: союзники не могли уже вести ее общими, соединенными силами, но продолжали еще вести ее порознь, хотя все слабѣе и слабѣе оборонительно, тогда какъ римляне дѣйствовали все сильнѣе и сильнѣе наступательно. Такъ еще въ томъ же 295 г. соединенныя римскія арміи претора Аппія Клавдія и проконсула Волумнія нанесли самнитянамъ вторичное пораженіе въ битвѣ при Стеллѣ, въ которой 16.300 самнитянъ было убито и 2.700 взято въ плѣнъ.

Въ 294 г. оба консула Постумій Мегеллъ и Аттилъ Регулъ были

посланы въ Самній. За болѣзнію перваго, послѣдній принялъ главное начальствованіе. Самнитяне отважились напасть на римскій лагерь, но, послѣ жестокаго боя, продолжавшагося цѣлый день, были отражены. По присоединеніи же Постумія къ Регулу, самнитяне отступили, а консулы порознь прошли въ противуположныхъ направленіяхъ черезъ Самній, разграбили и разорили его. При этомъ Постумій взялъ Миліонію, Ферентинъ и многіе другіе самнитскіе города, а Регулъ двинулся на помощь осажденной самнитянами Луцеріи. На границѣ земель ея произошелъ бой, оставшійся нерѣшеннымъ до ночи. А на слѣдующее утро римскія войска отказались возобновить бой съ самнитянами и только усиленныя убѣжденія Регула побудили ихъ выйти изъ своего лагеря и двинуться противъ самнитянъ. Послѣдніе оказали еще болѣе малодушія и были разбиты съ потерею 4800 чел. убитыми и 7200 взятыми въ плѣнъ, но и римскія войска потеряли въ два дня 7200 чел. Затѣмъ Регулъ двинулся къ Интерамнѣ, гдѣ встрѣтилъ другое самнитское войско, разграбившее эту римскую колонію, и не только отнялъ у него всю добычу, но и истребилъ бо́льшую часть его.

Между тѣмъ Постумій изъ Самнія двинулся въ Этрурію, разбилъ этрусковъ при гор. Волсиніи, покорилъ городъ Руселлы и принудилъ три сильнѣйшіе города Этруріи: Волсиній, Перузію и Арретій просить мира, вмѣсто котораго дано было на 40 лѣтъ перемиріе.

Въ 293 г. самнитяне собрали при гор. Аквилоніи 40.000 отборныхъ войскъ и поклялись побѣдить или умереть. А между тѣмъ консулъ Карвилій, съ легіонами, оставшимися при Интерамнѣ, взялъ Амитернъ, а консулъ Папирій Курсоръ, сынъ одноименнаго, съ новонабранными легіонами, взялъ приступомъ гор. Дуронію. Затѣмъ оба консула порознь прошли черезъ Самній и остановились, Карвилій противъ Коминія, а Папирій противъ Аквилоніи. По соглашенію между собою, въ одно и тоже время первый штурмовалъ Коминій, а второй подъ стѣнами Аквилоніи разбилъ въ бою самнитское войско и взялъ его лагерь, а затѣмъ Коминій, Бовіанъ и Аквилонія были взяты. При этомъ самнитянамъ было неснесено рѣшительное пораженіе и уронъ въ 30.000 убитыми и

3.800 взятыми въ плѣнъ, Коминій и Аквилонія были разграблены и сожжены. Затѣмъ консулы, не встрѣчая болѣе со стороны самнитянъ сопротивленія въ открытомъ полѣ, обратили свои силы на покореніе самнитскихъ городовъ. Папирій взялъ Сенинъ, послѣ упорнаго сопротивленія его жителей, изъ которыхъ 7.400 были истреблены, а затѣмъ воротился въ Римъ съ богатѣйшею добычей (цѣной болѣе нежели въ 60.000 р.) и былъ награжденъ тріумфомъ. Карвилій же, взявъ въ Самніѣ Волану, Палумбій и Геркуланей, двинулся въ Этрурію, гдѣ къ вооружившимся этрускамъ присоединились отложившіеся отъ Рима фалиски. Покоривъ въ Этруріи богатый городъ Троилій и 5 укрѣпленныхъ замковъ, Карвилій далъ этрусскамъ перемиріе на годъ, за уплату 100.000 ассовъ и жалованья римской арміи за одинъ годъ, и воротясь въ Римъ съ богатою добычей (цѣною до 1.800 р.), также былъ награжденъ тріумфомъ.

Въ 292 г. самнитяне, не смотря на крайнее ослабленіе силъ своихъ и истощеніе края своего съ самаго начала войнъ съ Римомъ, въ порывѣ отчаянія произвели еще разъ напряженіе всѣхъ своихъ силъ для сопротивленія ему, ободряемые въ томъ какъ чумою, свирѣпствовавшею въ немъ, такъ и неважнымъ военнымъ значеніемъ обоихъ римскихъ консуловъ, Фабія Гургеса (сына Фабія Максима) и Юнія Брута. Признавая кампанцевъ виновниками всей этой войны, они вторглись въ Кампанію. Фабій Гургесъ, посланный въ Самній, считая самнитянъ уже крайне ослабленными, не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, былъ разбитъ ими съ потерею 3.000 чел. убитыми и 3.000 ранеными и только наступленію ночи былъ обязанъ спасенію отъ совершеннаго пораженія. Римскій сенатъ отозвалъ его и предалъ суду, но отецъ его, Фабій Максимъ, спасъ его тѣмъ, что вызвался служить подъ его начальствомъ легатомъ и руководить его своими совѣтами. Фабій Гургесъ немедленно двинулся противъ самнитянъ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе: 20.000 самнитянъ были убиты, 4.000 и съ ними самъ предводитель самнитянъ, Понтій Геренній, взяты въ плѣнъ и весь лагерь ихъ съ богатою добычей достался римля-

намъ. Между тѣмъ Юній Брутъ удачно сражался съ фалисками и разорилъ ихъ земли.

Въ 291 г. Фабій Максимъ,—въ званіи проконсула оставленный въ Самніѣ, осадилъ въ немъ Коминій, но получилъ отъ консула Постумія приказаніе уѣхать изъ арміи въ Римъ. Фабій сослался на приказаніе сената, но Постумій отвѣчалъ, что сенатъ обязанъ повиноваться, а не повелѣвать консулу. Тогда Фабій, для общей пользы, повиновался, а Постумій взялъ въ Самніѣ Коминій, Венузію и многіе другіе города и нанесъ самнитянамъ уронъ до 10.000 чел. убитыми и 6.000 взятыми въ плѣнъ. Но едва онъ сложилъ съ себя званіе консула, какъ, ненавидимый войскомъ и народомъ за свою гордость, былъ обвиненъ въ употребленіи 2.000 легіонеровъ на рабскія работы въ своихъ помѣстьяхъ и приговоренъ къ денежной пенѣ въ 500.000 ассовъ (около 200.000 рублей), а Фабій Гургесъ (ради отца своего) былъ награжденъ тріумфомъ.

Наконецъ въ 290 г. консулъ Курій Дентатъ, разореніемъ Самнія безъ сопротивленія, принудилъ самнитянъ просить мира, который и былъ дарованъ имъ, вмѣстѣ съ гражданскими правами, но безъ голоса въ выборахъ, при чемъ съ ними были возобновлены прежніе договоры. Курій Дентатъ покорилъ и возставшихъ сабинянъ и былъ награжденъ двойнымъ тріумфомъ за покореніе двухъ народовъ.

Такъ кончилась 3-я самнитская война, но война съ галлами была возобновлена въ 285 г. и кончена только въ 284 г. Именно сеннонскіе галлы, поселившіеся на берегахъ адріатическаго моря, въ 285 г. двинулись въ большомъ числѣ на помощь вольсинянамъ и луканянамъ, которые напали на многихъ союзниковъ Рима. Вмѣстѣ съ этими двумя народами галлы осадили союзный съ Римомъ гор. Арретій, который и просилъ помощи Рима. Къ галламъ были отправлены римскіе послы, для убѣжденія ихъ въ несправедливости, но галлы, по побужденію вождя своего, Бритомариса, умертвили пословъ. Вслѣдствіе того консулъ Долабелла былъ посланъ противъ галловъ, другой консулъ Домицій продолжалъ войну съ луканянами, а преторъ Цецилій Метеллъ поставленъ въ Этруріи. Долабелла произвелъ внезапное нападеніе на галловъ, бо́льшую часть ихъ истребилъ, взялъ

въ плѣнъ Британмариса и жестоко разорилъ земли галловъ. Но Цецилій Метеллъ былъ на голову разбитъ при Арретіѣ галлами и этрусками и самъ съ 7-ю трибунами и 13.000 воиновъ палъ въ бою. Послѣ этого пораженія, галлы произвели поголовное вооруженіе и двинулись противъ Рима. Но Домицій пошелъ на встрѣчу имъ и нанесъ имъ полное пораженіе. Остатки разбитыхъ галловъ бросились въ земли своихъ единоплеменниковъ боіевъ, но Долабелла разбилъ и ихъ при Вадимонскомъ озерѣ, такъ что сеннонскіе галлы были почти совсѣмъ истреблены. Крайне ослабленнымъ же остаткамъ галловъ и этрусковъ былъ дарованъ миръ въ 283 году.

§ 137.

Заключеніе.

Изложенныя выше войны римлянъ съ окружавшими Римъ и возставшими противъ него, сильнѣйшими народами средней Италіи и подъ конецъ италійскими галлами, могутъ быть разсматриваемы какъ одна цѣльная, 60-ти лѣтняя война, съ одною цѣлію и одинаковымъ характеромъ, по истинѣ заслуживающая вниманія, и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи.

Самній, Лацій, Кампанія, Этрурія и Умбрія были пять областей, богато одаренныя природой, процвѣтавшія земледѣліемъ и промышленностью, заключавшія множество многолюдныхъ и богатыхъ городовъ. А народы или, правильнѣе сказать, союзы племенъ, обитавшихъ въ нихъ, стояли на одинаковой съ римлянами степени гражданственности и нѣкоторые (этруски и латиняне) даже превосходили ихъ, не уступая имъ и въ военномъ устройствѣ войскъ, и въ воинственности, и въ мужествѣ, и въ храбрости, и въ искуствѣ. Въ числительномъ отношеніи, порознь они были равносильны римлянамъ, а всѣ вмѣстѣ значительно сильнѣе ихъ. И еслибы они съ самаго начала войны возстали противъ Рима общими соединенными силами, то, можетъ быть, и одолѣли бы или покрайней мѣрѣ стѣснили, ограничили и ослабили его. Но, какъ изъ вышеизложеннаго видно, сначала съ нимъ боролись только одни самнитяне, затѣмъ

латиняне и кампанцы, потомъ самнитяне, этруски и умбры, и только въ послѣднія 16 лѣтъ самнитяне, этруски, умбры и галлы. Слѣдовательно, сначала, когда силы ихъ были еще свѣжіе, а край и средства его — нетронутыя, они воевали съ Римомъ порознь или по два народа вмѣстѣ,—въ союзѣ же между собой, и то не общемъ, а только трехъ италійскихъ народовъ и галловъ — уже въ концѣ войны, когда и силы ихъ, и средства и способы ихъ странъ были значительно, первыя ослаблены, а вторыя истощены. При этомъ цѣлію ихъ въ войнѣ съ Римомъ были, у однихъ, союзныхъ съ нимъ латинянъ и кампанцевъ,—получить одинаковыя съ нимъ права гражданства, а у прочихъ—одолѣть и сокрушить его. Усилія ихъ къ тому, напряженіе силъ, твердость, мужество, постоянство и небезъискусныя военныя дѣйствія безпорно заслуживаютъ одобренія и похвалы.

Казалось, что̀ значилъ передъ этими шестью областями и народами одинъ городъ Римъ съ его ближайшими землями и союзными племенами и городами? И однако такова было необъятная внутренняя сила, заключавшаяся въ государственномъ, политическомъ и особенно военномъ устройствѣ одного этого города, что и порознь, и съ нѣсколькими и наконецъ со всѣми своими врагами вмѣстѣ онъ 60 лѣтъ велъ войну не только съ ослабѣвавшими, но съ постепенно возраставшими силами, болѣе и болѣе превосходившими силы противниковъ, по мѣрѣ истощенія и ослабленія послѣднихъ, и притомъ еще болѣе въ нравственномъ отношеніи, нежели въ физическомъ и числительномъ. Энергія и рѣшительность дѣйствій римлянъ возрастали болѣе и превосходили значительнѣе оказываемыя ихъ противниками. Случалось, что они дѣлали ошибки и претерпѣвали жестокія пораженія и даже позорное униженіе (какъ при Каудіѣ), но послѣ того возставали вдвое сильнѣе и несравненно чаще и сильнѣйшія пораженія наносили своимъ врагамъ, разбивая ихъ въ бою, покоряя ихъ города, разоряя ихъ области и несмѣтною добычею въ нихъ содержа войска свои, возмѣщая издержки войны и обогащая государственную казну свою. При этомъ, въ строгомъ политическомъ отношеніи, цѣль ихъ въ войнѣ была чисто-оборонительная—защита

Рима отъ возставшихъ кругомъ его враговъ; но по свойству римской политики, она была соединена съ самыми рѣшительными, наступательными цѣлями и дѣйствіями военными— защищая Римъ, покорять его власти возставшіе противъ него народы и ихъ области, цѣною всевозможныхъ усилій и пожертвованій. И въ этомъ военное устройство Рима и его войскъ и нравственный духъ правительства, народа, войска и отдѣльныхъ гражданъ римскихъ до того обнаружили превосходство свое, что и результаты, пріобрѣтенные римскою политикою и римскимъ оружіемъ, возбуждаютъ невольное изумленіе. Уже 1-я война съ самнитянами доставила Риму владычество надъ Кампаніей; война съ самнитянами и кампанцами разрушила латинскій союзъ и окончательно покорила латитянъ и кампанцевъ власти Рима; 2-я самнитская война ослабила и смирила самнитянъ и утвердила римлянъ въ Апуліи; война съ этрусками и умбрами разрушила этрускій союзъ, какъ и латинскій, и наконецъ послѣдняя война съ самнитянами, этрусками, умбрами и галлами окончательно сломила упорное сопротивленіе этихъ враговъ Рима: самнитяне, этруски и умбры были принуждены покориться ему, сеннонскіе галлы были почти совершенно истреблены, и послѣ 60 лѣтъ войны вся Италія отъ предѣловъ цизальпинской Галліи до Великой Греціи сдѣлалась подвластною Риму или зависимою отъ него. И эти необыкновенные политическіе результаты не только были достигнуты Римомъ безъ ослабленія его силъ и истощенія его средствъ, но напротивъ послужили къ значительному усиленію и обогащенію его, развитію и усовершенствованію военнаго устройства его и его войскъ, легіона и тактики римскихъ, образа и искуства веденія римлянами войны. Вотъ какія значеніе и важность имѣла эта 60-лѣтняя война римлянъ, послужившая твердымъ основаніемъ и первою ступенью къ дальнѣйшимъ ихъ завоеваніямъ, величію и славѣ Рима и оставляющая далеко за собою междуусобныя и внѣшнія войны грековъ, даже въ лучшія времена ихъ исторіи.

II.

Война съ Тарентомъ и Пирромъ (281—272).

§ 138.

Война съ Тарентомъ и Пирромъ (281—272).

Едва окончилась война Рима съ народами средней Италіи, какъ особенный случай привелъ его въ столкновеніе съ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ Великой Греціи или южной Италіи—Тарентомъ и съ призваннымъ имъ на помощь, эпирскимъ царемъ Пирромъ, слѣдовательно впервые—римлянъ съ греками и легіона съ фалангой.

Поводомъ къ тому послужили слѣдующія обстоятельства:

Греческіе города Великой Греціи представляли тоже самое явленіе, что и города собственной Греціи, т. е. постоянную борьбу аристократической и демократической партій. Изъ нихъ первая всегда держала сторону Рима, призывала его на помощь и отдавалась подъ его покровительство. Такимъ образомъ бо́льшая часть греческихъ городовъ Великой Греціи, одинъ за другимъ, отдались подъ покровительство Рима. Въ томъ числѣ былъ, между прочимъ, и городъ Ѳурій (Thurii), тѣснимый луканцами и бруттійцами.

Въ 282 году римскій сенатъ послалъ на помощь ему 10 морскихъ судовъ подъ начальствомъ Корнелія. Когда послѣдній показался въ виду Тарента, въ этомъ городѣ произошло сильное народное волненіе. Демократическая партія, имѣвшая въ немъ перевѣсъ, страшилась Рима и вожди ея раздражили и возбудили противъ него народъ, склонили его напасть на римскія суда—и 4 изъ нихъ были потоплены и экипажи ихъ умерщвлены, а 1 взято въ плѣнъ, со всѣми находившимися на немъ людьми. Вслѣдъ за тѣмъ Тарентъ объявилъ себя защитникомъ демократіи во всѣхъ греческихъ городахъ южной Италіи и освободителемъ всей Великой Греціи. Демократы города Ѳурія изгнали аристократовъ и римскій гарнизонъ, и вступили въ союзъ съ Тарентомъ.

Это послужило римскому сенату желаннымъ поводомъ къ низложенію Тарента, какъ единственнаго города въ Великой Греціи, который, по своему богатству, могъ противупоставить Риму зна-

чительныя силы. Сенатъ отправилъ въ Тарентъ Постумія съ посольствомъ и требованіемъ освободить взятыхъ въ плѣнъ римлянъ, ввести въ Θурій изгнанныхъ изъ него аристократовъ, возвратить имъ все, чего они при этомъ лишились, и выдать виновниковъ нарушенія мира. Но Постумій былъ самымъ грубымъ образомъ оскорбленъ тарентинскою чернію—и римскій сенатъ въ 281 г. объявилъ Таренту войну и приказалъ консулу Эмилію Барбулѣ, находившемуся съ арміею въ Самніѣ, строжайшимъ образомъ наказать Тарентъ за нанесенное Риму оскорбленіе и получить полное удовлетвореніе въ томъ.

Жители Тарента только тогда стали думать о средствахъ обороны противъ Рима. Благомыслящіе изъ нихъ совѣтовали дать Риму требуемое имъ удовлетвореніе, но страсти народныхъ массъ взяли верхъ—и правительство Тарента рѣшило призвать на помощь знаменитаго тогда въ Греціи полководца, эпирскаго царя Пирра, а чтобы скорѣе склонить его, уменьшало силы Рима и увеличивало собственныя. Какъ легкомысленно и необдуманно тарентинцы возбудили войну съ Римомъ и призвали Пирра на помощь, также точно легкомысленно и этотъ искатель приключеній согласился прибыть съ войскомъ въ Тарентъ, тѣмъ болѣе, что въ это самое время виды его на Македонію не исполнились, вести войну гдѣ бы ни было ему необходимо было для содержанія своего войска, слишкомъ многочисленнаго для его небольшихъ владѣній, и наконецъ потому что, крайне честолюбивый, онъ надѣялся образовать для себя въ Великой Греціи царство. О Римѣ же, римлянахъ и ихъ войскахъ онъ имѣлъ самыя смутныя и невѣрныя понятія: силы Рима онъ не зналъ, римлянъ онъ считалъ народомъ грубымъ, необразованнымъ, а о римскихъ войскахъ думалъ, что они побѣждали только потому, что имѣли противъ себя варваровъ, еще грубѣйшихъ. Словомъ—и тарентинцы, и Пирръ обнаружили во всемъ этомъ всегда и вполнѣ свойственныя древнимъ грекамъ народныя: гордость, тщеславіе, презрѣніе къ другимъ народамъ и—легкомысліе. За то они и были вполнѣ разочарованы и жестоко наказаны.

Между тѣмъ въ 281 г., тотчасъ по объявленіи Римомъ Та-

ренту войны, консулъ Эмилій Барбула съ своею арміей вступилъ изъ Самнія въ тарентинскія земли, сталъ разорять ихъ, разбилъ тарентинскія войска въ нѣсколькихъ стычкахъ и Тарентъ уже начиналъ склоняться къ миру, когда въ него прибылъ первый сановникъ Пирра, Кинеасъ, съ 3.000 чел. пѣхоты, а за нимъ послѣдовалъ Милонъ съ вспомогательными эпирскими войсками. Тогда тарентинцы перемѣнили свои намѣренія и продолжали дѣйствовать въ полѣ. Но осенью Эмилій Барбула отступилъ въ Луканію и расположился въ ней на зимнихъ квартирахъ.

Наконецъ въ началѣ 280 г. въ Тарентъ прибылъ и самъ Пирръ съ 10.000 чел. эпирскихъ войскъ и 50 слонами, претерпѣвъ во время переѣзда моремъ жестокую бурю и потерявъ много судовъ и войскъ на нихъ. Съ прибытіемъ его, въ Тарентѣ все приняло другой видъ. Тарентинцы, возбудивъ войну, сами занимались только празднествами и увеселеніями, а защиту города предоставили эпирскимъ войскамъ. Но Пирръ запретилъ и празднества, и увеселенія, и приказалъ жителямъ вооружиться, заниматься военными упражненіями и исправлять службу вмѣстѣ съ эпирскими войсками. Многіе, уклоняясь отъ этого принужденія, бѣжали изъ города въ свои помѣстья. Тогда Пирръ усугубилъ мѣры военной строгости, вслѣдствіе чего многіе города Великой Греціи стали просить римскихъ гарнизоновъ, въ томъ числѣ Регій, который и получилъ гарнизонъ изъ одного самнитско-кампанскаго легіона. Пирръ разорилъ земли этихъ городовъ, собралъ въ Тарентѣ 20.000 чел. пѣхоты, 2.000 стрѣлковъ и 3.000 чел. конницы, съ 50-ю слонами при нихъ, и вскорѣ свѣдавъ о движеніи противъ него консула Левина, выступилъ на встрѣчу ему.

Послѣдній, вступивъ сначала въ Луканію и опустошивъ ее огнемъ и мечомъ, оттуда двинулся къ Таренту. Недалеко отъ Гераклеи, города Луканіи, близъ впаденія рѣчки Сириса въ тарентинскій заливъ (нынѣ гор. Поликорно) впервые встрѣтились римская и греческая арміи, римскій легіонъ и греческая фаланга, и произошло между ними сраженіе (въ 280 г.). Обозрѣвая лагерь римской арміи и замѣтивъ въ немъ необыкновенный порядокъ и бодрый видъ войскъ, Пирръ не могъ скрыть своего изумленія

и—опасенія вступить въ бой съ тѣми, которыхъ онъ дотолѣ считалъ варварами. Эти варвары, едва открыли приближеніе непріятеля, какъ выступили изъ своего лагеря, перешли черезъ Сирисъ, атаковали передовыя эпирскія войска и опрокинули ихъ на главныя силы. Пирръ прискакалъ на помощь съ отрядомъ отборной конницы и возстановилъ дѣло Вокругъ него произошелъ жестокій рукопашный бой: Пирръ помѣнялся доспѣхами съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, который вскорѣ былъ убитъ, и въ обѣихъ арміяхъ пробѣжалъ слухъ, что убитъ Пирръ. Въ арміи его распространились смущеніе и страхъ, а римляне ободрились и уже побѣда начала склоняться на ихъ сторону. Но появленіе Пирра, который снявъ шлемъ, скакалъ по линіямъ своей арміи, одушевило ее новымъ мужествомъ, и она усугубила усилія. Семь разъ легіоны заставляли отступать фалангу и столько же разъ она оттѣсняла легіоны. Наконецъ движеніе Пирромъ впередъ слоновъ рѣшило сраженіе. Неожиданное появленіе слоновъ, еще никогда не виданныхъ римлянами, грозный видъ и необыкновенная сила ихъ и сильное дѣйствіе стрѣлковъ изъ помѣщенныхъ на нихъ башень, произвели внезапный ужасъ, сначала на римскую конницу, а потомъ и на римскую пѣхоту. Лошади первыя испугались слоновъ и бросились назадъ, смяли пѣхоту и привели ее въ разстройство. Оессалійская конница воспользовалась этимъ и стремительно напала на легіоны. Они долго и упорно оборонялись, но потерпѣли полное и совершенное пораженіе: 15.000 римскихъ воиновъ были убиты и 2.000 взяты въ плѣнъ. Но и Пирръ, самъ раненый, понесъ такой уронъ, что сказалъ: «еще одна такая побѣда—и я погибъ!»

Таково въ сущности было это первое сраженіе между римлянами и греками, на сколько можно судить о немъ почти исключительно изъ Плутархова жизнеописанія Пирра. Но Плутархъ смотритъ въ немъ больше на лица, нежели на дѣла; книги же Тита Ливія объ этомъ времени, къ сожалѣнію, утрачены. Изъ оглавленія той изъ нихъ, въ которой описано сраженіе на Сирисѣ или при Гераклеѣ, видно, что римляне слагали вину своего пораженія исключительно на слоновъ. Но Плутархъ приводитъ одно изреченіе Фабриція (посланнаго потомъ къ Пирру, см. ниже), по кото-

рому это должно приписать винѣ Левина. И то, и другое можетъ быть справедливо; но пораженіе римлянъ легче объясняется тѣмъ, что римляне еще не знали греческой тактики, никогда не видали слоновъ, особенно въ бою, и имѣли мало конницы, и та была хуже греческой. Какъ бы то ни было, римляне были разбиты на голову, а Пирръ одержалъ полную побѣду, которая доставила ему такое уваженіе въ Италіи, что всѣ, хотѣвшіе въ ней отложиться отъ Рима, начали собираться вокругъ него.

Разбитый Левинъ отступилъ въ Апулію, куда ему были высланы 2 новыхъ легіона. А Пирръ, чрезвычайно отважный и предпріимчивый, рѣшился усиленными переходами идти прямо на Римъ, и этому нельзя не отдать должной справедливости. Заключивъ союзъ съ луканцами, самнитянами и другими племенами южной и средней Италіи, онъ вступилъ въ Кампанію, взялъ Фрегеллы и уже осадилъ Пренесту (верстахъ въ 50-ти отъ Рима). Но другой консулъ Корунканій, усмирившій Этрурію, двинулся на встрѣчу Пирру и тогда онъ, уже извѣдавъ римское оружіе при Гераклеѣ и благоразумно не отваживаясь очутиться между двухъ римскихъ армій, отступилъ въ Кампанію. А узнавъ, что Левинъ получилъ подкрѣпленія, онъ отступилъ и изъ Кампаніи къ Таренту. Такъ какъ у него началъ оказываться недостатокъ въ деньгахъ, то онъ рѣшился прибѣгнуть къ переговорамъ съ Римомъ. Въ это самое время римскій сенатъ прислалъ ему Фабриція съ посольствомъ для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Пирръ такъ мало понималъ римлянъ, что хотѣлъ подкупить Фабриція и, по греческому обычаю, опредѣлить плѣнныхъ римлянъ въ свое войско. Но когда ни то, ни другое не удалось ему, тогда онъ избралъ другое средство: думая великодушіемъ расположить римскій сенатъ въ свою пользу, онъ освободилъ 200 римскихъ плѣнныхъ, а остальнымъ дозволилъ отправиться въ Римъ на празднество сатурналій, съ условіемъ, чтобъ они воротились въ Тарентъ, если въ теченіе празднества миръ не будетъ заключенъ, и удовольствовался ручательствомъ въ томъ Фабриція. А въ началѣ слѣдующаго 279 года онъ отправилъ посломъ въ Римъ ѳессалійца Кинеаса, тонкаго политика и искуснаго оратора. Кинеасъ говорилъ въ римскомъ сенатѣ такъ

убѣдительно, что послѣдній, по видимому, начиналъ уже склоняться къ миру. Но престарѣлый, полуслѣпой Аппій Клавдій, сильною рѣчью въ духѣ римской національной гордости, убѣдилъ сенатъ, что съ Пирромъ прилично вступить въ мирные переговоры только тогда, когда онъ удалится изъ Италіи, но пока онъ еще въ ней, война съ нимъ должна быть ведена со всемъ возможнымъ напряженіемъ силъ. Вслѣдствіе того переговоры были прерваны и война возобновилась.

При Аскулумѣ (нынѣ Асколи), въ Апуліи, гдѣ Пирръ взялъ нѣсколько городовъ, армія его снова встрѣтилась съ римскими арміями консуловъ Деція Муса и Сулпиція Саверрія и произошло сраженіе. Силы съ обѣихъ сторонъ были почти равныя — около 40.000 чел., но болотистая и очень пересѣченная мѣстность сначала препятствовала Пирру построить свою армію въ боевой порядокъ. Сраженіе продолжалось долго и обѣ стороны сражались съ большимъ упорствомъ и чрезвычайною храбростью, но наконецъ эпирцы начали уступать. Тогда Пирръ, чтобы нанести рѣшительный ударъ, двинулъ своихъ слоновъ большимъ обходомъ противъ римской конницы. Лошади ея, испуганныя, какъ при Гераклеѣ, слонами, бросились назадъ, а пѣхота Пирра, пользуясь тѣмъ, произвела послѣдній, дружный ударъ и сломила римлянъ. Обѣ стороны понесли большой уронъ (до 15.000 чел.), консулъ Децій Мусъ былъ убитъ, а Пирръ раненъ копьемъ въ руку. Однако римляне удержались въ своемъ лагерѣ, а Пирръ отступилъ къ Таренту, и слѣдовательно сраженіе при Аскулумѣ слѣдуетъ считать нерѣшеннымъ, по послѣдствіямъ же своимъ — болѣе выгоднымъ для римлянъ, нежели для Пирра. Положеніе его въ Италіи становилось все болѣе труднымъ и невыгоднымъ для него. Въ двухъ жестокихъ битвахъ онъ лишился лучшихъ эпирскихъ военачальниковъ и войскъ, а пополнить ихъ изъ Эпира было для него невозможно или по крайней мѣрѣ очень трудно. Союзники его въ Италіи, видя неблагопріятный для него оборотъ дѣлъ, охладѣли къ нему и слабо содѣйствовали ему. Римляне же, пополнившіе свои легіоны и раздраженные понесенными ими потерями и вмѣ-

шательствомъ Пирра, положили вести войну съ нимъ до послѣдней крайности.

Пирръ провелъ зиму съ 279 на 278 годъ въ Тарентѣ и, получивъ нѣсколько подкрѣпленій изъ Эпира, весною 278 г. снова выступилъ въ поле и расположился лагеремъ на границѣ тарентинскихъ владѣній, напротивъ лагеря римскихъ армій консуловъ Фабриція Луцина и Эмилія Папія. Здѣсь Пирръ снова предложилъ римлянамъ миръ, но римляне снова отвѣчали, что онъ можетъ быть заключенъ только по удаленіи Пирра изъ Италіи. Къ счастію для Пирра, въ это самое время явились къ нему послы отъ сицилійскихъ грековъ, съ предложеніемъ прибыть въ Сицилію, для прекращенія между ними безпорядковъ и изгнанія карѳагенянъ. А съ другой стороны было получено извѣстіе, что царь македонскій Птолемэй Керавнъ былъ убитъ въ сраженіи съ галлами, войска его разсѣялись и насталъ самый удобный случай для завоеванія Пирромъ Македоніи.

Пирръ съ радостію согласился на предложеніе сицилійцевъ, какъ скорѣйшее средство выйдти изъ труднаго и постыднаго положенія своего въ Италіи. Оставивъ въ Тарентѣ довольно сильный гарнизонъ, не заключивъ, кажется, никакого договора съ римлянами, а союзниковъ своихъ въ Италіи предоставивъ собственной ихъ участи, самъ онъ съ 30,000 чел. пѣхоты, 2.500 чел. конницы и слонами сѣлъ на свой флотъ и отправился въ Сицилію, гдѣ военныя дѣйствія его были изложены выше (глава XIX § 122).

По удаленіи его изъ Италіи, консулы Фабрицій и Эмилій въ 278 г. обратились противъ этрусковъ, луканянъ, бруттійцовъ и самнитянъ и одержали нѣкоторые успѣхи надъ ними.

Въ 277 г. консулы Корнелій Руфинъ и Юній Брутъ продолжали войну противъ самнитянъ, но, преслѣдуя ихъ въ бѣгствѣ слишкомъ поспѣшно и безъ надлежащей осторожности, понесли отъ нихъ большой и постыдный уронъ, обвиняли въ томъ одинъ другаго и потому разлучились, чтобы дѣйствовать отдѣльно. Брутъ остался въ Самніѣ, а Руфинъ разорилъ луканскія и бруттійскія земли и осадилъ гор. Кротону. Сначала онъ былъ отраженъ жителями этого города, съ помощью имъ тарентійцевъ, но наконецъ овла-

дѣлъ этимъ богатымъ городомъ посредствомъ военной хитрости, а тарентійскія вспомогательныя войска на обратномъ походѣ въ Тарентъ были почти совершенно истреблены имъ, вслѣдъ за чѣмъ гор. Локры добровольно сдался ему.

Въ 276 г. римляне продолжали настойчиво и усиленно вести войну со всѣми народами южной Италіи, бывшими въ союзѣ съ Пирромъ. Поэтому послѣдніе послали къ нему въ Сицилію съ просьбой о скорѣйшей помощи. Не успѣвъ ничего сдѣлать въ Сициліи, Пирръ воротился опять въ Тарентъ только съ 10.000 чел. пѣхоты, 3.000 чел. конницы и слонами, потерявъ въ дѣлахъ съ карѳагенянами и мамертинцами въ Сициліи и отъ жестокой бури на морѣ большую часть своего войска.

Въ 275 г. противъ него былъ посланъ консулъ Курій Дентатъ, а другой консулъ Корнелій Лентулъ двинулся въ Луканію.

При Беневентѣ произошло сраженіе между Пирромъ и Куріемъ Дентатомъ, въ которомъ первый, не смотря на своихъ слоновъ, былъ разбитъ и опрокинутъ въ Тарентъ, съ урономъ 26.000 чел. убитыми и 1.300 чел. взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 8-ю слонами.

Эта побѣда рѣшила войну съ Пирромъ и народами и городами южной Италіи. Пирръ удалился окончательно изъ Италіи въ Эпиръ, оставивъ однако гарнизонъ въ Тарентѣ.

Между тѣмъ консулъ Корнелій одержалъ успѣхи надъ луканянами и потомъ обратился въ Самній, гдѣ покорилъ нѣсколько городовъ.

Въ 274—272 гг. римляне продолжали съ успѣхомъ вести войну противъ луканянъ, бруттійцевъ и самнитянъ. Послѣдніе въ 272 г., не надѣясь болѣе на помощь Пирра, такъ какъ онъ былъ убитъ въ Аргосѣ, въ Греціи, окончательно покорились римлянамъ. Тарентинцы, которыхъ начальникъ Пиррова гарнизона Милонъ держалъ подъ строгимъ надзоромъ, обратились съ просьбой о помощи къ Карѳагену, который немедленно послалъ къ Таренту флотъ, подъ предлогомъ изгнанія Милона изъ этого города, но съ тайнымъ повелѣніемъ овладѣть послѣднимъ и удержать его

противъ римлянъ: ибо, покоривъ бо́льшую часть Сициліи, карѳагеняне считали чрезвычайно выгоднымъ и необходимымъ для нихъ стать твердою ногою на берегахъ южной Италіи. Между тѣмъ консулъ Папирій Курсоръ съ арміей обложилъ Тарентъ съ сухаго пути и, будучи искуснѣе карѳагенскаго полководца въ переговорахъ съ жителями этого города, успѣлъ склонить ихъ къ добровольной сдачѣ ему онаго, послѣ чего далъ Милону съ эпирскимъ гарнизономъ свободный выходъ.

Другой консулъ Карвилій принудилъ луканянъ и бруттійцевъ, послѣ многихъ пораженій, нанесенныхъ имъ, просить мира, и какъ онъ, такъ и Папирій Курсоръ были награждены тріумфомъ.

Наконецъ, въ томъ же 272 году римскій сенатъ послалъ консула Генуція съ арміей наказать самнитско-кампанскій легіонъ, который завладѣлъ городомъ Регіемъ, на юго-западной оконечности южной Италіи, противъ Сициліи.

Выше было сказано, что Регій самъ выпросилъ себѣ римскій гарнизонъ. Туда былъ посланъ самнитско-кампанскій легіонъ подъ начальствомъ военнаго трибуна Деція Юбеллія. Примѣръ сосѣдей, мессенскихъ единоплеменниковъ — мамертинцевъ соблазнилъ самнитянъ въ Регіѣ — и они частію изгнавъ, частію умертвивъ гражданъ его, завладѣли городомъ. Занятый войною съ Тарентомъ и Пирромъ, римскій сенатъ отложилъ до времени наказаніе измѣнниковъ. Но какъ только война съ Пирромъ и Тарентомъ была кончена, Генуцій, послѣ отчаянной обороны Регія, взялъ его съ бою. 4.000 самнитянъ и кампанцевъ пали въ бою, 300 были взяты въ плѣнъ, отосланы въ Римъ и казнены, а изгнанные жители Регія были возвращены въ него и получили обратно все взятое у нихъ имущество.

Тарентъ, въ наказаніе, былъ принужденъ разрушить свои стѣны и выдать свой флотъ и находившіяся въ городѣ произведенія искуствъ. Бо́льшая часть греческихъ городовъ южной Италіи, хотя удержала свои законы и постановленія, но была обязана присылать въ римскія арміи своихъ совершеннолѣтнихъ гражданъ и содѣйствовать Риму въ его войнахъ, не получая отъ того ни пользы ни чести. Наконецъ, взятіемъ Регія, Римъ довершилъ покореніе всей

Италіи и сталъ въ виду береговъ Сициліи, на которыхъ властвовалъ Карѳагенъ, слѣдовательно—лицомъ къ лицу съ послѣднимъ, отдѣляемый отъ него только узкимъ морскимъ проливомъ.

§ 139.

Заключеніе.

Итакъ, въ 72 года времени (343—272), въ упорныхъ и кровопролитныхъ войнахъ съ самнитянами, латинянами, кампанцами, этрусками, умбрами, галлами, народами и городами южной Италіи, Тарентомъ и Пирромъ, Римъ, помощью своей искусной политики и превосходныхъ: военнаго устройства, мужества и храбрости своихъ войскъ и искуства ихъ предводителей, рѣшительно восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами, какъ туземными италійскими, такъ и надъ прибывшими съ Пирромъ изъ Греціи греками и, одолѣвъ ихъ всѣхъ, покорилъ Италію отъ края до края и создалъ себѣ въ ней твердое и прочное основаніе для будущихъ, рѣшительныхъ, наступательныхъ дѣйствій внѣ ея во всѣ стороны.

Разсматривая этотъ 2-й, 72-лѣтній періодъ римскихъ войнъ, составляющій послѣ 1-го, 44-лѣтняго, вторую ступень къ возвышенію ихъ въ военномъ искуствѣ вообще и въ различныхъ отрасляхъ его: военной политикѣ, стратегіи, тактикѣ, кастраметаціи, фортификаціи, поліорцетикѣ, военной администраціи и пр., нельзя не убѣдиться въ справедливости изложеннаго по этому предмету вообще выше въ § 129.

Главною основою войнъ въ этомъ періодѣ была хитрая, но необыкновенно мудрая *) и искусная военная политика римскаго правительства, т. е. сената. А что̀ такое былъ римскій сенатъ въ эти лучшія времена римской республики, лучшее понятіе можетъ дать то впечатлѣніе, которое онъ, по словамъ Плутарха, произвелъ на

*) Извѣстно, что въ древности слова хитрость и мудрость, хитрый и мудрый, были синонимами.

Кинеаса, перваго государственнаго сановника (министра) Пирра, посланнаго имъ въ 279 г. въ Римъ для мирныхъ переговоровъ. Кинеасъ, самъ хитрый и мудрый грекъ, тонкій политикъ и искусный ораторъ, воротясь изъ Рима, въ отчетѣ своемъ Пирру сравнивалъ римскій сенатъ съ собраніемъ царей—таково было первое и сильное впечатлѣніе, которое произвело на него важное собраніе почтенныхъ отцовъ семействъ (patres conscripti) и какого конечно не произвело бы на него ни одно изъ тогдашнихъ правительственныхъ собраній въ Греціи, даже знаменитый аѳинскій ареопагъ! А послы, отправленные потомъ римскимъ сенатомъ къ Пирру для переговоровъ о выкупѣ плѣнныхъ, могли убѣдить Пирра въ справедливости словъ Кинеаса и самому Пирру внушить высокое понятіе о характерѣ римлянъ вообще и сенаторовъ римскихъ особенно. Такого-то рода правительственное собраніе руководило военною политикою Рима и каждою и всѣми войнами его отъ начала ихъ до конца. Согласно съ его предначертаніями, одинъ или оба консула, порознь или вмѣстѣ, или полномочный диктаторъ, двигались съ одной, двумя или болѣе арміями, прямо, быстро, смѣло и рѣшительно въ одну, двѣ или болѣе непріятельскихъ областей, туда, гдѣ находилось непріятельское войско, сами первые нападали на него въ открытомъ полѣ и старались сразу нанести ему въ бою рѣшительное пораженіе. Таковы были предметъ и цѣль, а средствами къ достиженію ихъ—превосходные: военное устройство римскихъ войскъ и нравственныя качества и духъ ихъ, и искуство ихъ предводителей, Папирія Курсора, Фабія Максима и многихъ другихъ, болѣе или менѣе имъ подобныхъ. Были и исключенія—упадокъ духа въ войскахъ, нарушеніе ими военной дисциплины, явное возстаніе, оплошность и неискуство полководцевъ, важныя неудачи, сильныя и даже постыдныя пораженія. Но эти исключенія были рѣдки и тотчасъ же были сугубо вознаграждаемы столь же энергическими, сколько и искусными дѣйствіями лучшихъ полководцевъ, и въ общемъ результатѣ всегда и во всемъ было окончательное торжество римскаго оружія. Подъ вліяніемъ этого и въ военныхъ дѣйствіяхъ въ разнообразныхъ странахъ, и равнинныхъ, и особенно горныхъ, противъ различныхъ народовъ, воин

ственныхъ и храбрыхъ и имѣвшихъ хорошее военное устройство, наконецъ въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, понятно, что сами римляне закалились въ бояхъ, расширили кругъ своей практической, военной и боевой опытности, а военное искуство у нихъ вообще и во всѣхъ своихъ отрасляхъ развилось и усовершенствовалась значительно и получило рѣшительное движеніе къ дальнѣйшимъ и еще бо́льшимъ развитію и совершенствованію.

Вотъ съ какой общей точки зрѣнія необходимо, занимательно и поучительно разсматривать каждую войну, каждый походъ, каждое военное дѣйствіе римлянъ и всѣ ихъ въ совокупности, въ продолженіе этого 72-лѣтняго періода военной исторіи ихъ и изъ такого разсмотрѣнія ихъ получить надлежащее, вѣрное понятіе о ихъ значеніи и важности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (264—241).

§ 140. Причины и начало войны. — Война въ Сициліи (264 – 261). — § 141. Война въ Сициліи и на морѣ (260—258).—§ 142. Война въ Сициліи, на морѣ и въ Африкѣ (257—255).—§ 143. Война въ Сициліи (254—248).—§ 144. Война въ Сициліи и на морѣ (247 – 241).—§ 145. Заключеніе.

—oo—

Источники: древніе: Полибій, Титъ Ливій, Діодоръ, Аппіанъ, Флоръ, Плутархъ; — новыя и новѣйшія историческія пособія: Montesquieu и пр. указанныя въ главѣ XX.

§ 140.

Причины и начало войны.—Война въ Сициліи (264—261).

Постепенное возрастаніе могущества Рима не оставалось незамѣченнымъ со стороны Карѳагена. Онъ зорко слѣдилъ за нимъ и еще въ 509 г. заключилъ съ Римомъ дружественный договоръ, который въ 345 г. былъ возобновленъ, а когда Пирръ сталъ простирать свои виды не на одну Италію, но и на Сицилію и Карѳагенъ, измѣненъ въ оборонительный и наступательный. Но внутреннія дѣла Сициліи, по удаленіи Пирра изъ нея и вскорѣ изъ Италіи, подали римлянамъ поводъ вмѣшаться въ нихъ и придти въ первое столкновеніе съ Карѳагеномъ, слѣдствіемъ чего и была 1-я пуническая война съ нимъ, продолжавшаяся 23 года (264—241).

По удаленіи Пирра изъ Сициліи, хотя въ Сиракузахъ и былъ возстановленъ прежній образъ правленія, но внутреннія смуты и без-

порядки не прекращались. Такъ какъ Сиракузамъ грозили, съ одной стороны—Карѳагенъ, а съ другой—мамертинцы въ Мессенѣ, то содержаніе наемныхъ войскъ сдѣлалось необходимымъ, а несогласія между гражданами и наемниками неизбѣжными. Въ 258 г. избраніе пользовавшагося общимъ уваженіемъ гражданъ Сиракузъ, Гіерона, главою правительства положило конецъ несогласіямъ, соединивъ выгоды обѣихъ партій. Уничтоживъ прежнія мятежныя, наемныя войска и образовавъ новыя, Гіеронъ одержалъ съ ними побѣду надъ мамертинцами и, въ благодарность за то, гражданами Сиракузъ былъ провозглашенъ царемъ ихъ. Гіеронъ овладѣлъ бы и Мессеной и разрушилъ бы разбойничью республику мамертинцевъ, еслибы Карѳагенъ, изъ зависти къ Сиракузамъ, не принялъ ее подъ свою защиту и не поставилъ въ Мессену своего гарнизона. Мамертинцы, по удаленіи Гіерона, изгнали карѳагенскій гарнизонъ; но когда Карѳагенъ показалъ видъ, что намѣренъ соединиться съ Гіерономъ противъ нихъ, тогда одна партія ихъ потребовала возвращенія карѳагенскаго гарнизона, что и было исполнено, а другая—обратилась къ римскому сенату съ просьбой о покровительствѣ и помощи. Римскій сенатъ съ одной стороны былъ связанъ договоромъ съ Карѳагеномъ, а съ другой былъ затрудненъ вопросомъ, сообразно-ли было съ достоинствомъ его и римскаго народа брать подъ свою защиту разбойническую республику, возникшую такимъ же злодѣяніемъ, которое Римъ только-что такъ строго наказалъ въ Регіѣ. Но заманчивость выгодъ одолѣла убѣжденія совѣсти и римскій сенатъ въ 264 г. приказалъ консулу Аппію Клавдію съ арміей переправиться въ Сицилію на помощь мамертинцамъ. И такъ—жребій былъ брошенъ, война между Римомъ и Карѳагеномъ въ Сициліи сдѣлалась неизбѣжною и маловажныя причины имѣли громадныя послѣдствія!

Аппій Клавдій, видя, что узкій регійскій проливъ былъ занятъ карѳагенскимъ флотомъ, а Мессена—карѳагенскимъ гарнизономъ, сначала успѣлъ переправить въ Сицилію, между Сиракузами и Мессеной, трибуна Клавдія. А этотъ, помощью удачной военной хитрости, успѣлъ выманить изъ Мессены карѳагенскій гарнизонъ.

Тогда Аппій Клавдій немедленно переправился съ арміей въ Мессену и занялъ ее. Карѳагеняне сочли это столь важнымъ, что отрѣшили и приговорили къ казни полководца своего, не воспрепятствовавшаго высадкѣ римлянъ въ Сицилію, заключили союзъ съ Гіерономъ и вмѣстѣ съ нимъ и его войскомъ двинули свое прямо противъ Мессены и осадили ее. Но Аппій Клавдій, хотя и числительно слабѣе, напалъ отдѣльно на войска Гіерона и опрокинулъ ихъ въ укрѣпленный ихъ лагерь. Гіеронъ, по видимому имѣя цѣлію вначалѣ оставаться неутральнымъ, а въ послѣдствіи присоединиться къ той сторонѣ, на которую будетъ склоняться успѣхъ, отступилъ въ Сиракузы, не предваривъ о томъ карѳагенское войско. Послѣднее было принуждено снять осаду Мессены и отступить, и тогда Аппій Клавдій, не ограничась освобожденіемъ Мессены, воспользовался обстоятельствами для продолженія войны, вмѣстѣ съ мамертинцами прошелъ по всей Сициліи, грабя и разоряя край, даже напалъ, хотя и безъ успѣха, на Сиракузы и въ концѣ похода воротился въ Римъ и былъ награжденъ тріумфомъ за первыя побѣды за моремъ надъ двумя народами.

Въ 263 г. въ Сициліи явились уже оба консула Валерій Максимъ и Отацилій съ своими арміями и дѣйствовали въ такомъ согласіи между собой, что многіе города добровольно покорились имъ и по всей Сициліи распространился страхъ римскаго имени. Стѣсненный консулами въ своихъ владѣніяхъ и осажденный ими въ Сиракузахъ, Гіеронъ, цѣною 100 талантовъ и освобожденія всѣхъ военноплѣнныхъ, купилъ миръ и союзъ съ Римомъ, до конца жизни своей оставался вѣрнымъ союзникомъ его и тѣмъ спасъ и упрочилъ независимость Сиракузъ. Карѳагенъ, передъ тѣмъ выславшій къ берегамъ Сициліи флотъ, поспѣшно отозвалъ его, узнавъ о заключеніи мира и союза между Римомъ и Гіерономъ. А консулы, съ помощью послѣдняго, покорили бо́льшую часть городовъ Сициліи, принадлежавшихъ Карѳагену.

Въ 262 г. въ Сицилію были посланы оба консула Постумій и Мамилій, но только съ 2-мя легіонами, которые были признаны достаточными для продолженія войны вмѣстѣ съ Гіерономъ. Со-

динясь съ его войсками, консулы осадили Агригентъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ городовъ Сициліи и главное средоточіе карѳагенскихъ военныхъ силъ, въ которомъ карѳагеняне имѣли и гарнизонъ весьма сильный. Послѣдній сдѣлалъ вылазку и напалъ на римскія войска, собиравшія продовольствіе, но былъ ими отраженъ съ урономъ. Послѣ 5-ти мѣсячной осады, карѳагенскій полководецъ Ганнонъ высадился наконецъ въ Лилибеѣ съ 50.000 чел. пѣхоты, 6.000 чел. конницы и 60 слонами и овладѣлъ гор. Эрбессомъ, въ которомъ римляне учредили свои склады продовольствія. Нѣсколько времени послѣ того онъ, полагая, что уже достаточно ослабилъ союзниковъ голодомъ, вступилъ съ ними сраженіе и въ тоже время гарнизонъ Агригента сдѣлалъ вылазку. Но, не смотря на упорнѣйшее сопротивленіе, и тотъ и другой были отражены съ большимъ урономъ. 3 слона Ганнона были ранены, 30 убиты, 11 взяты въ плѣнъ, лагерь Ганнона былъ взятъ и самъ Ганнонъ лишь съ небольшимъ остаткомъ войскъ своихъ спасся въ Гераклею. Гарнизонъ Агригента съ своей стороны очистилъ городъ и спасся моремъ. Такимъ образомъ Агригентъ, послѣ 7-ми мѣсячной осады, былъ взятъ и разграбленъ, а граждане его проданы въ рабство. Паденіе его повлекло за собою покореніе римлянамъ многихъ другихъ городовъ, но стоило римлянамъ до 30.000 чел. урона.

Въ 261 г. римскій сенатъ положилъ совершенно вытѣснить карѳагенянъ изъ Сициліи и поручилъ обоимъ консуламъ Валерію и Оттацилію усиленно продолжать войну въ Сициліи. Между галльскими наемниками въ карѳагенскомъ войскѣ произошло неудовольствіе по случаю невыдачи имъ жалованья, и Ганнонъ, безъ того не довѣрявшій имъ, успѣлъ, помощью военной хитрости, побудить римлянъ къ завлеченію галловъ въ засаду и почти совершенному истребленію ихъ, послѣ упорнаго сопротивленія. Этимъ коварнымъ поступкомъ онъ избавился отъ недовольныхъ и ненадежныхъ наемниковъ и ослабилъ римлянъ въ бою съ ними. Но такого рода предательство наемниковъ имѣло позже очень вредныя для Карѳагена послѣдствія, и fides punica (пуниче-

ская или карѳагенская вѣрность) съ этого времени стала у римлянъ поговоркой въ обратномъ смыслѣ.

Амилькаръ (не отецъ Аннибала, а другой), замѣнившій отозваннаго Ганнона, благоразумно положилъ воспользоваться превосходствомъ Карѳагена на морѣ и покорилъ многіе приморскіе города не только Сициліи, но даже и Италіи. А римляне между тѣмъ болѣе и болѣе утверждались во внутренности Сициліи, но вскорѣ убѣдились, что имъ необходимо было уравновѣсить свои силы съ карѳагенянами и на морѣ и немедленно приступили съ величайшею энергіей къ сооруженію флота. Въ два мѣсяца времени они построили 100 квинкверемъ и 20 триремъ, снабдили ихъ гребцами и воинами, обученными службѣ на морѣ, и установили правила морской тактики, о которыхъ говорено выше (глава XX § 130).

§ 141.

Война въ Сициліи и на морѣ (260 - 238).

Въ 260 г. консулу Дуиллію было ввѣрено начальствованіе надъ арміею въ Сициліи, а другому консулу Корнелію Сципіону надъ новымъ флотомъ. Послѣдній съ 17 судами отправился впередъ къ острову Липарѣ, но здѣсь, вслѣдствіе измѣны жителей его, былъ окруженъ карѳагенскимъ флотомъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Карѳагенъ. Дуиллій немедленно принялъ начальствованіе надъ римскимъ флотомъ, огибая морской мысъ наткнулся на побѣдившій Сципіона карѳагенскій флотъ, смѣло атаковалъ его и, помощію изобрѣтеннаго имъ, Дуилліемъ, ворона (см. выше § 130), одержалъ первую, полную и совершенную побѣду на морѣ надъ карѳагенянами, нанесъ имъ уронъ въ 3.000 чел. убитыми, потопилъ 14 судовъ ихъ и взялъ 31 съ 7.000 чел. на нихъ въ плѣнъ. Затѣмъ онъ принудилъ карѳагенянъ снять осаду Сегесты, покорилъ Мацеллу, безъ сопротивленія со стороны Амилькара, и воротясь въ Римъ, былъ награжденъ чрезвычайнымъ триумфомъ и почестями, какъ первый побѣдитель на морѣ.

Въ 259 г. консулъ Корнелій былъ посланъ съ флотомъ къ островамъ Сардиніи и Корсикѣ, на которыхъ карѳагеняне завладѣли нѣсколькими городами. Корнелій въ короткое время покорилъ всю Корсику и потомъ на островѣ Сардиніи на голову разбилъ Ганнона и покорилъ Олбію и бо́льшую часть взятыхъ карѳагенянами городовъ.

Между тѣмъ въ Сициліи Амилькаръ завладѣлъ помощью измѣны городами Камариной и Энной и укрѣпилъ гавань города Дрепана. Консулъ Аквилій, будучи слишкомъ слабъ для воспрепятствованія тому, остался на зиму въ Сициліи и осадилъ гор. Мизистратъ, взятый уже преемникомъ его Атиліемъ въ 258 г. Отсюда Атилій двинулся къ Камаринѣ, но на пути туда былъ окруженъ карѳагенскою арміею и спасенъ только необыкновеннымъ мужествомъ трибуна Калпурнія Фламмы, который съ 300 волонтеровъ бросился въ ряды непріятелей и тѣмъ далъ Атилію съ легіонами время отступить, за что, тяжело израненый, получилъ высшую награду—вѣнокъ изъ травы. Послѣ того Атилій покорилъ Камарину, Энну и многіе другіе города и осадилъ Липари, но безъ успѣха.

Между тѣмъ въ томъ же 258 г. другой консулъ Сулпицій одержалъ многіе успѣхи въ Сардиніи, переправился въ Африку, распространилъ въ ней и въ Карѳагенѣ ужасъ, разбилъ на морѣ высланнаго противъ него Аннибала (одноименнаго съ сыномъ Амилькара Барки) и взялъ въ плѣнъ бо́льшую часть карѳагенскаго флота.

§ 142.

Война въ Сициліи, на морѣ и въ Африкѣ (257—255).

Энергія, отважность и рѣшительность римскаго сената въ веденіи войны противъ Карѳагена, возрастая постепенно, уже на 8-й годъ войны привела къ плану—не только побѣдить Карѳагенъ на его стихіи—морѣ, но и перенести войну въ Африку и напасть на самый Карѳагенъ. Но для этого нужно было создать огромный

флотъ—и сенатъ не остановился въ этомъ ни передъ какими затрудненіями и препятствіями. Онъ совершенно разорилъ приморскіе греческіе и этрусскіе города Италіи, которые заставилъ выставлять одинъ флотъ за другимъ, не жалѣлъ государственой казны, но уже въ 257 г. выставилъ флотъ въ 330 судовъ разной величины, съ 140.000 гребцовъ и воиновъ на нихъ, и поручилъ консуламъ Манлію и Аттилію Регулу перенести войну въ Африку. Рѣшась на это, римскій сенатъ, по обычной своей политикѣ, всегда предусмотрительной и благоразумно осторожной, предварительно собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о военномъ положеніи Карѳагена на морѣ и на сухомъ пути въ Африкѣ, принялъ въ соображеніе и походы Агаѳокла въ ней и справедливо рѣшилъ, что удавшееся Агаоклу еще болѣе удастся римскому консулу съ римскими флотомъ и легіонами!

Консулъ Регулъ началъ съ того, что съ 10 передовыми морскими судами смѣло атаковалъ при Тиндарисѣ, приморскомъ городѣ Сициліи, насупротивъ Липарскихъ острововъ, цѣлый карѳагенскій флотъ и былъ имъ разбитъ, изъ 10-ти судовъ потерявъ 9. Но вслѣдъ затѣмъ онъ снова атаковалъ его всѣми соединенными силами римскаго флота и разбилъ его совершенно, взялъ 10 судовъ и потопилъ 8; остальные спаслись къ липарскимъ островамъ. Регулъ преслѣдовалъ ихъ, разорилъ эти острова и островъ Мелиту (нынѣ Мальта) и затѣмъ воротился къ берегамъ Италіи.

Вскорѣ оба консула Регулъ и Манлій снова вышли въ море уже съ тѣмъ огромнымъ флотомъ, о которомъ говорено выше, и при Экномѣ, на южной оконечности Сициліи, рѣшительно атаковали карѳагенскій флотъ, состоявшій изъ 350 судовъ разной величины, съ 150.000 гребцовъ и воиновъ на нихъ, подъ предводительствомъ Амилькара и Ганнона, имѣвшихъ приказаніе во что́ бы ни стало удержать римлянъ отъ высадки въ Африку. Въ этой громадной морской битвѣ, въ которой одни противъ другихъ сражались на морѣ 680 судовъ съ 290.000 гребцовъ и воиновъ на нихъ, римскіе консулы, сцѣпивъ свои суда и построивъ ихъ клиномъ, прорвали линію карѳагенскаго флота, растя-

нутую огромною дугою, дабы охватить римскій флотъ, и послѣ упорнаго и жестокаго боя совершенно разбили карѳагенянъ, потопивъ 50 ихъ судовъ и взявъ въ плѣнъ 64, но и сами потерявъ 24 судна, при чемъ всего погибло болѣе 30.000 человѣкъ!

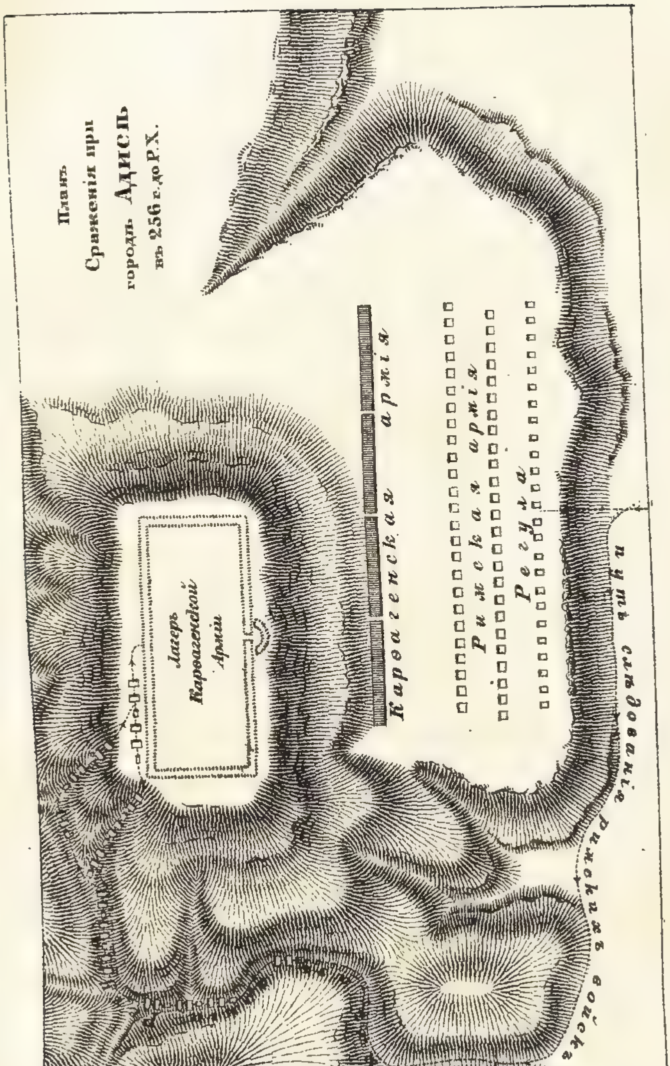
Ганнонъ, чтобъ удержать побѣдителей отъ высадки въ Африку, предложилъ миръ, но консулы отвергли его и поплыли прямо къ берегамъ Африки, высадились на нихъ близъ города Клипеи или Аспида, вытащили всѣ суда флота на берегъ и окружили ихъ укрѣпленнымъ лагеремъ, что разрушило намѣреніе Ганнона напасть на римскій флотъ, какъ только римская армія высадится на берегъ. Регулъ и Манлій взяли Клипею, разграбили и разорили окрестный край, захватили болѣе 10.000 рабовъ и множество скота и добычи, донесли сенату и просили приказаній. Вслѣдствіе того, Манлій съ частію легіоновъ и флота былъ отозванъ въ Сицилію, а Регулъ, съ званіемъ проконсула, 15.000 чел. пѣхоты, 500 чел. конницы и 40 судами оставленъ въ Африкѣ, для продолженія войны въ ней.

Нападеніе римлянъ на Африку было такъ неожиданно для Карѳагена, онъ былъ такъ мало приготовленъ къ войнѣ въ собственныхъ владѣніяхъ своихъ, въ которыхъ не имѣлъ никакихъ войскъ, наконецъ воспоминаніе объ Агаѳоклѣ такъ устрашило его еще большею опасностью со стороны Рима, что на первыхъ порахъ онъ не могъ принять никакихъ мѣръ противудѣйствія и воспрепятствовать высадкѣ римлянъ, взятію ими Клипеи, разграбленію и разоренію края. Но когда карѳагенское правительство увидѣло, что цѣлію римлянъ былъ не одинъ грабежъ, но утвержденіе въ Африкѣ, тогда поспѣшно вызвало изъ Сициліи Амилькара съ войскомъ на флотѣ, набрало войска и назначило предводителями ихъ двухъ самыхъ знаменитыхъ людей и лучшихъ полководцевъ своихъ, Аздрубала и Бостара, которые и двинулись къ осажденному Регуломъ городу Адису.

Регулъ, положивъ идти прямо къ Карѳагену и потому не оставлять за собою ни одного сильнаго карѳагенскаго города, въ 256 г. осадилъ съ этою цѣлію Адисъ, какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ. Аздрубалъ и Бостаръ, главная сила которыхъ заключалась

въ конницѣ и слонахъ, сдѣлали грубую ошибку, расположась, вмѣсто равнинъ, въ горной и неудободоступной мѣстности, удобной только для дѣйствія пѣхоты. Регулъ искусно воспользовался тѣмъ: обозрѣвъ расположеніе лагеря карѳагенской арміи на высокой и крутой высотѣ и имѣя въ виду предупредить сошествіе непріятеля съ нея на равнину, самъ съ главными силами расположился напротивъ него, а часть силъ ночью отрядилъ влѣво окольными путями черезъ горы въ обходъ и въ тылъ непріятельской арміи. Движеніе этого отряда было разсчитано такъ, чтобы онъ напалъ на карѳагенянъ съ тыла нѣсколько времени спустя послѣ нападенія на нихъ Регула, на разсвѣтѣ, съ фронта. Регулъ надѣялся, что карѳагеняне, не ожидая нападенія съ тыла, устремятъ все вниманіе и силы свои на римскую армію съ фронта, и не ошибся. На разсвѣтѣ онъ атаковалъ карѳагенскую армію, которая, спустившись съ высотъ, всею массою своею ударила на армію Регула и заставила ее отступить. Но въ это самое время обходный отрядъ явился въ тылу, нашелъ карѳагенскій лагерь почти никѣмъ не занятымъ и безъ особеннаго сопротивленія и труда проникнулъ въ него. Регулъ, усмотрѣвъ это, перешелъ въ наступленіе и сильно атаковалъ карѳагенянъ съ фронта. Вскорѣ, атакованная и съ фронта и съ тыла, карѳагенская армія пришла въ безпорядокъ и разстройство, покинула свою неприступную позицію и обратилась въ бѣгство, понеся большой уронъ. Римляне взяли и разграбили лагерь ея и безъ боя вступили въ покорившіеся имъ Адисъ и Тунисъ, примѣру которыхъ послѣдовало болѣе 80 городовъ и мѣстечекъ.

Это распространило такой ужасъ въ Карѳагенѣ, что онъ предложилъ миръ. Но условія Регула были такъ суровы и жестоки, что карѳагеняне отвергли ихъ и объявили, что скорѣе готовы подвергнуться самой жестокой участи, нежели согласиться на нихъ. Тогда они призвали изъ Греціи, съ наемными греческими войсками, лакедемонянина Ксантиппа, который гораздо лучше, нежели карѳагенскіе полководцы, зналъ и понималъ науку и искуство веденія войны на сухомъ пути, все еще процвѣтавшія въ эти времена въ Спартѣ, и притомъ самъ былъ искусный полководецъ.


Планъ
Сраженія при
городѣ Адисѣ
въ 256 г. до Р.Х.
Лагерь
Кароагенской
Арміи
Кароагенская армія
Римская армія
Регула
путь слѣдованія римскихъ войскъ

Прибывъ въ Карѳагенъ и ознакомившись съ положеніемъ обстоятельствъ и дѣлъ, Ксантиппъ убѣдился, что всѣ неудачи карѳагенянъ произошли отъ невѣжества и неискуства ихъ полководцевъ и что ихъ еще можно было поправить, еслибы карѳагенское правительство, вмѣсто того, чтобы предаваться отчаянію, рѣшилось надлежащимъ образомъ употребить свои военныя силы. А между тѣмъ Регулъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе успѣховъ и уже приближался къ Карѳагену. Тогда неминуемая опасность заставила карѳагенянъ ввѣрить главное начальствованіе надъ своими войсками Ксантиппу. Приведя ихъ въ устройство и порядокъ по лакедемонскому образцу, освоивъ ихъ съ лакедемонскими построеніями, эволюціями и тактикой, внушивъ имъ довѣріе къ самимъ себѣ, поднявъ въ нихъ духъ и возбудивъ ихъ храбрость, наконецъ онъ, съ 12.000 чел. пѣхоты, 4.000 чел. конницы и 100 слонами, въ 255 г. двинулся на встрѣчу римлянъ равнинами, на которыхъ могли съ пользою и успѣхомъ дѣйствовать конница и слоны его.

Римляне сначала были удивлены такой перемѣной, но затѣмъ, всегда жаждавшіе сраженій и побѣдъ, возбужденные притомъ своимъ полководцемъ, заслужившимъ ихъ довѣріе, смѣло двинулись на встрѣчу небольшой арміи Ксантиппа и встрѣтили ее близъ Туниса. На другой день, рано утромъ, въ карѳагенской арміи собрался военный совѣтъ; но войска пришли въ нетерпѣніе отъ долгихъ совѣщаній его и потребовали, чтобъ ихъ вели въ бой. Ксантиппъ, какъ искусный человѣкъ и полководецъ, не упустилъ случая воспользоваться такимъ рвеніемъ войскъ, склонилъ прочихъ военачальниковъ къ немедленному бою и тотчасъ построилъ свою армію въ боевой порядокъ. Карѳагенская тяжелая пѣхота, числомъ въ 8—9.000 чел., была построена въ серединѣ, въ одну линію, фалангой въ 16 чел. глубины и, слѣдовательно, въ 500—562 рядовъ, и составляла лакедемонскую мору, раздѣленную на 4 лохоса, подраздѣленные на пентекостіи и эномотіи. Остальная пѣхота 3—4.000 чел. иностранныхъ наемныхъ войскъ была частію тяжелая, большею же частію легкая. Первую изъ нихъ Ксантиппъ построилъ на правомъ флангѣ фаланги. Впереди линіи

всей тяжелой пѣхоты, далѣе нежели обыкновенно, Ксантиппъ поставилъ всѣхъ 100 слоновъ въ одну линію, одного какъ можно ближе къ другому, для того, чтобы линія ихъ равнялась линіи пѣхоты. Конницу, на которую онъ возлагалъ главную свою надежду, онъ построилъ на обоихъ флангахъ линіи слоновъ. Наконецъ иностранную легкую пѣхоту онъ распредѣлилъ поровну по флангамъ и поставилъ ее позади конницы. При этомъ онъ приказалъ конницѣ слѣдить за дѣйствіемъ римскихъ велитовъ, атаковать и опрокинуть римскую конницу и, не преслѣдуя ее, тотчасъ же атаковать римскіе легіоны съ обоихъ фланговъ.

Армія Регула состояла изъ 2-хъ римскихъ и 2-хъ союзныхъ легіоновъ, всего около 16.000 чел. пѣхоты. Всѣхъ велитовъ Регулъ построилъ впереди въ одну линію, а за ними всю тяжелую легіонную пѣхоту въ 3 линіи, но не въ шахматномъ порядкѣ, а вздвоенными манипулами, одна манипула за другой, въ видѣ колоннъ и на двойныхъ дистанціяхъ (т. е. вдвое большихъ фронта манипулъ), для того, чтобы придать строю своей арміи одинаковое съ фронтомъ непріятельской арміи протяженіе въ длину и бо́льшую противъ обыкновенной римской глубину, словомъ — строй по возможности болѣе сообразный строю непріятельской арміи. Конницу, которой у него было мало, онъ поставилъ на обоихъ флангахъ. Полибій говоритъ, что строй арміи Регула былъ хорошъ противъ слоновъ, но никуда не годился противъ превосходной числомъ и отличной конницы Ксантиппа, и по видимому кажется, что Регулъ не угадалъ ни послѣдствій дѣйствій непріятельской конницы на равнинѣ, ни искусныхъ соображеній Ксантиппа. А послѣдній, напротивъ, тотчасъ угадалъ несомнѣнность побѣды своей конницы надъ глубокими фалангами римскихъ легіоновъ.

Противъ обыкновенія римлянъ, бой начали не они, а Ксантиппъ—движеніемъ впередъ всей линіи слоновъ и конницы. Римскіе велиты тотчасъ бросились назадъ въ промежутки колоннъ римской легіонной пѣхоты, а эти послѣднія двинулись впередъ. Между тѣмъ слоны въ серединѣ линіи, двигаясь скорѣе, опередили

ПЛАНЪ
сраженія при
Тунисѣ
въ 256 г. до Р.Х.

Картографическое Заведеніе А. Ильинъ по Б. Мас. д. № 11/13

правыхъ фланговыхъ, которые, стѣснясь къ срединѣ, раскрыли иностранную тяжелую пѣхоту на правомъ флангѣ фаланги. Крайнія три лѣвыя фланговыя колонны прошли между этими слонами и конницей, ударили противъ иностранной тяжелой пѣхоты и привели ее въ разстройство и безпорядокъ. Между тѣмъ слоны съ своей стороны привели въ разстройство двигавшіяся впередъ колонны римскихъ манипулъ, которыя старались, хотя и съ трудомъ, устроиваться, до тѣхъ поръ, пока не были принуждены остановиться, для отраженія карѳагенской конницы, которая, сразу опрокинувъ римскую, атаковала римскую армію съ обоихъ фланговъ. Не смотря на всѣ эти невыгоды, римская легіонная пѣхота, освободившись наконецъ отъ слоновъ, двинулась храбро и быстро впередъ. Но отъ быстраго движенія ряды и шеренги ихъ разстроились, а такъ какъ карѳагенская конница и легкая пѣхота сильно безпокоили и тѣснили ихъ съ обоихъ фланговъ, то только головныя колонны римскаго центра пришли въ столкновеніе съ фалангой. Тѣ изъ легіонеровъ, которые упорствовали въ стараніи проломить ее силой, всѣ погибли въ бою съ нею, а карѳагенская конница совершенно охватила фланговыя римскія колонны, при чемъ Регулъ и около 500 римлянъ были взяты въ плѣнъ. Римская армія была разбита на голову и только три лѣвыя фланговыя римскія колонны, опрокинувшія иностранную тяжелую пѣхоту на правомъ флангѣ карѳагенской фаланги, одпѣ, въ числѣ около 2.000 чел., успѣли спастись въ Клипею, гдѣ и заперлись.

Итакъ карѳагеняне, благодаря искуснымъ распоряженіямъ Ксантиппа, одержали полную и совершенную побѣду, а римляне претерпѣли жестокое пораженіе, вслѣдствіе распоряженій Регула, который полагалъ и надѣялся, что принятый имъ строй римской арміи будетъ наиболѣе соотвѣтствовать успѣшному дѣйствію противъ строя арміи Ксантиппа, но жестоко ошибся, не принявъ въ расчетъ ни вооруженіе, строй и образъ дѣйствій римскихъ легіоновъ, ни строй и образъ дѣйствій слоновъ, конницы и фаланги ксантипповой арміи на равнинѣ. Принятый имъ строй, по образцу греческому, былъ противенъ духу римскихъ легіоновъ и тактики

и въ столкновеніи съ арміей Ксантиппа былъ смятъ ею и съ фронта, и съ обоихъ фланговъ.

При вѣсти о пораженіи арміи Регула, римскій сенатъ приказалъ консуламъ (256—255) обезпечить берега Италіи и поспѣшно соорудить новый флотъ. Это было исполнено съ такими энергіей и дѣятельностью, что къ началу лѣта 255 г. консулы уже выступили въ море съ новымъ флотомъ въ 350 судовъ, вполнѣ снаряженныхъ и снабженныхъ гребцами и воинами. Буря отнесла этотъ флотъ къ принадлежавшему карѳагенянамъ острову Коссурѣ, который консулы и покорили. Затѣмъ они направились къ Африкѣ, разбили карѳагенянъ на морѣ и на сухомъ пути, освободили осажденныхъ въ Клипеѣ 2.000 римскихъ легіонеровъ и, противно совѣтамъ кормчихъ, предприняли осаду нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ Сициліи, въ такую пору года, когда море около сицилійскихъ береговъ бывало очень бурно и небезопасно. При Камаринѣ внезапно возставшая буря потопила римскій флотъ, за исключеніемъ только 80 судовъ, успѣвшихъ спастись. А карѳагеняне, пользуясь этимъ, взяли Агригентъ и положили отнять у римлянъ и всѣ другіе города, взятые ими въ Сициліи.

§ 143.

Война въ Сициліи (254—248).

Двукратная гибель римскихъ флотовъ принудила римскій сенатъ отказаться отъ продолженія войны въ Африкѣ, но не отъ войны на морѣ и въ Сициліи. Онъ снова употребилъ самыя чрезвычайныя усилія для сооруженія новаго флота, умножилъ число морскихъ поселеній, учрежденныхъ въ началѣ войны и обязанныхъ нести на себѣ всѣ морскія военныя повинности, за что были навсегда и совершенно освобождены отъ сухопутной военной службы (см. выше главу XX § 130). Въ три мѣсяца времени былъ сооруженъ и вполнѣ снаряженъ новый флотъ въ 220 судовъ, и консулы Корнелій Сципіонъ и Атилій въ 254 г. отправились на немъ въ Сицилію, взяли гор. Кефаледъ, но не имѣли успѣха въ

предпріятіи своемъ противъ Дрепана, за то овладѣли, послѣ непродолжительной осады, Панормомъ, главнымъ городомъ карѳагенской части Сициліи. Взятіе его повлекло за собою покореніе многихъ другихъ городовъ.

Въ 253 г. война продолжалась въ Сициліи безъ особенно важныхъ событій. Но, при обратномъ плаваніи римскаго флота къ берегамъ Сициліи, онъ снова былъ настигнутъ внезапной бурей, которая потопила болѣе 150 судовъ, такъ что въ 4 года времени (256 — 253) римляне потеряли всего до 700 судовъ со всѣми находившимися на нихъ людьми!—По этому можно судить съ какимъ ожесточеніемъ дѣйствовали обѣ стороны, какія громадныя дѣлали издержки и какъ мало дорожили человѣческою жизнію. Но какъ у Рима далеко не было такихъ денежныхъ средствъ, какъ у Карѳагена, а приморскіе города и поселенія Италіи были уже почти въ концѣ истощены и разорены, то сенатъ и народъ римскіе были наконецъ принуждены отказаться отъ войны на морѣ и ограничиться содержаніемъ только не болѣе 66 судовъ для охраненія береговъ Италіи и содержанія сообщеній съ арміями, дѣйствовавшими въ Сициліи.

Въ послѣдней, въ теченіе двухъ лѣтъ (252 — 251), война была ведена съ бо́льшимъ успѣхомъ со стороны карѳагенянъ, нежели римлянъ. Послѣдніе взяли Гимеру, а консулъ Аврелій овладѣлъ городомъ Липари послѣ упорнаго сопротивленія его. Тѣмъ не менѣе карѳагеняне, уже снова вполнѣ господствуя на морѣ, болѣе и болѣе утверждались въ Сициліи. Здѣсь, на сухомъ пути, они имѣли могущественное средство противудѣйствія римлянамъ въ полѣ—въ употребленіи въ бою слоновъ, усматриваемомъ въ ихъ арміяхъ только со времени войны ихъ съ Пиромъ (см. гл. XIX § 119). Хотя римляне въ войнѣ съ нимъ также впервые ознакомились съ видомъ и дѣйствіями этихъ животныхъ и уже нѣсколько привыкли къ нимъ, тѣмъ не менѣе слоны все-таки наводили большой страхъ не только на лошадей, но даже и на войска римскія. Но тѣмъ славнѣе была рѣшительная побѣда, одержанная проконсуломъ Цециліемъ Метелломъ въ 251 г. при Панормѣ надъ карѳагенскимъ полко-

водцемъ Аздрубаломъ, который первый произвелъ на него нападеніе. Не смотря на большое число слоновъ у Аздрубала въ этомъ сраженіи, войска Метелла не только не устрашились ихъ, но даже взяли 120 оныхъ. За то тріумфъ, которымъ Метелла наградили въ Римѣ, былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ и на немъ римляне впервые увидѣли побѣжденныхъ слоновъ. Поэтому побѣда при Панормѣ, положивъ конецъ страху римскихъ войскъ передъ слонами и возстановивъ полное довѣріе къ себѣ этихъ войскъ, имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія для римлянъ. Карѳагеняне были выбиты изъ всѣхъ городовъ, которые занимали въ Сициліи, и только Дрепанъ, Эриксъ и Лилибей еще оставались въ ихъ власти.

Между тѣмъ римскій сенатъ, вѣрно и справедливо признавъ, что одними военно-сухопутными дѣйствіями въ Сициліи война никогда не будетъ кончена, положилъ еще разъ произвесть крайнее напряженіе силъ для сооруженія новаго флота, и поручилъ это обоимъ консуламъ 251 года, Атилію Регулу и Манлію. И такова была энергія, которую оказали при этомъ сенатъ и консулы, что уже вскорѣ послѣ сраженія при Панормѣ Регулъ и Манлій явились съ новымъ флотомъ передъ Лилибеемъ и обложили съ моря этотъ приморскій городъ Сициліи, чрезвычайно важный и для карѳагенянъ и особенно для римлянъ, какъ ближайшій къ Эрміеву или Меркуріеву мысу Африки и потому наиболѣе облегчавшій сообщенія съ нею и переправу въ нее. Карѳагенскій полководецъ Имильконъ съ 10.000 войскъ искусно и упорно оборонялся въ Лилибеѣ до тѣхъ поръ, пока на помощь ему не прибылъ изъ Карѳагена Аннибалъ, сынъ Амилькара (одноименный герою 2-й пунической войны, тогда еще не родившемуся на свѣтъ), съ 10.000 войскъ на флотѣ изъ 50 судовъ. Аннибалъ, въ виду всего римскаго флота, безпрепятственно вошелъ въ гавань Лилибея и вмѣстѣ съ Имелькономъ произвелъ вылазку и пытался сжечь осадныя машины римлянъ, уже осаждавшихъ Лилибей на сухомъ пути. Сначала Аннибалъ и Имильконъ не имѣли успѣха въ этомъ, бывъ отражены римлянами, но потомъ успѣли сжечь осадныя машины послѣднихъ и тѣмъ принудили ихъ превратить

о аду въ обложеніе. Тогда Аннибалъ, взявъ всю карѳагенскую конницу, находившуюся въ Лилибеѣ, отправился съ нею на своемъ флотѣ въ Дрепанъ и соединился тамъ съ другимъ карѳагенскимъ полководцемъ Адгербаломъ.

Между тѣмъ римскій сенатъ въ 249 г. положилъ послать въ Сицилію консула Аппія Клавдія Пульхера съ 10.000 войскъ на флотѣ. Не обративъ никакого вниманія на неблагопріятныя предзнаменованія (авспиціи, auspiciæ), Аппій Клавдій атаковалъ при Дрепанѣ карѳагенскій флотъ Адгербала, но былъ имъ разбитъ такъ, что 137 римскихъ судовъ и на нихъ 20.000 гребцовъ и войскъ были частію потоплены, частію взяты въ плѣнъ, и только 30 судовъ спаслись въ Лилибей.

Въ тоже время другой консулъ Юній, посланный съ другимъ флотомъ къ Лилибею, для снабженія римской арміи нужными запасами, неблагоразумно отрядилъ часть своего флота, подъ начальствомъ квесторовъ, къ мысу Пахину, на южной оконечности Сициліи. Адгербалъ искусно воспользовался этой ошибкой и приказалъ частному начальнику Карѳалу съ 80-ю судами стать между Юніемъ и квесторами и атаковать послѣднихъ. Юній и квесторы хотѣли укрыться между прибрежныхъ скалъ, но здѣсь были застигнуты сильною бурей, между тѣмъ какъ карѳагеняне, какъ опытные мореходцы, заранѣе предусмотрѣвъ ее, поспѣшили удалиться отъ береговъ въ открытое море. Весь римскій флотъ, состоявшій, съ перевозными судами, почти изъ 1.000 судовъ разной величины, былъ разбитъ бурей, и Юній только съ 2-мя судами спасся въ Лилибей, гдѣ находились его легіоны.

Это новое и страшное несчастіе вторично принудило римлянъ отказаться отъ дѣйствій на морѣ и уступить его карѳагенянамъ. А по случаю чрезвычайныхъ обстоятельствъ избранъ былъ диктаторъ Атилій Колатинъ и посланъ въ Сицилію. Но еще прежде, нежели онъ прибылъ туда, Юній, успѣвшій занять гору Эриксъ и на ней крѣпость города того же имени, былъ атакованъ Карѳаломъ и принужденъ сдаться.

Послѣ того въ 248 г. война въ Сициліи продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ, но безъ особенно важныхъ результатовъ

ни съ той, ни съ другой стороны. Обѣ были уже значительно истощены, но карѳагеняне все еще имѣли бо́льшія денежныя средства, а римляне болѣе нравственной энергіи; но взаимная ненависть и ожесточеніе не ослабѣли, а росли все болѣе и болѣе.

§ 144.

Война въ Сициліи и на морѣ (247—241).

Семьнадцать лѣтъ уже длилась упорная война между Римомъ и Карѳагеномъ, то въ одной Сициліи, то въ Сициліи и на морѣ и временно въ Африкѣ, и все еще нельзя было предвидѣть ни конца ея, ни какой будетъ этотъ конецъ. Перевѣсъ, сначала рѣшительно склонившійся на сторону Рима, подъ конецъ сталъ явно переходить на сторону Карѳагена.

И въ это самое время на военное поприще, со стороны Карѳагена, выступаетъ высокодаровитый и справедливо знаменитый Амилькаръ Барка. Возвысившись надъ всѣми карѳагенскими полководцами, онъ вѣрно призналъ необходимость доставить Карѳагену господство не на одномъ морѣ, но и на твердой землѣ и къ этому устремилъ всѣ свои усилія. Смѣлость, предпріимчивость, личное мужество и особенно искуство его были таковы, что даже приверженные къ римлянамъ греческіе историки не могли не отдавать имъ полной справедливости, и были причиной, что въ 247 г. война получила вдругъ совершенно новый и важный оборотъ въ пользу Карѳагена. Именно—въ этомъ году карѳагенскій сенатъ поручилъ Амилькару Баркѣ перенести войну на берега Италіи и разорить ихъ. Съ военной точки зрѣнія, нельзя не отдать справедливости ни этому плану дѣйствій, ни способу исполненія его, которые, и тотъ и другой, принадлежали Амилькару. Разоривъ приморскія земли брутійцевъ и всю область локрійскую, онъ оттуда перенесся къ берегамъ Сициліи, занялъ на нихъ, между Панормомъ и Эриксомъ, скалу Эркту и сталъ отсюда производить

нападенія на римлянъ въ Панормѣ и Эриксѣ и опустошительные набѣги на берега Италіи.

Это поставило Римъ въ положеніе тѣмъ болѣе трудное и даже опасное, что войска его въ Сициліи, упорно продолжавшія осады Лилибея и Дрепана, были почти совершенно отрѣзаны отъ Италіи, флота не было, приморскіе жители, выставлявшіе его, были въ конецъ разорены, а казна государственная совершенно истощена! Но такова была изумительная энергія римскаго народа и его правительства, что они, нимало не колеблясь, рѣшились сдѣлать новое, чрезвычайное усиліе для сооруженія флота и пріобрѣтенія господства на морѣ. Тогда-то римская аристократія, сенатъ и всадники явили доблестный примѣръ пожертвованія всѣмъ изъ любви къ отечеству, положивъ соорудить флотъ на собственный счетъ. Они исполнили это сообща различнымъ образомъ: одинъ бралъ построить и снарядить цѣлое морское судно, другіе соединялись для этого по двое, трое и болѣе. Въ послѣдствіи (по окончаніи войны) казна государственная возвратила имъ всѣ употребленныя ими деньги, но это нималѣйше не отнимаетъ чести ихъ подвига, тѣмъ болѣе, что счастіе могло вознаградить ихъ, а несчастіе — гибель флота—разорить.

Въ теченіе 245 г. новый флотъ римскій былъ вполнѣ сооруженъ и снаряженъ и ввѣренъ начальствованію Лутація Катулла, который въ 244 г. уже явился съ нимъ у береговъ Сициліи. Карѳагеняне вовсе не ожидали этого и были захвачены какъ бы врасплохъ. Уже 6 лѣтъ вполнѣ господствуя на морѣ, они, удивительнымъ образомъ, распустили почти всѣ суда своего флота. Поэтому Катуллъ, безъ всякаго препятствія съ ихъ стороны, обложилъ съ моря осажденные съ сухаго пути Лилибей и Дрепанъ и рѣшеніе войны несомнѣнно зависѣло теперь отъ морскаго сраженія.

Съ самаго начала Лутацій разбилъ при Эгимурѣ карѳагенскій флотъ, везшій продовольствіе Амилькару, но вскорѣ потомъ опять сильная буря потопила многія суда римскаго флота, такъ что обѣ стороны одинаково потерпѣли уронъ.

Въ 243 г. Амилькаръ, посредствомъ внезапнаго нападенія, атаковалъ и взялъ приступомъ Эриксъ и обложилъ римскія войска

на вершинѣ одной горы, но и самъ также былъ окруженъ и обложенъ римскими войсками, осаждавшими Дрепанъ. И въ этомъ положеніи, и Амилькаръ, и римскія войска оставались долгое время, претерпѣвая всевозможныя лишенія.

Наконецъ въ 241 г., по исправленіи и пополненіи римскаго флота, Лутацій Катуллъ снова былъ посланъ съ нимъ къ берегамъ Сициліи. При вѣсти объ этомъ, карѳагеняне послали туда же Ганнона съ флотомъ и приказаніемъ не вступать въ битву до тѣхъ поръ, пока не выгрузитъ съ флота продовольствія и не приметъ на него Амилькара съ его войскомъ. Лутацій естественно долженъ былъ всячески воспрепятствовать тому и, не допуская карѳагенскаго флота до берега, принудить его къ сраженію въ открытомъ морѣ. Для этого онъ сталъ у острова Эгузы, насупротивъ Лилибея и приготовился къ сраженію. Хотя вѣтеръ благопріятствовалъ карѳагенянамъ и на морѣ было сильное волненіе, но Катуллъ основывалъ свои разсчеты и надежды на томъ, что суда карѳагенскаго флота были тяжело нагружены и потому слабо вооружены—и не ошибся ни въ своихъ разсчетахъ, ни въ своей надеждѣ. Дѣйствительно, эти обстоятельства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и личное искуство, оказанное Катулломъ, имѣли вліяніе на конечный результатъ важной морской битвы при островѣ Эгузѣ. Катуллъ одержалъ полную и совершенную побѣду, а Ганнонъ былъ разбитъ: 50 судовъ его флота были потоплены, 90 взяты въ плѣнъ со всѣми находившимися на нихъ людьми, а съ небольшимъ числомъ остальныхъ Ганнонъ спасся къ берегамъ Африки. Катуллъ тотчасъ послѣ того высадился у Лилибея, двинулся къ Эриксу и разбилъ Амилькара въ бою, въ которомъ послѣдній потерялъ болѣе 2.000 войскъ.

Вѣсти объ этомъ распространили ужасъ и уныніе въ Карѳагенѣ. Подкрѣпить войска свои въ Сициліи ему было невозможно потому, что римляне господствовали на морѣ: однако карѳагенское правительство не предалось еще совершенному отчаянію, а уполномочило Амилькара въ Сициліи рѣшить—продолжать-ли войну или заключить миръ. Амилькаръ, безъ сомнѣнія уже питалъ дальнѣйшіе замыслы въ отношеніи къ борьбѣ Карѳагена съ Ри-

момъ и, признавая необходимымъ предпочесть временный, хотя бы и тягостный для Карѳагена миръ продолженію войны, не представлявшему никакой надежды на успѣхъ, вступилъ въ мирные переговоры съ Катулломъ. Послѣдній сначала предложилъ такія жестокія условія, что Амилькаръ съ твердостью и положительно отвергнулъ ихъ. Тогда Катуллъ, чтобы не лишиться великой чести и награды за окончаніе войны, умѣрилъ свои требованія и наконецъ, подъ условіемъ окончательнаго утвержденія сенатомъ и народомъ римскими, заключилъ съ Амилькаромъ мирный договоръ, по которому карѳагеняне обязывались: 1) совершенно очистить Сицилію и не вести войны ни противъ Гіерона, ни противъ его союзниковъ въ Сициліи; 2) выдать всѣхъ римскихъ плѣнниковъ безъ выкупа и 3) уплатить въ 20 лѣтъ 1.200 талантовъ. Римскій сенатъ нашелъ эти условія еще слишкомъ легкими и отправилъ въ Сицилію 10 уполномоченныхъ, для ближайшаго изслѣдованія состоянія дѣлъ на мѣстѣ. Но эти уполномоченные не измѣнили означенныхъ выше условій, а только прибавили къ нимъ еще два новыя: 4) чтобы карѳагеняне уплатили еще 1.000 талантовъ, а всего 2.200, и не въ 20 лѣтъ, а въ 10, и 5) чтобъ они очистили всѣ острова между Сициліей и Италіей. Амилькаръ согласился на это, хотя и съ глубокою скорбію и затаенною злобою, потому что денежныя средства Карѳагена были истощены и продолжать войну съ успѣхомъ было невозможно. Вслѣдствіе того, на этихъ основаніяхъ, въ 241 г. и былъ заключенъ миръ между Римомъ и Карѳагеномъ.

§ 145.

Заключеніе.

Такъ кончилась первая, 23 года продолжавшаяся, война между Римомъ и Карѳагеномъ, извѣстная подъ названіемъ 1-й пунической или карѳагенской. То была первая, упорная и жестокая

борьба двухъ могущественныхъ, но существенно отличныхъ одна отъ другой, республикъ древняго Запада. Одна, карѳагенская—была государствомъ торговымъ, богатымъ, сильнымъ на морѣ, но болѣе или менѣе слабымъ на твердой землѣ, въ Сициліи, на другихъ островахъ Средиземнаго моря и особенно въ Африкѣ. Сухопутныя войска его не имѣли ни хорошаго военнаго устройства, ни твердости, ни силы, а полководцы ихъ—надлежащихъ знанія и искуства. Но опытность карѳагенянъ въ морскомъ дѣлѣ, въ судостроеніи и судовожденіи, въ знаніи всѣхъ свойствъ и моря, и береговъ его, и боевыхъ дѣйствій на немъ, доставляли имъ рѣшительное превосходство и господство на немъ. Напротивъ, другая республика — римская была государствомъ исключительно военнымъ, хотя и гораздо менѣе богатымъ, но чрезвычайно сильнымъ на твердой землѣ, какъ отличнымъ военнымъ устройствомъ своимъ, такъ въ особенности превосходнымъ нравственнымъ духомъ правительства и народа своихъ, сильною любовью ихъ къ отечеству, необыкновеннымъ честолюбіемъ и изумительными энергіей, мужествомъ, твердостью и постоянствомъ въ стремленіи ихъ къ своимъ цѣлямъ. Никакія невзгоды и потери не въ состояніи были поколебать ихъ твердости и, не смотря на упорство продолжительной войны, она росла изъ силы въ силу. Рѣшась пріобрѣсть господство на морѣ и побѣдить карѳагенянъ на морѣ и затѣмъ въ самой Африкѣ, они создавали и — теряли флотъ за флотомъ, а все-таки окончательно одолѣли Карѳагенъ, и не на твердой землѣ, а на морѣ, едва передъ тѣмъ не одолѣвъ его въ Сициліи и даже въ самой Африкѣ. А между тѣмъ, какая разница между ихъ флотами и сухопутными войсками и ихъ предводителями! Карѳагенскіе флоты и ихъ предводители стояли столько же выше римскихъ, сколько римскія сухопутныя войска и ихъ предводители стояли выше карѳагенскихъ. И однако со стороны римлянъ въ продолженіе войны не было ни одного особенно отличнаго полководца, а со стороны карѳагенянъ только одинъ Амилькаръ отличался необыкновенными дарованіями. И за всѣмъ тѣмъ римляне, послѣ всѣхъ перемѣнъ счастія, достигли своей цѣли, одолѣвъ Карѳагенъ и притомъ —

на чуждой имъ, но близкой и покорной имъ стихіи — морѣ! Вотъ причины, придающія 1-й пунической войнѣ, въ военномъ отношеніи, характеръ высокой занимательности и справедливо содѣлывающія ее достойною полною вниманія и тщательнаго изученія военныхъ людей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВОЙНЫ РИМЛЯНЪ МЕЖДУ 1-Ю И 2-Ю ПУНИЧЕСКИМИ (240—218).

§ 146. Войны съ галлами, лигурійцами, въ Сардиніи и Корсикѣ (237—231).—§ 147. 1-я иллирійская война (229—228).—§ 148. Война съ галлами (224—221).—§ 149. Война съ истрійцами (220).—§ 150. 2-я иллирійская война съ Димитріемъ Фаросскимъ (218).—§ 151. Заключеніе.

Источники: древніе: Титъ Ливій, Полибій, Діодоръ, и новѣйшія историческія пособія, указанныя въ главѣ XX.

§ 146.

Войны съ галлами, лигурійцами, въ Сардиніи и Корсикѣ (237—231).

По завоеваніи римлянами средней и южной Италіи—послѣ войнъ съ народами ея, и Сициліи—послѣ 1-й пунической войны, они вели войны на противуположной сторонѣ — на сѣверѣ, съ галлами, лигурійцами и иллирійцами, а также на островахъ Сардиніи и Корсикѣ.

Съ цизальпинскими галлами, обитавшими въ сѣверной Италіи, Римъ не имѣлъ войны со времени заключенія съ ними мира въ 284 г., и во время войнъ съ Тарентомъ, Пирромъ и Карѳагеномъ старался не нарушать его, хотя галлы не переставали дѣлать набѣги на пограничныя земли и колоніи, грабить и разорять ихъ. Но, по заключеніи имъ мира съ Карѳагеномъ, галлы начали сильнѣе нападать на римскія земли, и въ тоже время въ сосѣдствѣ съ ними явились новые враги Риму — лигурійцы, а позже, съ

другой стороны, на сѣверныхъ берегахъ Адріатическаго моря—и иллирійцы. Не безъ невѣроятности полагаютъ, что всѣ они были втайнѣ возбуждены противъ Рима Карѳагеномъ.

Наконецъ, вслѣдствіе сильнаго набѣга галловъ въ 238 г., въ 237 г. противъ нихъ былъ посланъ консулъ Валерій, а другой консулъ Семпроній Гракхъ—въ тоже время противъ лигурійцевъ. Валерій сначала потерпѣлъ неудачу въ дѣйствіяхъ противъ галловъ, но потомъ разбилъ ихъ, нанеся имъ уронъ свыше 15,000 убитыми и 2,000 взятыми въ плѣнъ. Между тѣмъ Гракхъ съ своей стороны разбилъ лигурійцевъ, разорилъ часть ихъ земель и оттуда былъ посланъ на острова Сардинію и Корсику, откуда воротился въ Римъ съ множествомъ плѣнныхъ.

Въ 236 г. война съ галлами и лигурійцами была продолжаема съ успѣхомъ. Консулъ Корнелій Лентулъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ цизальпинскими галлами и лигурійцами.

Но зимою на 235-й годъ боіи, получивъ отъ трансальпинскихъ галловъ вспомогательныя войска въ подкрѣпленіе, потребовали отъ римлянъ сдачи города Ариминія. Трансальпинскіе же союзники ихъ, не довѣряя имъ и не дождавшись отвѣта римскаго сената, напали на нихъ, разбили ихъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и удалились, послѣ чего остатокъ боіевъ покорился римлянамъ, уступивъ имъ часть своей земли (235).

Въ тоже время консулъ Лициній покорилъ острова Сардинію и Корсику, на которыхъ возникли смуты и безпорядки, приписываемые въ Римѣ тайнымъ козпямъ Карѳагена.

Въ 234 г. консулъ Манлій усмирилъ и покорилъ Сардинію, и въ этомъ году впервые Римъ находился въ мирѣ со всѣми сосѣдними народами и врата Янусова храма были затворены.

Но это продолжалось недолго: въ 233 г. въ Сардиніи, Корсикѣ и Лигуріи снова возникли смуты, однако онѣ были скоро прекращены консулами Карвиліемъ и Постуміемъ и преторомъ Корнеліемъ, послѣ непродолжительныхъ военныхъ дѣйствій.

Въ 232 г. Сардинія, Корсика и Лигурія снова возмутились, но жители ихъ были побѣждены консулами Фабіемъ и Помпоніемъ, а въ 230 г. консулы Помпоній и Папирій довершили совершенное

покореніе Сардиніи и Корсики, которыя съ этого времени были обращены въ римскія провинціи.

Въ 229 г. консулы Эмилій и Юній продолжали войну съ лигурійцами.

§ 147.

1-я иллирійская война (229—228).

Между тѣмъ какъ римляне вели войну въ сѣверной Италіи съ галлами и лигурійцами и покоряли Сардинію и Корсику, они распространили свое вліяніе и за Адріатическимъ моремъ и пришли въ близкое соприкосновеніе съ Македоніей и Греціей. Поводъ тому подали иллирійцы, обитавшіе на противуположныхъ сѣверной и средней Италіи берегахъ Адріатическаго моря и во время смутъ и безпорядковъ въ Македоніи часто безпокоившіе ее своими набѣгами. Но по возвышеніи и усиленіи македонскаго царства, македоняне оттѣснили ихъ въ приморскія горы и на острова. Тогда они начали производить морскіе разбои и, господствуя на Адріатическомъ морѣ, грабили и разоряли берега Греціи и Италіи. Это побудило наконецъ приморскихъ жителей Италіи настоятельно требовать отъ Рима защиты и прекращенія разбоевъ иллирійцевъ. Вслѣдствіе того римскій сенатъ отправилъ къ иллирійской царицѣ Тевтѣ, по смерти мужа своего, Агрона, царствовавшей въ Иллиріи во время малолѣтства своего сына, пословъ съ требованіемъ прекратить морскіе разбои иллирійцевъ. Римскіе послы передали это требованіе такимъ гордымъ и повелительнымъ образомъ, что Тевта, оскорбленная тѣмъ, приказала одного изъ нихъ умертвить, а другихъ взять въ плѣнъ (229 г.). Римскій сенатъ объявилъ ей войну, снарядилъ флотъ и набралъ армію. А иллирійцы между тѣмъ продолжали свои морскіе разбои, взяли островъ Корциру и осадили Эпидавръ.

Въ 228 г. консулы Постумій и Фулвій съ войскомъ на флотѣ направились къ берегамъ Иллиріи. Правитель Корциры, Димитрій Фаросскій, находившійся въ родствѣ съ царствовавшимъ въ Ил-

лирии родомъ, предалъ Корциру Фулвію и открылъ ему путь въ Иллирію, надѣясь тѣмъ получить отъ Рима иллирійскій престолъ. Фулвій поставилъ на островъ Корциру римскій гарнизонъ и освободилъ приморскіе города и прибрежные острова отъ подданства Тевтѣ. Тогда послѣдняя была принуждена смириться и заключить съ Римомъ договоръ, по которому обязалась уступить ему часть своихъ владѣній, платить ему ежегодную, опредѣленную дань и дала слово, что иллирійцы никогда не будуть плавать въ Адріатическомъ морѣ далѣе города Лисса и то не болѣе какъ съ 2-мя невооруженными судами. Договоръ этотъ скрѣпилъ Димитрій Фаросскій, какъ опекунъ малолѣтняго царя (228 г.).

По окончаніи такимъ образомъ этой 1-й иллирійской войны, Постумій отправилъ посольство къ ахейскому союзу въ Греціи, для объявленія ему причинъ, побудившихъ римлянъ предпринять эту войну. Заключенный мирный договоръ былъ прочитанъ въ общемъ собраніи ахейскаго союза и сообщенъ Коринѳу и Аѳинамъ. Римлянамъ, въ знакъ благодарности за великую услугу, оказанную ими цѣлой Греціи, были назначены почетное мѣсто на истмійскихъ играхъ и права аѳинскаго гражданства. Такимъ образомъ римляне впервые явились въ Греціи, какъ защитники ея.

§ 148.

Война съ галлами (224—221).

Всѣ предъидущія военныя дѣйствія римлянъ противъ галловъ и лигурійцевъ въ сѣверной Италіи, на островахъ Сардиніи и Корсикѣ и наконецъ противъ Иллиріи, хотя имѣли своего рода значеніе и важность, однако далеко не такія, какъ то, что вскорѣ послѣдовало за ними.

Маловажная въ началѣ причина повлекла за собою такія послѣдствія, которыя поставили побѣдоносный Римъ въ крайне затруднительное и даже опасное положеніе. То была — новая война съ галлами, и уже не съ одними цизальпинскими, но и съ транс-

альпинскими. Поводомъ къ ней послужили слѣдующія обстоятельства:

Послѣ предъидущей войны съ галлами, окончившейся миромъ въ 284 г., римляне заложили въ земляхъ побѣжденныхъ и полу-истребленныхъ сеннонскихъ галловъ военную колонію Сену, а здѣсь жившихъ галловъ-сенноновъ частію изгнали, частію истребили. На опустѣвшемъ послѣ того участкѣ земель ихъ въ Пиценѣ сосѣдніе галлы стали пасти свои стада и 50 лѣтъ послѣ того никто имъ въ этомъ не препятствовалъ. Но въ 332 г. предложеніе народнаго трибуна Фламинія (lex Flaminia) — раздѣлить эти земли между бѣднѣйшими гражданами Рима, означенные галлы признали нарушеніемъ законныхъ правъ своихъ — и призвали на помощь себѣ цизальпинскихъ и трансальпинскихъ галловъ и въ числѣ послѣднихъ — особенно гезатовъ, обитавшихъ на берегахъ р. Родана (Роны) и имѣвшихъ обычай служить военными наемниками. Однако война открылась не тотчасъ, а лишь 8 лѣтъ спустя, въ 224 г. А въ продолженіе этого времени и галлы и римляне производили огромныя вооруженія, которыя предвѣщали большую, упорную и кровопролитную войну.

Наконецъ въ 224 г. цизальпинскіе галлы-сенноны, боіи и инсубры присоединились къ гезатамъ и другимъ трансальпинскимъ галламъ, прибывшимъ изъ-за Альповъ и расположившимся лагеремъ на берегахъ р. Эридана. Соединенныя силы ихъ составили до 50.000 чел. пѣхоты и 20.000 чел. конницы. Въ такомъ числѣ римляне еще никогда не имѣли противъ себя непріятелей. За то они и съ своей стороны выставили въ поле и приготовили на всякій случай огромныя силы, простиравшіяся до 700 и даже 800.000 войскъ (см. главу XX § 123). Одинъ преторъ съ арміей (болѣе 50.000 чел. пѣхоты и 4.000 чел. конницы) былъ посланъ въ Этрурію, консулъ Эмилій Паппъ съ другою арміей (35.200 чел. пѣхоты и 2.300 чел. конницы) къ Аримипію (Римини) на берегахъ Адріатическаго моря, для прегражденія галламъ на сѣверѣ пути въ среднюю Италію, по ту или другую сторону Аппенниновъ, а другой консулъ Каій Атилій, вызванный изъ Сардиніи, былъ посланъ съ равночисленною арміей тоже въ сѣверную Италію; наконецъ 40.000

умбровъ, сарсинатовъ, венетовъ и цеиомановъ были посланы въ земли боіевъ, на границы земель, откуда приходили трансальпинскіе галлы, дабы препятствовать прибытію новыхъ полчищъ ихъ. Такимъ образомъ Римъ противупоставилъ 70.000 галламъ—150.000 своихъ войскъ, раздѣленныхъ на 4 арміи, и сверхъ того собралъ при Римѣ, въ видѣ резерва на всякій случай, 5-ю армію въ 53.500 чел. (50.000 чел. пѣхоты и 3.500 чел. конницы), что составляло болѣе 200.000 войскъ. Никогда еще дотолѣ Римъ не выставлялъ такихъ огромныхъ военныхъ силъ, даже въ 1-й пунической войнѣ противъ Карѳагена. Но причиною этого было то, что, помня страшное нашествіе галловъ въ 389 г., когда они взяли и сожгли Римъ, римляне боялись того же и теперь и вообще страшились многочисленныхъ, полудикихъ, воинственныхъ и храбрыхъ галловъ, особенно трансальпинскихъ.

Союзные галлы, собравшіеся на р. Эриданѣ, направились въ Этрурію, страшно грабя и разоряя край на пути. Преторъ въ Этруріи пропустилъ ихъ, пошелъ вслѣдъ за ними и при Фессулахъ, близъ Клузія, вступилъ съ ними въ бой, но, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ разбитъ съ урономъ 6.000 войскъ, а остальныя войска его арміи отступили на одну высоту, на которой были обложены галлами.

При вѣсти объ этомъ, Эмилій Паппъ двинулся отъ Ариминія противъ галловъ, прибылъ вскорѣ послѣ сраженія при Фессулахъ и на слѣдующее же утро хотѣлъ рѣшительно напасть на галловъ. Но они, обремененные огромною добычей, уклонились отъ боя и вдоль береговъ Тирренскаго моря двинулись обратно въ свои земли, дабы сложить тамъ свою добычу. Эмилій Паппъ и преторъ, соединясь, послѣдовали за ними. Между тѣмъ Каій Атилій, прибывъ моремъ изъ Сардиніи, высадился въ Пизѣ, двинулся на встрѣчу галламъ и у мыса Теламона преградилъ имъ путь. Такимъ образомъ 70.000 галловъ очутились между арміями Эмилія Паппа (болѣе 80.000 войскъ) и Каія Атилія (болѣе 37.000 войскъ).

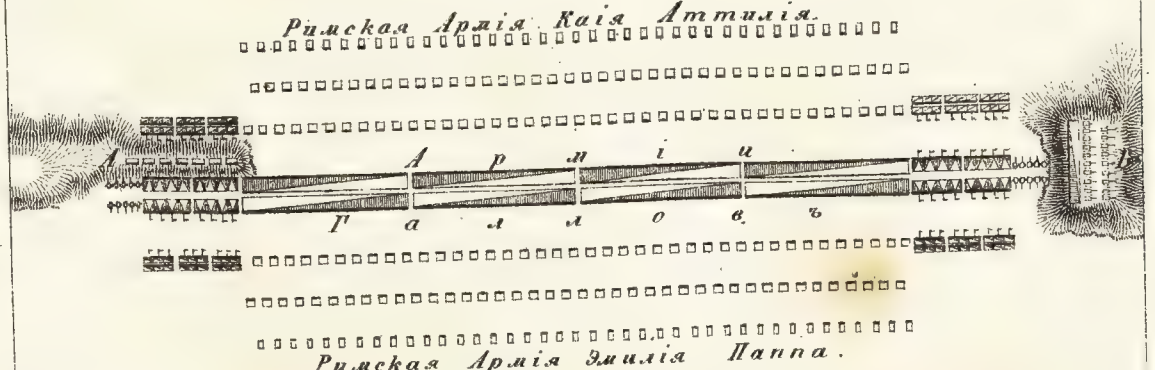
Галлы рѣшились упорно сопротивляться и построили, между моремъ и горами, пѣхоту свою, по своему обыкновенію, большими сомкнутыми массами, въ 2 линіи, одну тыломъ къ другой и фрон-

тами впередъ и назадъ (противъ Эмилія стояли гезаты и инсубры, а противъ Атилія—боіи и тавриски). Конницу свою они расположили такимъ же образомъ по флангамъ, прикрывъ ее по сторонамъ военными колесницами, а всѣ свои обозы и добычу поставили, подъ охраной сильной стражи, на одной высотѣ близъ ихъ фланга на востокѣ. Такимъ образомъ, если они съ одной стороны обезпечивали себя отъ нападеній спереди и сзади, за то съ другой стороны совершенно лишали себя всякаго отступленія и должны были или побѣдить, или—всѣ до единаго погибнуть, безъ всякой надежды на спасеніе.

Между тѣмъ Атилій, построивъ свою армію въ боевой порядокъ противъ галловъ, занялъ на лѣвомъ или западномъ флангѣ ихъ, близъ моря, впереди своего праваго фланга, одну высоту, откуда увидалъ съ другой стороны за галлами армію Эмилія Паппа. Галлы сочли необходимымъ прогнать римлянъ съ этой высоты и нѣсколько разъ стремительно и храбро нападали на римлянъ, занимавшихъ ее, но каждый разъ были отражаемы. Это и обнаружило Эмилію Паппу, что Атилій находился по другую сторону галловъ, и необыкновенно ободрило войска обоихъ консуловъ и возбудило ихъ храбрость и надежду на успѣхъ.

Эмилій, увидавъ бой, происходившій на высотѣ впереди его лѣваго фланга, немедленно послалъ туда свою конницу, для нападенія на галловъ во флангъ. Здѣсь завязался упорный бой, въ которомъ Атилій былъ убитъ. Между тѣмъ легіоны Эмилія двинулись впередъ, но приблизясь къ линіи галловъ, были поражены высокимъ ростомъ и свирѣпымъ видомъ ихъ (гезаты и бо́льшая часть другихъ галловъ были совсѣмъ нагіе, но украшенные золотыми ожерельями, нарукавниками и т. п.). При этомъ звуки трубъ, шумъ оружія, громкіе крики и пѣніе галловъ, отражавшіеся гуломъ въ горахъ, навели на римскія войска невольный страхъ. Однако велиты открыли сраженіе и нанесли нагимъ гезатамъ большой уронъ: они пришли въ разстройство и отступили на свою главную боевую линію, которая отъ того также пришла въ безпорядокъ, въ то самое время, когда легіоны двинулись въ атаку, а правый фланговый отрядъ Эмилія—противъ обозовъ галловъ. Инсубры, боіи

ПЛАНЪ
сраженія при
Теламонѣ
въ 225 г. до Р.Х.



А. Высота занятая Римлянами. В. Тяжести и добыча Галловъ.

и тавриски, не смотря на свое плохое вооруженіе, оказали храброе и упорное сопротивленіе. Но когда римская конница на флангахъ опрокинула галльскую и напала на непріятельскую пѣхоту во флангъ, послѣдняя не могла выдержать общаго натиска превосходныхъ силъ римскихъ армій со всѣхъ сторонъ, была окружена ими и почти вся истреблена. 40.000 галловъ были убиты, а 10.000 съ ихъ вождемъ Конколитаномъ взяты въ плѣнъ. Другой вождь галловъ, Анерестъ, съ немногими тѣлохранителями успѣлъ спастись, но съ горя самъ себя умертвилъ. Римляне, одержавъ полную побѣду, овладѣли богатѣйшею добычей, вторглись чрезъ Лигурію въ земли боіевъ, разграбили и разорили ихъ и воротились въ Римъ, гдѣ Эмилій былъ награжденъ тріумфомъ.

Въ 223 г. въ Римѣ было положено одолѣть во что бы ни стало цизальпинскихъ галловъ, избранъ диктаторъ Цецилій Метеллъ и произведены большія вооруженія.

Въ 222 г. консулы Фламиній и Фурій разбили боіевъ, которые и покорились Риму. Затѣмъ оба консула впервые перешли черезъ р. Падъ (По), при впаденіи въ него р. Адды, но при переходѣ черезъ него потерпѣли такой уронъ отъ обитавшихъ по ту сторону инсубровъ, что были принуждены заключить съ ними перемиріе и очистить ихъ земли. Тогда они двинулись въ земли союзныхъ съ галлами ценомановъ и, вторгнувшись изъ нихъ съ другой стороны въ земли инсубровъ, опустошили ихъ огнемъ и мечомъ. Инсубры въ числѣ 50.000 чел. расположились противъ римлянъ лагеремъ, и консулы уже готовились напасть на нихъ, когда получили приказаніе не вступать съ галлами въ битву. Фламиній, ненавидимый сенатомъ со времени предложенія въ 232 г. его закона, положилъ, въ согласіи съ Фуріемъ, напротивъ, вступить въ бой и только послѣ сраженія вскрыть приказаніе сената, о содержаніи котораго былъ предварительно увѣдомленъ. Вслѣдствіе того, оба консула напали на инсубровъ и разбили ихъ, нанеся имъ уронъ въ 8.000 чел. убитыми и 16.000 чел. взятыми въ плѣнъ. Затѣмъ консулы взяли многіе укрѣпленные города галловъ и воротились въ Римъ, гдѣ Фламиній, противъ воли сената, но по расположенію къ нему народа, былъ удостоенъ тріумфа.

Въ 221 г. цизальпинскіе галлы прислали въ Римъ пословъ съ мирными предложеніями. Но консулъ Марцеллъ склонилъ сенатъ и народъ къ продолженію войны и вмѣстѣ съ другимъ консуломъ, Кнсіемъ Корнеліемъ Сципіономъ, повелъ легіоны въ земли инсубровъ и осадилъ городъ Ацерры, недалеко отъ устья Адды въ Падъ. Инсубры, слишкомъ слабые для того, чтобы заставить римлянъ снять осаду, перешли на правую сторону Пада и сами осадили союзный съ римлянами гор. Кластидій. При вѣсти объ этомъ, Марцеллъ, оставивъ главныя силы продолжать осаду Ацерръ, самъ съ одною третью конницы и 600 чел. отборной пѣхоты поспѣшилъ на помощь Кластидію. Инсубры двинулись на встрѣчу ему и вождь ихъ Виридомаръ вызвалъ Марцелла на единоборство. Но Марцеллъ побѣдилъ его, убилъ и получилъ опредѣленную за то награду (spolia opima—золотые: ожерелье, нарукавникъ или т. п.). Онъ былъ третій, который получилъ эту весьма почетную у римлянъ награду. Вслѣдствіе побѣды его въ единоборствѣ, инсубры были разбиты и отступили къ главному городу своему Медіолану (Миланъ). Между тѣмъ Сципіонъ взялъ Ацерры и, соединясь съ Марцелломъ, двинулся съ нимъ за инсубрами къ Медіолану. Этотъ городъ былъ осажденъ и взятъ, равно какъ и нѣкоторые другіе города инсубровъ. Послѣ того инсубры просили мира, который и былъ дарованъ имъ, за уплату военныхъ издержекъ и уступку части ихъ земель римлянамъ. А Марцеллъ, воротясь въ Римъ, былъ награжденъ великолѣпнѣйшимъ тріумфомъ.

Такимъ образомъ вся цизальпинская Галлія до подошвы Альповъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ горныхъ ущелій въ нихъ, куда спаслась часть галловъ) была покорена власти Рима, и для утвержденія въ ней римляне заложили военныя колоніи: Кремону, Плаценцію и нѣкоторыя другія.

§ 149.

Война съ истрійцами (220).

Въ 220 г. истрійцы, жившіе, подобно иллирійцамъ, большею частію морскими грабежами, захватили нѣсколько римскихъ торговыхъ судовъ. Консулы Публій Корнелій Сципіонъ и Минуцій съ легіонами двинулись противъ нихъ сухимъ путемъ и въ скоромъ времени принудили ихъ покориться. Однако этотъ походъ стоилъ римлянамъ довольно большаго урона въ войскахъ.

§ 150.

2-я иллирійская война съ Димитріемъ Фаросскимъ (218).

Между тѣмъ Димитрій Фаросскій, обманувшійся въ своихъ надеждахъ получить отъ римлянъ санъ иллирійскаго царя и столько же недовольный, сколько и иллирійцы, лишенные возможности пріобрѣтать, по прежнему, богатую добычу морскими разбоями, — въ 219 г. нарушилъ договоръ, заключенный въ 228 г., выйдя въ море далѣе Лисса съ 50-ю судами и разграбивъ цикладскіе острова. Нѣкоторыя племена Истріи заключили съ нимъ союзъ и сверхъ того онъ надѣялся на помощь македонскаго царя Филиппа, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Но надежды его скоро рушились: римскій сенатъ, уже предвидя близость новой войны съ Карѳагеномъ, поспѣшилъ усмирить сѣверо-восточную Италію и въ 218 г. — въ то самое время, когда Ганнибалъ уже угрожалъ Риму войною — послалъ консуловъ Ливія и Эмилія съ арміями въ Иллирію. Укрѣпленный въ ней Димитріемъ гор. Димале былъ взятъ Эмиліемъ послѣ 7-ми-дневной, дѣятельной осады и затѣмъ осажденъ гор. Фаросъ, въ которомъ находился самъ Димитрій съ отборными войсками. Эмилій взялъ и этотъ городъ и покорилъ весь островъ Фаросъ, а Димитрій спасся

бѣгствомъ въ Македонію къ Филиппу. Римляне разрушили городъ Фаросъ и, усмиривъ вполнѣ Иллирію, воротились въ Римъ, гдѣ Эмилій былъ награжденъ тріумфомъ.

§ 151.

Заключеніе.

Итакъ, въ 23 года со времени окончанія 1-й пунической войны до начала 2-й, римляне достигли войною весьма важныхъ результатовъ. Покоривъ совершенно Сардинію и Корсику, они не только одолѣли страшныхъ и опасныхъ цизальпинскихъ галловъ, но и ослабили ихъ передъ самымъ появленіемъ Аннибала въ Италіи, покорили своей власти всю сѣверную Италію, заставили смириться Иллирію и Истрію, утвердились въ нихъ и вовлекли въ кругъ своей политики Грецію, что повело за собою потомъ важныя послѣдствія. И всѣми этими важными политическими результатами они были обязаны успѣхамъ своего оружія и искусной политикѣ римскаго сената.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ВСЕОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ИСТОРІИ

ДРЕНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

I.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ, ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ.

(Къ характеристикѣ его, по руководству Лоссау, Дройзена и др.)

Въ дополненіе къ общему выводу объ Александрѣ В. какъ полководцѣ, и объ образѣ и искуствѣ веденія имъ войны (часть I глава XV § 100), можно привести еще слѣдующія черты:

Богато одаренный отъ природы всѣми тѣлесными, душевными и умственными качествами, исключительно занятый великою мыслію о войнѣ съ персами и ихъ обширною монархіей, хорошо зная и понимая всю трудность этого предпріятія, Александръ В. рѣшился на него потому именно, что необыкновенная твердость души его значительно превосходила силу воли его. Въ этомъ заключается главная черта его характера; пылкость же его, воображеніе, знанія и разсудокъ были только вспомогательными средствами. Въ дѣйствіяхъ его, усматриваетя перевѣсъ воли надъ разсудкомъ, но это обстоятельство можетъ ввести въ заблужденіе при составленіи себѣ правильнаго сужденія объ Александрѣ. Тамъ, гдѣ необходимо было соображеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствъ, разсудокъ никогда не обманывалъ Александра. Но счастіе чаще становилось на сторону перевѣса его воли, нежели на сторону перевѣса его разсудка. Это прежде и болѣе всего обнаружилось при переходѣ черезъ Граникъ: еслибы при этомъ разсудокъ взялъ верхъ надъ волей, то Александръ не рѣшился бы

на этотъ переходъ и не произвелъ бы того рѣшительнаго нравственнаго впечатлѣнія, которое было слѣдствіемъ его. При Иссѣ, безъ сомнѣнія, предварительно произошла ошибка, по счастіе содѣлало ее причиной пораженія персовъ. При Арбелѣ и на Гидаспѣ видно сочетаніе и разсудка, и воли въ равной мѣрѣ. Если разсматривать эти великія битвы, слѣдствіемъ которыхъ было покореніе цѣлыхъ царствъ, только какъ плодъ искусныхъ соображеній, то собственно какъ соображенія онѣ покажутся довольно обыкновенными и нетрудными. Но если вникнуть во всю глубину исполненія этихъ соображеній на самомъ дѣлѣ, то исполненіе окажется стоящимъ неизмѣримо выше соображенія или дѣйствіе выше замысла, воля выше разсудка. Отсюда и проистекаетъ то высокое уваженіе, которое въ людяхъ возбуждаетъ всякій великій подвигъ, особенно великаго полководца. И поэтому-то необходимо вѣрно сознавать эту взаимную связь, дабы вѣрно оцѣнить и тѣ вспомогательныя средства, посредствомъ которыхъ въ умѣ Александра слагались его соображенія и волей его могли быть приводимы въ исполненіе. Цѣлію Александра было обширное завоеваніе, для котораго, безъ сомнѣнія, необходимо было неисчислимое множество отдѣльныхъ предпріятій. Великое дѣло долженствовало быть предпринято съ тѣмъ энтузіазмомъ, который великая мысль можетъ внушить великому человѣку, въ самомъ себѣ и въ своихъ войскахъ усматривающему средства достиженія своей цѣли. Это и возбудило въ Александрѣ и черезъ него въ его войскѣ то высокое, восторженное настроеніе и то сильное нравственное напряженіе, которое передала намъ исторія. Этимъ вовсе не исключаются однако предварительныя, разумныя и хладнокровныя соображенія: но коль скоро они были окончательно совершаемы, тогда изчезали всѣ встрѣчныя, постороннія, второстепенныя соображенія и вопросы, и все дѣло заключалось только въ исполненіи и дѣйствіи.

Александръ имѣлъ противъ себя хотя и храбраго, но дурноустроеннаго врага, который хотѣлъ устрашать только превосходствомъ числительныхъ силъ, но не имѣлъ надлежащей нравственной энергіи, на первыхъ же порахъ ограничился оборoной и при

этомъ еще принялъ ошибочныя мѣры. На этомъ-то и былъ основанъ первый, необыкновенно отважный шагъ Александра—переходъ черезъ Граникъ въ виду непріятеля. Конечно, онъ могъ бы быть отраженъ, но въ такомъ случаѣ Александръ вѣроятно поступилъ бы, какъ позже на Гидаспѣ. Ошибочное расположеніе непріятеля, одушевленіе и храбрость Александровыхъ войскъ и необыкновенная способность ихъ къ маневрированію подавали надежду на успѣхъ, которая въ такихъ случаяхъ рѣдко обманываетъ, особенно если въ главѣ стоитъ такой великій полководецъ, какимъ былъ Александръ. Счастіе въ такихъ случаяхъ большею частію благопріятствуетъ великимъ полководцамъ, а оно постоянно благопріятствовало Александру, но не безъ всякаго участія съ его стороны, а напротивъ именно вслѣдствіе силы ума и воли его и особенно твердости души его. Жизнь, подвиги, примѣръ и продолжительныя войны его не могли не производить могущественнаго вліянія на всѣ его войска вообще и на македонянъ въ особенности, и они несомнѣнно долженствовали быть одушевлены совершенно иначе, нежели тѣ изъ нихъ, которые не участвовали въ его войнахъ. А если присоединить еще и то, что онъ былъ не только ихъ верховнымъ предводителемъ, но и царемъ, то это, безъ сомнѣнія, должно было еще сильнѣе дѣйствовать на нихъ, давая ему полную неограниченную, ни отъ кого независимую власть, которой никогда не имѣли и не могутъ имѣть подчиненные высшей власти полководцы, даже самые лучшіе и искуснѣйшіе. Поэтому нельзя не сознаться, что совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ помогла Александру въ исполненіи его великихъ замысловъ, въ которыхъ онъ никому не былъ отвѣтственнымъ, и благопріятствовало ихъ исполненію, хотя основа ихъ все-таки заключалась единственно въ его великой личности.

Необыкновенныя крѣпость и сила тѣлесныя доставляли Александру такое рѣшительное преимущество, безъ котораго онъ едвали могъ бы вполнѣ исполнить свои громадныя предпріятія. Только его желѣзное тѣло могло выносить неимовѣрные: напряженіе силъ и труды 13-ти лѣтней военной и боевой жизни его и въ особенности выдерживать огонь его пылкой души, и оттого, между

прочимъ, и происходила твердая устойчивость его замысловъ и ихъ исполненія. Только смерть возросшаго съ нимъ Эфестіона внезапно ослабила, кажется, эту силу тѣлеснаго напряженія или по крайней мѣрѣ подала поводъ къ тому упадку тѣлесныхъ силъ, который повелъ его къ ранней смерти еще въ цвѣтѣ лѣтъ.

Если, можетъ быть, и не одна тѣлесная сила его, то въ соединеніи съ сознаніемъ его душевнаго и умственнаго превосходства и съ перевѣсомъ его воли, вѣроятно, такъ часто увлекала его въ рукопашный бой, подобно самому послѣднему рядовому воину. Большое вліяніе въ этомъ отношеніи могло имѣть на него восторженное любимымъ чтеніемъ Иліады настроеніе, вслѣдствіе котораго онъ рвался подражать эпическимъ героямъ этой эпической поэмы и самъ являлся во многомъ подобнымъ имъ, какъ и вообще вся исторія его жизни и подвиговъ военныхъ носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ эпопеи временъ героическихъ. При этомъ возникаетъ даже вопросъ, могъ-ли бы онъ достигнуть такихъ громадныхъ результатовъ, еслибы отъ перехода черезъ Граникъ до взятія маллійскаго замка включительно менѣе принималъ личнаго участія въ рукопашномъ бою?

Операціонные планы его, исключительно направленные къ завоеванію областей персидской монархіи, почти совсѣмъ не были разрушаемы непріятелемъ. Какъ только послѣдему былъ наносимъ сильный ударъ, онъ бѣжалъ вдаль и Александръ могъ безпрепятственно приводить въ исполненіе свое предпріятіе, что̀ конечно значительно облегчало его. Отъ Граника онъ проникъ до Киликіи, только при Иссѣ встрѣтивъ персидскую армію, лично предводимую Даріемъ. Главною цѣлію его первоначально было завоеваніе восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, дабы отнять у персовъ и пріобрѣсть себѣ господство на морѣ. Встрѣтивъ и разбивъ на этомъ пути при Иссѣ армію Дарія, онъ пошелъ далѣе въ Сирію, Палестину и Египетъ. Съ такими противниками, какъ Дарій и персы, походъ этотъ удался вполнѣ, со всѣми его частными военными предпріятіями, какъ-то продолжительною осадой Тира, походомъ къ храму Юпитера Аммона въ Египтѣ и пр.

Чрезвычайно опасно могло бы быть для Александра въ это

время возстаніе противъ него грековъ въ Греціи, по собственному ли или персидскому возбужденію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не могъ упустить этого изъ виду, принять свои мѣры и вполнѣ положиться на Антипатра, оставленнаго съ войсками въ Македоніи и Греціи. Но съ вѣроятностью предположить можно, что изъ двухъ золъ—возстанія Греціи и возвращенія его въ нее въ началѣ или половинѣ войны съ персами, онъ не могъ не признавать перваго гораздо менѣе важнымъ, нежели второе — и это было оправдано послѣдствіями.

Неоспоримо то, что свойства его противниковъ, обнаруживавшіяся во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, много содѣйствовали сохраненію имъ равнодушія своего. Съ величайшимъ спокойствіемъ устроилъ онъ, послѣ довольно продолжительнаго отсутствія изъ Сиріи, дальнѣйшее свое движеніе въ верхнюю Азію и также безпрепятственно довелъ его до Арбелъ и довершилъ тамъ, какъ и началъ. Можно было бы даже, нѣкоторымъ образомъ, сожалѣть, что онъ не встрѣтилъ при этомъ бо́льшихъ затрудненій, потому что, по всей вѣроятности, непремѣнно преодолѣлъ бы ихъ, что̀ еще болѣе возвысило бы его славу. Между тѣмъ то, что́ и какъ случилось, имѣло очень естественный и простой ходъ и въ состояніи было бы даже умѣрить восторгъ по случаю его великихъ подвиговъ, еслибы преслѣдованіе имъ непріятеля послѣ побѣды при Арбелѣ, экспедиція противъ уксіянъ и наконецъ неимовѣрное преслѣдованіе имъ Дарія и потомъ Бесса не проявили въ немъ въ высшей степени дарованія необыкновеннаго полководца. Эти дѣйствія его вполнѣ соотвѣтствуютъ истинному духу и разуму войны и служатъ образцомъ для всѣхъ временъ. Точно также достойны всякой похвалы движеніе его къ Зевдракартѣ, дѣйствія его на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря и соединеніе его арміи въ Бактріянѣ. Всѣ они такъ ясно изображаютъ взглядъ Александра на его положеніе, что достаточно одного знанія ихъ для того, чтобы довольно опредѣлительно изучить побудительныя причины его дѣйствій и обнаруженный ими истинный духъ оныхъ. Самою характеристическою чертою этихъ предпріятій, какъ и многихъ подобныхъ имъ въ этой войнѣ, есть непрерывный рядъ дѣйствій,

въ которыхъ неимовѣрное напряженіе силъ, бой во всѣхъ его видахъ и на труднѣйшей мѣстности и всякаго рода отважнѣйшія предпріятія смѣняютъ одни другихъ. Но еще прежде, нежели Александръ достигнулъ Бактріяны, онъ былъ принужденъ измѣнить направленіе своего движенія туда для того, чтобы въ тылу своемъ сдѣлать безвреднымъ осыпаннаго его милостями, но вѣроломнаго сатрапа Сатибарзана, и только совершивъ это, онъ длиннымъ обходомъ прибылъ въ Бактріяну.

Послѣ совершеннаго одолѣнія Дарія—до начала похода въ Индію, дѣйствія Александра вообще представляютъ картину множества отдѣльныхъ экспедицій противъ разныхъ туземныхъ племенъ, экспедицій, которыя ни въ какой общей связи между собою не были. Это были, такъ сказать, только отдѣльные эпизоды одного общаго цѣлаго, чрезвычайно замѣчательные каждый порознь, но съ однимъ общимъ имъ всѣмъ характеромъ, означеннымъ выше.

Походъ въ Индію, напротивъ, снова представляетъ одно общее цѣлое, которое, по цѣли и дѣйствовавшимъ въ немъ силамъ, можетъ быть уподоблено только предшествовавшему предпріятію противъ Дарія. Приготовленіе, начало и исполненіе этого похода снова являютъ весь геній Александра въ полномъ его блескѣ. Александръ обнаруживаетъ въ немъ такія прозорливость, дѣятельность, личное во всемъ участіе и принимаетъ такія искусныя мѣры, что является въ немъ первостепеннымъ полководцемъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ и предварительныя, занимающія цѣлый походъ, завоеванія, и одолѣніе всѣхъ на пути обитавшихъ племенъ, и всѣ предварительныя мѣры передъ переходомъ черезъ Индъ и Гидаспъ. Пылкій полководецъ самъ налагаетъ на себя оковы и не прежде приступаетъ къ исполненію, какъ тогда только, когда задуманное имъ дѣло вполнѣ созрѣло и онъ пріобрѣлъ полную увѣренность въ успѣхѣ. Тогда уже послѣдовало самое исполненіе, съ величайшимъ напряженіемъ силъ и личнымъ, непосредственнымъ участіемъ самаго Александра. Въ такомъ духѣ и смыслѣ представляются намъ битвы на Индѣ и особенно на Гидаспѣ—послѣдніе великіе подвиги Александра.

Послѣдующія за тѣмъ дѣйствія, хотя носятъ тотъ же, что

и прежде, рѣзкій отпечатокъ его геніяльности, но Александръ уже является въ нихъ болѣе какъ монархъ, заботящійся объ упроченіи и благѣ своей необъятной монархіи, нежели какъ полководецъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ, противъ воли, былъ вынужденъ положить предѣлъ своему громадному предпріятію, вслѣдствіе совершеннаго несогласія его арміи съ его видами и намѣреніями. Непреодолимому стремленію ея къ концу своихъ трудовъ, Александръ, какъ ни старался, не былъ болѣе въ состояніи противиться и принужденъ былъ уступить. И, можно сказать, въ первый разъ въ жизни его, воля его осталась безсильною и власти его была противупоставлена такая преграда, которую не могли одолѣть ни строгость, ни кротость.

Вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ смерть Александра мгновенно прервала заботы его объ упроченіи своей обширной монархіи и оставила неразрѣшеннымъ любопытный вопросъ, что было бы и на Востокѣ, и на Западѣ, еслибы онъ прожилъ долѣе?

II.

ОБЪЯСНЕНІЕ

двухъ древнихъ камеевъ Александра Великаго, приложенныхъ въ заглавіи этой книги.

Желаніе украсить настоящее изданіе изображеніями великихъ полководцевъ исторіи, названныхъ Наполеономъ I, не можетъ быть исполнено въ отношеніи Александра Великаго и Юлія Цезаря иначе, какъ приложеніемъ снимковъ съ древнихъ камеевъ (лицевыхъ изображеній ихъ, вырѣзанныхъ на драгоцѣнныхъ каменьяхъ), дошедшихъ до насъ и сохраняющихся въ извѣстнѣйшихъ коллекціяхъ ихъ. Что касается Аннибала, то неизвѣстно, были-ли и имѣются-ли его камеи, но это кажется сомнительнымъ.

Снимки съ двухъ древнихъ камеевъ Александра В., приложенные въ заглавіи настоящей книги, но, вмѣстѣ съ приведенною выше, въ приложеніи къ ней, характеристикой его, принадлежащіе къ I части всеобщей военной исторіи древнихъ временъ, — заимствованы изъ сочиненія подъ заглавіемъ: Dactyliotheca *) Za-

---

*) Дактиліотека на греческомъ языкѣ означаетъ коллекцію или собраніе рѣзныхъ каменьевъ, какъ библіотека—собраніе книгъ. Нигдѣ дактиліографика или рѣзьба на камняхъ не была доведена до такой высокой степени совершенства, какъ въ древней Греціи, въ которой рѣзные каменья не только носили въ перстняхъ (отсюда и названіе отъ δακτύλιος—перстень), но и употребляли какъ печати и украшали ими богатые сосуды. Римляне далеко уступали въ этомъ грекамъ, но богатые римляне первые начали собирать коллекціи рѣзныхъ камней и изъ нихъ первымъ въ этомъ былъ Скавръ (Scaurus), пасынокъ Силлы, потомъ Помпей, Юлій Цезарь, Августъ и др.

nettiana. Gemmæ antiquæ Antonii Maria Zanetti Hyeronimi F.—Ant. Franciscus Gorius notis Latinis inlustravit. Italice eas notas reddidit Hyeronimus Franriscus Zanettius Alexandri F.—Venetiis MDCCL.—Ludovicæ Ulricæ Suecorum Gothorum Vandalorumque Reginae etc. dedicata,—и по итальянски: Le gemme antiche di Anton-Maria Zanetti di Girolamo illustrate, colle annotazione latine di Anton-Francesco Gori, volgarizzate da Girolamo-Francesco Zanetti di Alessandro. Venezia MDCCL (т. е. Дзанеттіева коллекція камеевъ. Древніе камеи, гравированные Антоніемъ-Маріей Дзанетти (въ монашествѣ Іеронимомъ), съ латинскими описаніями Антонія-Франциска Гори, переведенными на итальянскій языкъ Іеронимомъ-Франциском Дзанетти (въ монашествѣ Александромъ). Венеція 1750.

Заимствуемъ изъ этой книги слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о двухъ камеяхъ Александра В.

Камей I. Между самыми рѣдкими по работѣ и искуству камеями музея Дзанетти, нынѣ въ первый разъ являющимися въ свѣтъ, первое мѣсто занимаетъ голова Александра Великаго, царя македонскаго, вырѣзанная рельефно на прекраснѣйшемъ восточномъ агатѣ искуснѣйшимъ греческимъ художникомъ. Александръ В. изображенъ на немъ съ головою, покрытою царскою діадемой (вѣнцомъ), являющейся между неубранными волосами и, кромѣ того, украшенными бараньими рогами, для означенія особеннаго почитанія Юпитера Александромъ В., который, находясь въ Ливіи, во время похода къ храму Юпитера Аммона, захотѣлъ быть названъ сыномъ послѣдняго. Точно такимъ же образомъ онъ изображенъ на одной серебряной медали музея Винчельсійскаго (Winchelsea) и еще отличнѣе на другой, также серебряной, недавно изданной и поясненной отцомъ Панеліо общества Іисуса (т. е. іезуитомъ) и на другихъ, упомянутыхъ и описанныхъ знаменитымъ Фрёлихомъ (также іезуитомъ). Величайшее достоинство серьознаго и величественнаго лица, живѣйшіе глаза, воинственная храбрость (воспѣтыя Гомеромъ

въ величайшихъ герояхъ) удивительнымъ образомъ усматриваются, сверхъ всего другаго, въ этомъ неустрашимомъ и неутомимомъ воинѣ. Нѣтъ ни одной черты лица его, упомянутой древними писателями, которая не была бы выражена въ этомъ камеѣ отличнѣйшимъ художникомъ съ величайшими точностью и старательностью, а именно: полная сила бодрой юности, величіе выпуклаго лба, живые глаза, съ бровями, изогнутыми въ дугу и какъ бы обращенными къ небу, прекрасный, прямой носъ, губы граціозно сомкнутыя и тонкія, наконецъ нѣжный подбородокъ, съ чрезмѣрно толстою шеей—все это доказываетъ необыкновенныя внимательность и старательность искуснѣйшаго творца этой работы.

Камей II, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изображаетъ также голову Александра Великаго. Такъ какъ немало антикваріевъ и другихъ любителей рѣдкихъ древнихъ работъ замѣтили, что на лучшихъ медаляхъ, выбитыхъ въ честь его, изображена голова не его, а Минервы воинственной, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ (царь Александръ),—то, хотя и съ слабыми причинами, однако согласно одни съ другими, они признали за вѣрное, что и на самыхъ рѣдкихъ и лучшихъ камеяхъ, подъ видомъ этой богини разума, мудрости и храбрости, изображенъ тотъ же Александръ македонскій. Они подозрѣвали даже, что тоже самое могло быть сдѣлано на другихъ лучшихъ камеяхъ, на которыхъ они примѣтили молодаго Геркулеса, изображеннаго совершенно также, какъ изображается Александръ на своихъ медаляхъ, такъ что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ главныя черты мужественнаго и полнаго лица Александра могутъ быть узнаны выраженными въ лицѣ Геркулеса. Они очень хорошо знали, что Минерва была богиней-покровительницей какъ Македоніи, такъ и самаго Александра, и что Геркулесъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, его фамильнымъ геніемъ, ибо и прежде уже цари македонскіе считали величайшею для себя славой происхожденіе ихъ отъ Геркулеса. Но, кромѣ всего другаго, случайно болѣе похоже на правду предположеніе тѣхъ, которые думаютъ, что на такого рода камеяхъ Александръ изображенъ подъ видомъ не Минервы, а Ахилла, отъ котораго, по свидѣтельству Веллеія Патеркула, Александръ говорилъ, что произошелъ родъ его

матери Олимпіи. Это мнѣніе подкрѣпляется одною золотою медалью музея великаго герцога тосканскаго. Тоже самое можетъ быть усмотрѣно въ настоящемъ, замѣчательномъ и рѣдкомъ камеѣ, работы искуснѣйшаго рѣщика Николая Аванци, который процвѣталъ въ XV вѣкѣ и съ большою похвалою упоминается въ сочиненіи Васари: «Жизнеописанія живописцевъ» (Vasari: Vite de'Pittori). Этотъ камей сохранялся нѣкоторое время въ музеѣ венеціянскаго дворянина Захаріи Сагредо, который справедливо цѣнилъ его очень высоко. Искусный художникъ остроумно прибавилъ, въ видѣ украшенія туловища, львиную голову на лѣвомъ плечѣ, потому что на медаляхъ Александра часто усматривается левъ и отецъ его Филиппъ имѣлъ обыкновеніе носить на пальцѣ перстень, на которомъ былъ вырѣзанъ идущій левъ.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.		НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
4	14	снизу	положило	положила
9	6	сверху	уничтоженія	уничтоженіи
11	1	»	устройства	устройство
36	17	»	этолійскаго и ахейскаго	этолійскаго и ахейскаго
41	5-4	снизу	муд-	мудрый
46	7-8	сверху	емли зприступомъ	земли приступомъ
56	7	»	Акександрія	Александрія
59	6-7	»	раззоривъ	разоривъ
62	3	»	Весною	Весною
86	9	»	веденія войнъ	веденія войны
89	2	снизу въ выноскѣ.	А. Пирръ	А Пирръ
95	13	сверху	трапзальпійскихъ	трансальпійскихъ
104	3	»	и дѣйствовать	дѣйствовать и
106	10	»	была оставляема	были оставляемы
111	1	снизу	всѣ	все
113	13	сверху	обоюдоострые	обоюдуострые
—	10	снизу	для него	для нея
129	3	сверху	посрамленія	посрамленіе
131	6	»	пурпуровой	пурпуровой
151	5	»	восная	военная
157	13	»	graecar	graecar.
161	14	снизу	Кампановъ	кампановъ
164	4	»	Pontiat.	Pontiat,
166	10	»	кампанскаго	кампанскаго
169	15	»	(devotio). облачась	(devotio). Обличась
184	1		несиано	написено
189	12		латитянъ	латинянъ
216	5	»	съ Имелькономъ	съ Имилькономъ

ВЪ ПРИЛОЖЕНІЯХЪ.

6	14	»	послѣдему	послѣднему
12	3-4	сверху	Franriscus	Franciscus

КАРТА
древней ЕВРОПЫ
и части древнихъ
АЗІИ и АФРИКИ,
во времена
Римскихъ:
республики и имперіи
ОКЕАНЪ ВЕРГИНСКІЙ
ОКЕАНЪ ГЕРМАНСКІЙ
БРИТАНІЯ
Вторая
Первая
ОК.БРИТАНСКІЙ
Кельтическая
Аквитанскій заливъ
Кантабрское море
Пиренейскія Горы
Заливъ Галльскій
Лузитанская
Бэтическая
Иберійское море
Тингитанская
Кесарійская
МАВРИТАНІЯ
Нумидія
Зевгитанская
Бизакена
Сиртска
КАРФАГЕНСКАЯ
Масштабъ
200
400
600
800 верстъ

Картографическое Заведеніе А. Ильина по б. Маѣ. № 1/43

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА